

- [Думбадзе Нодар](#)
 -

Думбадзе Нодар

Закон вечности

Нодар Владимирович ДУМБАДЗЕ

ЗАКОН ВЕЧНОСТИ

Роман

Перевод З. Ахвледиани

=====

А н н о т а ц и я р е д а к ц и и: В настоящий сборник Нодара

Думбадзе, грузинского писателя, хорошо известного читателю,

вошли произведения, снискавшие широкую популярность автору:

романы "Белые флаги", "Закон вечности", повесть "Кукарача" и

наиболее значительные рассказы.

=====

1

Боль возникла в правом плече. Затем она поползла к груди и застряла где-то под левым соском. Потом будто чья-то мозолистая рука проникла в грудь, схватила сердце и стала выжимать его, словно виноградную гроздь. Выжимала медленно, старательно: раз-два, два-три, три-четыре... Наконец, когда в выжатом сердце не осталось ни кровинки, та же рука равнодушно отшвырнула его. Сердце остановилось. Нет, сперва оно упало вниз, как падает налетевший на оконное стекло воробушек, забилося, затрепетало, а потом уже затихло. Но остановившееся сердце - это еще не смерть, это широко раскрытые от неимоверного ужаса

глаза и мучительное ожидание забьется вновь или нет проклятое сердце?!

- Сердце нельзя проклинять, батоно! Его нужно лелеять, дуть на него осторожноенько, как на закипающее молоко... - проговорила фельдшерица.

- Уважаемая, не до художественной литературы мне! Помогите!

- Надя, анальгин!.. Сейчас боль утихнет!

- Да он выпивши, доктор!

- Кардиограмму!

Чьи-то руки обхватили больного.

- Ну как? - спросил врач.

- Очень глубоко... Не знаю, что тут можно сделать...

- Болит?

- Доктор, уймите боль... или уж убейте меня!

- Промедол!

.....

Спустя пять минут:

- Ну как, полегчало?

Больной попытался открыть глаза, чтобы взглянуть на человека, задавшего этот наивный вопрос, но не смог: веки его были словно прижаты тяжелыми холодными свинцовыми пластинками.

- Морфий! - распорядился обескураженный врач и взял телефонную трубку.

- Это я, Антелава. Освободите монитор и подготовьте дефибриллятор. Быстро!

- У-ух, убейте меня! - взмолился больной.

- Азот! - приказал врач.

Больной почувствовал легкое прикосновение к лицу влажного куска марли. Потом тело его осторожно подняли, уложили в лодку и...

...Лодка чуть покачивалась, плывя по спокойной морской глади. Вдруг лодочник схватил огромный ржавый гвоздь, приставил к груди больного и сильным ударом кулака прибил его к скамье.

- Что ты делаешь, изверг! - простонал больной.

- Иначе свалишься в воду! - ответил лодочник.

Затем он такими же ржавыми гвоздями прибил руки и ноги больного, а сам бросился в воду.

- Не уходи, не покидай меня, дорогой, - взмолился больной. - Кто же выдернет гвозди?!

- Выдернут там, на другом берегу! - донесся издали голос лодочника. Больной слышал и другие глухие голоса с берега, но он не мог понять, что это было - прощальные напутствия, предостерегающие крики, слова утешения или вопли оплакивавших его людей.

...Потом голоса смолкли, растаяли, пропали. Остались лишь тупая боль, томительное ожидание, безбрежное море и он сам, пригвожденный к лодке, всеми забытый.

- Боже мой, боже мой, зачем ты покинул меня! - прошептал больной, но тут же понял, что слова эти произнес не он и поэтому бог не услышит их.

А лодка все так же мерно покачивалась на легких волнах голубого моря...

Минула тысяча лет, и вдруг больной ощутил толчок. И тут же острая боль, вызванная этим толчком, пронзила его. Лодка пристала к берегу.

Огромная толпа окружила лодку.

- Боже мой, как его пригвоздило, несчастного! - пожалел кто-то больного, вытаскивая лодку на берег.

- Выньте гвозди, я не в силах больше терпеть! - взмолился больной.

- Где Яшвили? - спросил один из встречавших.

- Я здесь!

- Выдерни!

- Глубоко очень...

- Тогда давайте все вместе! Ну... Раз, два взя-а-а-ли!..

"Господи, неужели не выдернут?" - подумал больной, приподнимая руку.

- Не двигаться! - предупредил его кто-то и тут же обратился к своим: - А ну еще раз, взя-а-а-ли!

Прошла еще тысяча лет. Люди зубами тянули гвозди из тела больного.

- Как? - спросил старший.

- Поднимается! - ответили подчиненные.

- Сколько?

- Шестьдесят!

- Ладно, погодите с давлением, займитесь теперь сердцем!

- Пульс пятьдесят!

- Кажись, выкарабкался! - сказал стоявший у монитора.

- Скатилось! - вздохнул больной.

- Что скатилось? - переспросил удивленный врач.

- Колесо скатилось! - повторил больной.

- Какое колесо? Откуда? - Голос у врача задрожал.

- Отсюда, вот отсюда, батоно! - больной приложил руку к сердцу и улыбнулся.

Врач, облегченно вздохнув, вытер со лба больного холодный пот.

- Спасли как будто! - проговорил он.

- Гм, инфаркт в его годы... Не рановато ли? - спросил кто-то, доставая дрожащими пальцами сигарету из коробки.

Больной еще раз попытался открыть глаза, чтобы взглянуть на задавшего этот наивный вопрос, но не смог: холодные свинцовые пластинки на его веках стали еще тяжелее...

...А потом наступило удивительное исцеляющее опьянение - теплое, легкое, розовое. Боль исчезла. Наступило исцеляющее опьянение, и больной вновь отправился в путь, но на сей раз не по морю, а по нескончаемой крутой лестнице. Удивляло одно: он спускался по лестнице вниз, а казалось, что поднимается все выше и выше...

В черной навыпуск блузе, опоясанный бечевкой, за которую торчал фанерный нож, во двор вошел, напевая песенку, хромой Аветик Бабаянц. За ним следовала женщина с шарманкой на спине. За женщиной бежала французская болонка. Сквозь спадавшие на лоб собачки белоснежные пряди шерсти сверкали иссиня-черные глаза-пуговки.

Бродячий театр Бабаянца расположился посредине двора. Хромой с довольной улыбкой оглядел домохозяек, заполнивших балконы четырехэтажного дома, картинно оперся левой рукой на рукоятку ножа, правой послал дамам воздушный поцелуй и объявил репертуар своего театра:

- Уважаемая тбилисская публика и аристократия! Полевой театр публичного артиста Грузии Аветика Бабаянца сегодня покажет вам современный вариант своей новой трагедии "Отелло". Роли исполняют: Отелло - Аветик Бабаянц, Дездемона - Мария Павловна, Яго - болонка Стелла.

Увертюру на шарманке исполняет Мария.

Цена билета - двадцать копеек. Деньги - вперед! Начинай, дура!

Мария завертела ручку шарманки. Под хриплые звуки музыки Бабаянц запел:

Летит муха из Багдада...

Летит муха из Багдада...

Айда-да-да, айда-да-да...

Среди вас кто всех милее

Бросьте деньги поскорее!

Айда-да-да, айда-да-да...

Монетный дождь звонко забарабанил по булыжнику двора. Дети, словно стайка голодных воробьев, бросились подбирать деньги.

- Эй вы, сорванцы, не вздумайте прикарманить их!

- Тут и медяки, дядя Бабаянц!

- Нагрей их и приклей себе к одному месту, а белые давай сюда!

- А которые решкой?

- Давай, давай, в кармане лягут орлом!

- Ого, вон сколько набралось!

- Не больше зарплаты твоего папаши!.. Эй, Мария, сука, вынь деньги из лифчика!

Сбор дани закончился. Бабаянц отпустил пояс, всыпал деньги во внутренний карман брюк, потом извлек из наружного кармана сложенную газету, развернул ее, положил на булыжник и чиркнул спичкой. Когда газета сгорела, он осторожно собрал пепел на ладонь, плюнул и растер его другой ладонью. Затем обеими ладонями провел по лицу и обернулся перед восторженными зрителями венецианским мавром.

- Стелла, выходи! - приказал Отелло.

Собачка подбежала. Отелло нагнулся, приблизил ухо к черному блестящему носу болонки. Собака - Яго трижды пролаяла и стала на задние лапки.

- О! - воскликнул Отелло, обращаясь к зрителям. - Яго говорит, что жена моя Дездемона путается с Кассио!

Изобразив на лице печаль, он снова нагнулся к болонке, и снова собачка трижды пролаяла - на сей раз громче и злее.

Отелло оторопел. С минуту он молчал, оценивая создавшуюся ситуацию. И вдруг громко захохотал:

- Ха-ха-ха! Нет и нет! Ты лжешь, собака!

Стелла подбежала к Марии, зубами выхватила из ее рук цветастый багдадский платок и поднесла мавру. Отелло взглянул на платок и застыл.

- Да, это тот самый платок, что подарил я ей в прошлом году! воскликнул он трагическим голосом и трижды ударился головой об акацию. Вспорхнули перепуганные воробьи. - Мария, выходи! - позвал мавр Дездемону.

Супруга Отелло прислонила шарманку к акации и подошла, низко опустив голову.

- Куда ты дела подаренный мною платок? - спросил Отелло, испытующе глядя на жену.

- Ты чего придираешься? Откуда мне знать, где твой платок? Небось сам потерял или сунул куда-то, а теперь терзаешь меня! - огрызнулась Дездемона.

- О, ничтожество! И ты должна называться женщиной! На кого ты меня променяла? На подонка Кассио? - Взбешенный Отелло схватил Дездемону за шею.

- Полегче, дурак! - Дездемона вырвалась из рук Бабаянца и улеглась на разостланную загодя на земле шаль.

Отелло еще раз громко расхохотался, потом опустился на колени, приложил ухо к груди Дездемоны и, убедившись, что она мертва, в ужасе схватился за голову, затем выхватил фанерный нож, ткнул его, словно термометр, себе под мышку и растянулся рядом с бездыханным телом своей невинной супруги. Болонка - Яго, улучив момент, подбежала к акации и, подняв ножку, окропила прислоненную к дереву шарманку.

Трагедия окончилась.

- Браво, Бабаянец! - гремели балконы.

- Браво, Отелло! - гремели веранды.

- Браво, Мария! - гремел весь дом.

- Браво, Дездемона! - вопили женщины.

- Браво, Стелла! Браво, Яго! - визжали дети...

В столовой горел свет. Трое разговаривали вполголоса, почти шепотом, будто боялись разбудить кого-то четвертого. Настенные часы пробили дважды.

- Поторопитесь, пожалуйста, нам нужно побывать еще кое-где... проговорил мужчина.

- Оля, надеюсь на тебя... Ребенка отвези к маме в Хони*...

* Х о н и - старое название города Цулукидзе.

Женщина, дрожащими руками укладывавшая в чемодан белье, с мольбой взглянула на другую, плакавшую в углу женщину.

- Не беспокойся, Анико! - всхлипнула та.

- Завтра же!

- Не нужны, калбатано*, эти завещания, - вмешался мужчина. - Я ведь сказал - вам зададут несколько вопросов по делу вашего мужа и отпустят домой. И чем скорее соберетесь, тем раньше вернетесь.

* К а л б а т о н о - форма вежливого обращения к женщине.

- Не бери греха на душу! - взмолилась женщина. - Пожалей несчастного ребенка! - Руки у нее дрожали, чемодан не заперся. Мужчина помог, запер чемодан и подал его женщине.

- Поторопитесь же, калбатано, утро уже!

- Какая я тебе калбатано?.. Если осталась в тебе хоть капля человеческой крови, сжался надо мной... Скажи, что не застал меня дома... Я сегодня же исчезну, сгину, испарюсь... - В голосе женщины зазвучала слабая, еле уловимая нотка надежды.

- Нет, это исключено!

- Тогда повремени еще минуту, попрощаюсь с сыном, - попросила женщина.

- Да уж прощались три раза!

Женщина направилась к спальне, но мужчина опередил ее и спиной прислонился к двери.

- Давайте кончать! Всему свой порядок!

- Одну только минуту!

- Нет!

- Неужели нет у тебя ни жены, ни детей?

- Нет и не будет, я человек вольный! - улыбнулся мужчина.

- Раб ты, а не вольный! Несчастный раб, комедиант и подлец, вот кто ты! - взорвалась женщина.

- Кто из нас раб и подлец, это выяснится там, а теперь шагайте, пока я... - побледнел мужчина.

- Что - пока?..

- С изменниками родины иначе не поступают!

- И ты говоришь о родине?! Бродяга!

- Запомните эти слова!

- Запомню!

Мужчина взял женщину за локоть и повел к выходу.

- Оля! - крикнула женщина.

- Анико! Дорогая моя!

На минуту наступило молчание. И вдруг раздались громкие рыдания двух женщин.

- Ух, будь проклято все на свете! Нашли куда посылать меня! закричал зубами мужчина. - Хватит вам! Человек же я, в конце концов! - Он с трудом проглотил подступивший к горлу комок. - Хватит! Пошли!..

Ребенка разбудил громкий стук захлопнувшейся двери. Он быстро привстал в постели и посмотрел на кровать матери. Кровать была пуста.

- Мама! - позвал ребенок.

Ему никто не ответил.

- Мама! - повторил он тихо. Потом подошел к материнской постели и приподнял одеяло. Постель была еще теплая.

Страх поднялся от ступней ног, через колени проник в полость живота, затем сковал легкие и, наконец, застыл в зрачках. Босиком, в длинной, до пят, белой сорочке ребенок подбежал к двери и толкнул ее.

В столовой на низкой тахте, уткнувшись головой в руки, сидела тетя Оля. Плечи у нее дрожали. Ребенок остановился перед ней и тихо спросил:

- Тетя Оля! Где мама?

Женщина не ответила.

- Тетя Оля, где моя мама? - повторил ребенок, коснувшись плеча женщины худенькой холодной рукой.

- Твоя мама, Бачана... - Женщина запнулась.

- Куда ушла моя мама?!

Женщина обняла ребенка, прижала его голову к груди и закрыла ему рот рукой, чтобы не слышать этого жуткого вопроса. Ребенок замолк, но по движению его губ женщина догадывалась, что он повторяет один и тот же вопрос.

Ребенок продрог, холодный пот лил с него ручьями. Губы его посинели и уже не двигались.

- Боже, боже праведный, неужели ты не видишь это? А если видишь, то где же твое могущество?!

Обессиленная женщина опустилась перед ребенком на колени...

- У мальчика порок сердца и острый невроз...

- Откуда? Почему, доктор? - спросила удивленно тетя Оля.

- Порок приобретенный... Не перенес ли он тяжелую травму?

- Н... нет!

- Сколько ему?

- Девять.

- Мда... а... а... странно... Очень странно...

Поезд медленно, словно зеленая гусеница, двинулся с Тбилисского вокзала. Тетя Оля раздела Бачану, надела на него длинную ночную сорочку, уложила на верхнюю полку, подложив под голову большой кожаный чемодан.

- Спи! - сказал она мальчику и уселась внизу, у окна. Бачана повернулся к стенке.

В переполненном общем вагоне было душно.

- А что принято говорить перед сном? - напомнила тетя.

- Спокойной ночи! - улыбнулся мальчик пассажирам и снова повернулся к стенке.

- Гляди, какой вежливый мальчонка! - удивился худой пассажир. - Мои дети только и обзывают друг друга сукиными сынами, да еще в моем присутствии!..

- А он кто? Ваш сын?

- Сын...

- Понятно... Но он совсем не похож на вас. Наверно, в отца?

- Да.

- Понятно... Верно сказано: яблоко от яблони недалеко падает...

- Ну-ка опустите шторы! - раздался повелительный голос проводника.

- Что случилось? - спросила тетя Оля.

- ЗАГЭС! - ответил кто-то.

- Ну и что?

- Боятся диверсии, - объяснил тот же голос.

- Диверсия... Диверсия... - повторил в полусне Бачана. - Утром спрошу у тети, что это такое...

И тут же сон сомкнул ему глаза...

...Ночью пришла мать. Она осторожно убрала из-под головы Бачаны чемодан и подложила мягкую пушистую подушку. Мальчик пошевелинулся. Мать обычно часто поправляла ему подушку, поэтому он даже не открыл глаза, а плотнее укутался одеялом.

- Положи голову на подушку, сыночек... - слышит Бачана шепот и чувствует прикосновение руки к щеке... Но почему рука такая шершавая? У мамы руки куда нежнее... Может, это папа? Да, наверно, папа, и он, конечно, положит под подушку подарок...

Гу-у-у-у... - гудит поезд.

Спит Бачана сладким сном. Спит, и снится ему чудесный сон... В зеркальном зале Дворца пионеров выстроились мальчики и девочки... Белоснежные сорочки... Алые галстуки... Бачана среди них. Сегодня не обычный день: Хосе Диас и Долорес Ибаррури раздают тбилисским пионерам шапки с кисточками -

подарки детей республиканской Испании... Долорес Ибаррури, высокая, смуглая красивая женщина, вручает Бачане шапочку от имени баскского мальчика.

- Будь готов! - говорит Ибаррури.

- Всегда готов! - отвечает, салютуя, Бачана.

- Салют! - говорит Долорес Ибаррури, поднимая над головой кулак, потом гладит Бачану по щеке и тепло улыбается...

Поезд вихрем вырвался из Ципского тоннеля, не останавливаясь, миновал, гудя, станцию Марелиси (шарахнулись перепуганные люди, толпившиеся на перроне) и помчался дальше.

- Этак мы за час будем в Самтредиа! - проговорил хриплым голосом пассажир с обвязанной грязным бинтом шеей.

- А в Самтредиа он останавливается? - спросила встревоженная тетя Оля.

- Странный какой-то вагон прицепили к нам в Мцхете, - вступил в разговор худой пассажир, тот, что хвалил Бачану за вежливость. - На лестницах стояли военные. Я как раз спустился за водой, видел собственными глазами...

А поезд все мчался и мчался, проносясь мимо небольших станций и полустанков.

- Через полчаса Самтредиа! Остановка - три минуты!

- Проводник шел по вагону, стуча ключом по койкам.

- Слишком уж быстро летит сегодня ваш поезд, - обратился к нему худой пассажир, - может, придется доплачивать?

- Доедешь - спроси об этом начальника станции! - огрызнулся проводник.

- А он встретит меня? - с напускной наивностью спросил худой.

- Если правительство не забыло предупредить его, встретит, конечно!

- Ну, на память нашего правительства я не жалуюсь... По сей день помнит, за кого я голосовал в девятьсот пятом на митинге во дворе Илорской церкви...

- Эй ты! Прикуси-ка язык да благодари бога, что я туг на ухо! прикрикнул на него проводник.

Худой прикусил язык. Поезд сбавил ход.

- Калбатано, вы, кажется, сходите в Самтредиа? - Молодой пассажир коснулся рукой задремавшей тети Оли.

Тетя вздрогнула и открыла глаза:

- Что?

- Самтредиа, говорю, скоро. Вы сходите?

- Да.

Тетя вскочила, бросилась к Бачане.

- Бачана, проснись, дорогой! Сходим!

Бачана присел на койке.

- Быстрей, дорогой!

Тетя возилась с сумкой.

Мальчик протянул руку к изголовью и обомлел.

- Тетя Оля, где мама?

- Ты о чем, Бачана?! - У тети Оли задрожал голос.

Пассажиры изумленно поглядывали то на мальчика, то на побледневшую женщину.

- Тетя Оля, ночью мама взяла чемодан! Куда она ушла?

Оля поняла, что сейчас повторится история прошлой ночи. Она быстро спустила ребенка на пол, прижала его к груди и прикрыла ему рот рукой.

- Люди, помогите мне!

Поезд остановился.

Дежурный по станции Самтредиа трижды ударил в колокол. Когда стоявший на втором пути поезд медленно тронулся с места и скрылся, дежурный так и застыл на месте: перед ним на пустом перроне стояли два человека - женщина без пальто, с распущенными

волосами и перекошенным лицом, и босоногий мальчик в длинной, до пят, белой сорочке. Держа друг друга за руки, они не двигались. Дежурный с минуту остолбенело глядел на них, потом машинально дернул за веревку колокола. В глубокой ночной тишине раздался заунывный колокольный звон.

Дзин-нау... Дзин-нау... Дзин-нау...

- Зосим, - обратился начальник станции к своему помощнику, - будь другом, уйми этого негодяя! Опять пьяным пожаловал на дежурство!

Женщина и ребенок все так же стояли на пустом перроне. А колокол все так же продолжал свою заунывную песню: дзин-нау... дзин-нау... дзин-нау...

З

Трехкочная палата была пропитана смешанным запахом йодоформа, спирта, камфоры и сыростью свежeweымытого пола. Чтобы не задохнуться, Бачана осторожным движением прикрыл нос одеялом, потом так же осторожно пощупал себе пульс. Сердце билось, как в детстве, когда, зажмурившись и прислонясь головой к стенке, Бачана начинал считать:

- Раз, два, три, четыре пять, шесть, семь, во-о-осемь, во-о-о-осемь с полови-и-иной, де-е-вять, де-е-евять с полови-и-и-ной, десять!

Бачана убрал руку с пульса и приложил ее к сердцу. Сердце молчало. Испугавшись, он тотчас же взялся за пульс. Пульс бился. Тогда он медленно высвободил нос из-под одеяла. Запахло остро.

- Окно... - тихо произнес Бачана.

- Чего? - отозвалась соседняя койка.

- Ого! Он жив? - спросила другая койка.

- Тащут сюда покойников! Что здесь - палата или морг? - сказала обиженно первая койка.

- Говорят, писатель, - ответила вторая.

- Писателю место на Мтацминде, а не здесь!

Бачана слышал диалог соседних коек, но главным для него сейчас был воздух - свежий, чистый воздух, и ничего больше.

- Окно! - повторил он.

- Что-то ему здесь не нравится - то ли воздух, то ли окно, - сказала первая койка.

- Воздух, - сказал Бачана.

- Видите ли, уважаемый, нам запрещено вставать и даже двигаться, сообщила ему вторая койка, - так что придется вам до прихода сестры довольствоваться тем же воздухом, которым дышим я и уважаемый Булика.

Бачана понял, что Булика - это имя первой койки. Теперь следовало установить личность второй.

- Сколько времени? - спросил он.

- По-моему, сейчас самое время батюшке осенить себя крестным знамением и воздать хвалу господу! - ответила первая койка.

Бачана покосился на вторую койку и увидел черную с проседью бороду. "Поп, что ли?" - подумал он и повторил вопрос.

- Сколько времени?

- Десять часов, - ответила борода.

- А век вас не интересует? - любопытствовал Булика.

Больные шутят или перед смертью, или после выздоровления. Бачана помнил, который теперь век, его сейчас интересовало другое - лицо этого выздоровевшего. Изголовье Булики было у ног Бачаны, и потому он мог видеть лишь блестящую его лысину.

Бачана невольно улыбнулся и, не желая обидеть соседа, спросил:

- Какой же сейчас век?

- Да-а, батюшка, видать, он едет из очень уж дальних краев, обратился Булика ко второй койке. - Я так далеко не забирался.

- Так у тебя была всего лишь ишемия задней стенки, а у него не стенка, а развалины Баграти!*

* Б а г р а т и - храм Баграта (X - XI вв.), около города Кутаиси.

- Ну, в таком случае сейчас для вас, уважаемый, первый век нового летосчисления! - уточнил Булика.

Бачана не ответил. Он стал осматривать палату.

Дверь. Койка. Койка. Две тумбочки, на них банки с мацони*, пузырьки с лекарствами, прикрытые салфеткой фрукты. Белые стены. Большое окно. Общий стол с графином для воды и засохшими розами. Под первой койкой - белый ночной горшок, что под второй, Бачане не видно. Сам он оказался Но 3. Лысину первого соседа он изучил достаточно. Профиль второго, бородатого, ему показался довольно симпатичным: высокий лоб, прямой нос, густая с проседью борода... Какое сегодня число? Какой месяц?

* М а ц о н и - род простокваши.

Вопросы один за другим возникали в голове Бачаны, и ни на один из них он не мог найти ответа. Да черт с ними, с вопросами, узнать хотя бы, какой сейчас год!

- Какой год сейчас? - выпалил он вдруг.

- Он или бредит, или дурачит нас! - сказал Булика.

- Нет, просто ему не хватает кислорода, и потому подводит память. Так было и со мной, - ответила борода, - надо постараться открыть окно.

Комната вдруг стала наполняться знакомым розовым туманом, и Бачана вновь оказался на крутой лестнице.

- Как вас звать, уважаемый? - донесся издалека голос Булики.

"Звать меня Бачана, фамилия - Рамишвили!" - хотел ответить Бачана, но промолчал, - Булика был очень, очень далеко.

- Отстань, он засыпает! - ответила борода еле слышно.

"Да нет, я не засыпаю, меня тянет вниз по лестнице! Помогите мне, верните наверх!" - хотел крикнуть Бачана и не смог. Началось розовое опьянение, язык не подчинялся ему. И, чтобы окончательно не лишиться соседства этих людей, Бачана присел на ступеньке.

- Заснул! - сказал Булика.

Бачана не спал. Он слышал все.

Из-под койки Булики выползла крыса, задрала вверх мордочку, приняхалась, пошевелила усиками.

- Пожаловала! - объявил больной No 2.

- Одна или с семейством? - спросил Булика.

- Пока одна.

- Погляди-ка, не умер ли наш писатель? Крысы, знаешь, прут на трупный запах, - сказал Булика и осторожно приподнял голову, чтобы увидеть крысу, но это ему не удалось. Скрип койки спугнул крысу, она стремглав бросилась к норе. Булика только успел увидеть кончик ее хвоста. - Ушла! - сказал он с сожалением.

- Вернется, - обнадежил его больной No 2, достал из тумбочки кусок сахара и бросил на пол. - Сейчас же вернется, с семейством.

- А ты все же взгляни - жив писатель?

Борода повернула голову в сторону койки Бачаны. Тот лежал неподвижно, сложив на груди бледные руки.

- Одеяло шевелится, и веки вздрагивают.

- Одеяло шевелится - значит, он дышит; раз дышит - значит, сердце работает; если вздрагивают веки - значит, он не спит; если не спит значит, слышит нас; слышит - значит, должен отвечать; не отвечает значит, плохи его дела... - заключил Булика. - Уважаемый писатель, вы живы?

"Жив, сижу на лестнице и жду, когда вы поднимете меня наверх", хотелось ответить Бачане. Увы, только

хотелось. Угадывать же чужие желания Булика не умел.

- Выкарабкается, вылезет - уверую в бога! - обратился Булика к бороде.

- А вот и вылезла! - обрадовалась борода. - Да еще с семейством!

На сей раз крыса изволила явиться в сопровождении супруга и двух крысят. Она совершила круг почета вокруг ночного горшка, потом бесцеремонно подошла к сахару. Не утруждая себя перетаскиванием пищи в нору, крыса подозвала домочадцев, и все по очереди принялись грызть сахар.

- Чует, сволочь, что мы не в силах встать! Иначе на такое нахальство при людях не осмелился бы даже тигр! - Булика в сердцах покачал головой. Крыса повернула голову, встала на задние лапки и с любопытством уставилась на говорящего.

- И даже речь нашу понимает, мерзавка! - удивился Булика.

Есть в мире неживом язык свой тайный, чудный.

Понять его людскому роду не дано.

Как знать, откроется ли мудрость нам, разумным,

Что в мире том постигнута давно?

- Это что, "Витязь в тигровой шкуре"? - спросил Булика.

- Нет, "Витязь" - вот это:

Звери, слыша Автандила, шли толпою из дубрав,

И внимали, и дивились на его сердечный нрав.

- Гм, да ей получше человека живется. Жрет бесплатный сахар, не ведает ни инфаркта, ни стенокардии, ни тахикардии... И мы же ей стихи читаем!.. Гляди, какая она кругленькая, что твой поросенок!

- Что ж, условия здесь подходящие...

- А что? Если рассмотреть вопрос в социально-историческом аспекте и исключить антисанитарию, то, рассуждая логически и объективно, нужно признать,

что крысы появляются в условиях изобилия продуктов питания. Так что я не вижу в этом факте ничего постыдного... И вообще, крыса ведь тоже божье творение... Жаль только, чуму она разносит, это да...

- Ты только не шуми и не обзывай меня безбожником, но скажи, пожалуйста, зачем понадобилось твоему богу сотворять крысу, а? Снабдил бы ее по крайней мере инструкцией! Ну, какое ей назначение на белом свете, а? Музыку играет? Нет! Вино пьет? Нет! Туфли починаяет? Нет! Толму готовит? Нет! Что же она делает? Сахар грызет, пол грызет, землю грызет, железо грызет, холеру, чуму, заразу всякую разносит! Вон что оно такое, твое божье творение! Тьфу, мать ее!.. - Булика плюнул и отвернулся к стене.

- Глупый ты человек! Бог сотворил крысу, чтоб убедить подобных тебе невежд в своем всемогуществе! И вообще, держи язык за зубами, иначе, гляди, как бы бог не переселил твою душу после смерти в ту самую крысу! - пригрозила борода.

- Для этого хватило бы ему и одной крысы, - сбавил тон Булика.

- Брось крысе сахар, у меня вышел весь! - сказал больной No 2.

- А может, "раковую шейку" ей поднести? Не выскочат ли у нее прыщи? спросил с презрением Булика, вновь поворачиваясь к собеседнику.

- Все живое на свете - творение божье, - ответил тот назидательно, и жить нам следует в полной гармонии.

Покончив с сахаром, крысы стали обнюхивать тумбочку Бачаны, но, не найдя там ничего съестного - Бачана не успел еще обзавестись запасами продуктов, - перекочевали к владениям больного No 2. Однако и здесь не оказалось ничего подходящего, и тогда они принялись грызть ножку тумбочки.

- У, чтоб вам провалиться! - взвизгнул вдруг больной Но 2 и с такой силой запустил в крыс башмаком, что перепуганный Булика схватился за сердце.

- Не нарушай гармонию, батюшка! - сказал он с иронией и на всякий случай подложил под язык таблетку нитроглицерина.

- В чем дело? - спросила вошедшая на шум фельдшерица.

- Уважаемая Женя, - обратился к ней взволнованно больной Но 2. - Или защитите нас от этих презренных тварей, или поставьте мышеловку!

- Что вы имеете в виду?

- Конечно, не "Мышеловку" Важа Пшавела! Спасите нас от крыс. Невозможно терпеть дальше их присутствие!

- Что вы, батоно, тридцать лет я работаю здесь и ни разу не видела ни одной мышки!

- А я и не говорю о мышах. Речь идет о крысах! - объяснил Булика.

- Тем более!

- Заявляю вам, здесь полно крыс! - повторил настойчиво больной Но 2.

- Чей это башмак? - ушла от ответа фельдшерица.

- Мой, уважаемая Женя, мой башмак, я хотел убить им крысу!

- А как же насчет "не убий", батюшка?

- Заповедь эта не нуждается в ваших комментариях, уважаемая Женя, а вообще-то говоря, женщина в вашем возрасте должна отличать человека от крысы! - обиделся больной Но 2.

- Мой возраст - не ваша забота! - взорвалась Женя. - И я фельдшерица не по крысам! Хотите лекарство - скажите, а насчет мышеловок и стрихнина обращайтесь к завскладом!

- У нас теперь в палате писатель. Он, наверно, скоро придет в себя, увидит все собственными глазами и

пропечатает вас в газете! - пригрозил Булика.

Фельдшерица подошла к койке Бачаны, присела на постели и пощупала его безжизненную руку.

- Эх, куда уж ему... - вздохнула она.

- Откройте, пожалуйста, окно, недавно он очнулся и попросил воздуха, - вспомнил больной Но 2.

Женя быстро вскочила с койки, подошла к окну и широко распахнула его.

В комнату ворвался свежий, живительный, настоящий на цветах акации воздух. В палате запахло весной.

- Встань, поднимись! - позвал сидевшего на лестнице Бачану чей-то очень знакомый голос, и он последовал этому зову. Лестница вывела его на небольшую поляну, окруженную цветущими акациями, усыпанную кровавыми маками. Среди маков стоял белоснежный, с роскошной гривой жеребенок. Он нетерпеливо бил передней ногой об землю, словно подзывая Бачану к себе.

- Иди сядь на меня! - услышал Бачана. Он сел на жеребенка, обнял его руками за шею и головой приник к шее. Жеребенок понесся. Гулко зацокали неподкованные копыта. Он примчал Бачану к белому храму и заржал так, словно забили тысячи больших и малых колоколов. Распахнулись врата храма, и появилась богоматерь с младенцем на руках. "Господь мой", - подумал Бачана, опускаясь на колени...

...Очнувшись, Бачана увидел фельдшерицу в белом халате, считавшую ему пульс. Он чувствовал, как текла по жилам кровь и как где-то около сердца движение ее замедлялось, натываясь на невидимую преграду. Но кровь упорно пробивала себе дорогу, напирала на окружающие ее стенки. Течение крови становилось все сильнее, быстрее. Теперь она не текла, а билась, струилась, кипела так, что у Бачаны даже разболелись виски. Но это была иная, особая боль. И Бачана понял,

что покинувшая его жизнь возвратилась, вошла в комнату, уселась к нему на койку и коснулась его груди. Все это Бачана сперва почувствовал, затем услышал, а потом уже увидел.

- Здравствуй! - улыбнулся он возвратившейся жизни.

- Здравствуйте! - вырвалось у фельдшерицы и обоих соседей. И было в этом "здравствуйте" все - неожиданность, радость, удивление.

- Здравствуйте! - повторил Бачана, улыбнувшись людям.

- Вернулся! - сказал Булика.

- Вернулся! - подтвердил Бачана.

- Где же вы изволили быть? - поинтересовался Булика.

- Наверное, в Вифлееме! - улыбнулся Бачана.

- Он, кажись, и теперь там! - погрустнел Булика.

- Да нет, я действительно вернулся! - успокоил его Бачана. - Сколько дней я тут? - обратился он к фельдшерице.

- Один день и одну ночь, - ответила она, поправляя подушку.

- Спасибо...

- Как вы себя чувствуете?

Бачана задумался. Сердце его билось с перебоями, но не так слабо - он слышал свое сердцебиение. Он пошевелил руками и ногами, но тела своего не ощутил. Им овладело легкое, приятное чувство свободного полета. "Вот это и есть, наверное, невесомость", - подумал Бачана.

- Как вы себя чувствуете?

- Как космонавт! - ответил Бачана с уверенностью опытного межпланетника.

- Сердце беспокоит?

- Болит немного, но это не такая боль, как тогда...

- Знаю, - прервала его фельдшерица, - я сейчас сделаю вам укол гепарина и пантопона. Спите,

отдыхайте, не разговаривайте и не двигайтесь...
Вечером придет профессор.

- Совсем не двигаться?

- Совсем!

- А если чуть пошевелиться?

Фельдшерица призадумалась, потом тихо, но с убийственной твердостью и уверенностью заявила:

- Умрете!

Бачана с трудом проглотил слюну. Потом он покорно принял два укола (фельдшерица тотчас же приложила к местам уколов теплую грелку) и затих.

- Если что, позовите меня, - обратилась фельдшерица к нему. - А вы, повернулась она к остальным, - примите седуксен - и спать. Кое-что замечают и в других палатах, но не устраивают из-за этого скандала на весь свет!

Она вышла.

- Все профессору расскажу! - крикнул ей вдогонку Булика, но фельдшерица не слышала.

- Это тут у нас, до вашего возвращения в наш мир, вышел небольшой спор по поводу крысы, - разъяснил Бачане больной Но 2.

- Какой крысы?

- Она скоро пожалует, тогда и познакомитесь с ней... А теперь позвольте представиться: настоятель Ортачальской церкви святой троицы Иорам Канделаки. А это сапожник из Ваке, Автандил, он же Булика, Гогилашвили...

- Почему же Булика?

- В детстве я вместо "булка" говорил "булика". Вот и прозвали меня Буликой. Вы тоже можете называть меня так, - ответил Булика.

- Очень приятно... А я - Бачана Рамишвили, писатель.

- Это нам известно. А отчего с вами случился инфаркт?

- Ей-богу, не могу сказать! - вздохнул Бачана.

- Может, вы того... Это самое? - Булика выразительно щелкнул себя по горлу. - Говорят, писатели очень любят...

- Нет, что вы! - улыбнулся Бачана.

- Ни-ни? - удивился Булика.

- Как это "ни-ни"? - удивился в свою очередь Бачана.

- То-то!.. А то странно: как же человек пишет, если он не пьет?! А сколько, например?

- Ну... одну, две, три...

- Рюмки?

- Бутылки!

- Вот это я понимаю! Молодец!.. Но теперь вам придется временно переключиться на компот.

- Не временно, а навсегда! - проговорил отец Иорам.

- Не говори! Лучше уж покончить с собой! - вскрикнул Булика.

- Да, на компот... Если б ты пил компот, не пришлось бы валяться здесь! - произнес наставительно отец Иорам.

- А ты? Ведь ты не пил вина, почему же лежишь рядом со мной, а? спросил Булика со злорадной улыбкой.

- Да, похоже, так оно и будет... Компот, - сказал Бачана.

- Вообще-то оно верно... Вот у меня был один знакомый писатель вроде вас, туфли я ему чинил. Так каждый раз, когда я бывал пьян, он каркал вороной:

Булик мой, не пей напитки,

Обретешь, поверь, ты пытки!

А я не верил ему, думал, ненормальный он, как и все поэты... Вот и допрыгался! Мне еще и тридцати нет, а уже инвалид... Да черт с ним, с вином, - вздохнул Булика, - каждую ночь, словно красавицы, папиросы мне снятся!.. В общем, после этого инфаркта - жить не захочешь!..

- После инфаркта человеком овладевает страх, отвратительный страх! Вы боитесь? - спросил отец Иорам Бачану.

- Боюсь, очень даже боюсь! - признался тот.

- Напрасно! - вмешался Булика. - Вы пока еще под наркозом, а со временем все пройдет... А вам ничего не мерещится? Никого не видите?

- Да, вижу кое-кого, - ответил Бачана после недолгого раздумья.

- Бывает... Иногда и говорить будете во сне... Все свои тайны выдадите!.. Глядите, если у вас есть любовница, будьте осторожны, не называйте ее имени при жене!

- Благодарю вас, учту, - улыбнулся Бачана.

- Вообще, - продолжал Булика, - умные люди обзаводятся любовницами, которых зовут так же, как их собственных жен. Вот я, например, когда был в таком же, как вы теперь, положении, ну вроде космонавта, что ли, все вспоминал, оказывается, свою любовницу Свету, называл ее разными ласковыми именами... Моя собственная Света сидела, оказывается, тут, у кровати и рыдала: "Вайме, Булик-джан*", я и не думала, что ты так меня любишь!" А я знай себе болтаю свободно про свою любовницу... Если и отчества у женщин одинаковые, - тогда у мужа не жизнь, а настоящий рай!.. Но однажды я все же опростоволосился! Вот отец Иорам свидетель...

* В а й м е - горе мне. Д ж а н - ласкательная форма обращения.

- Как это? - оживился Бачана.

- Сморозил я в бреду такую, оказывается, глупость: "Света-джан, - это я, значит, любовнице своей, - Света-джан, знаешь ведь, первый плод достается свинье, - под свиньей я подразумевал свою жену, - но ничего, если бог даст, выкарабкаюсь отсюда, женюсь тотчас же

на тебе!" Услышав такие речи, моя жена разревелась и стала, оказывается, биться головой о вашу кровать, тогда она пустовала. "Вайме, мой Булика совсем спятил, про нашу свадьбу даже не помнит!" Знала бы она, что именно тогда я был в самом что ни на есть трезвом уме!.. Вот... - Булика вдруг оборвал речь и уставился на Бачану.

Бачана лежал с закрытыми глазами, с выражением блаженства на лице и мерно, спокойно дышал.

- Э, да какой же это странный человек, как он быстро ходит туда и обратно! - обиженно сказал Булика священнику.

- Оставь его в покое, это действие пантопона... Пусть поспит.

А Бачана сквозь розовый туман спускался вниз по знакомой крутой лестнице, но на сей раз ясно чувствовал, что поднимается все выше и выше...

4

- Вот тебе, сынок, направление. Сходи в Чохатаури*, сделай рентгеновский снимок... Не нравятся мне твои блестящие глаза и розовые щеки!

* Ч о х а т а у р и - районный центр в Западной Грузии.

Бачана сложил вчетверо листок бумаги и спрятал его в карман.

- А что со мной, дядя Евгений? - спокойно спросил он врача.

- Давно тебя температурит?

- С месяц, наверно.

- Потеешь?

- Днем потеют ладони, а ночью прямо-таки плаваю в поту! - Бачана вытер о брюки потные ладони.

- Кашляешь?

- Иногда, но сильно, как собака, - грустно сострил Бачана.

- Крови не замечал в мокроте?
- Было немного на прошлой неделе, вот столько, -
Бачана показал ноготь мизинца.
- Что же ты молчал до сих пор, сынок? - Голос у
врача дрогнул.
- Да что же такое со мной? - забеспокоился Бачана.
- Посмотрю снимок, тогда скажу.
- Как эта болезнь называется?
- Инфильтрат... В более сложной форме -
бронхоаденит.
- А по-грузински как? - не отставал Бачана.
Врач не ответил. Он сел за стол и стал бесцельно
ворошить бумаги.
- А какое против него лекарство? - снова спросил
Бачана.
- Пенициллин и сульфидин, - ответил, не поднимая
головы, врач.
- Можно их достать?
- Можно! За десять тысяч рублей в Тбилиси! - Врач
взглянул в расширившиеся от изумления глаза Бачаны.
- Где же взять такие деньги?
Врач пожал плечами и беспомощно развел руками.
- А еще какие лекарства, дядя Евгений?
- Еще? Сливочное масло, молоко, рыбий жир, икра,
яйца, сахар, мед, тепло и Бахмаро!..* Вот лекарство!..

* Б а х м а р о - высокогорный курорт в Западной
Грузии.

У Бачаны пересохло в горле... Все перечисленное
врачом стоило вдвое дороже названных лекарств. Он
долго стоял молча, не двигаясь, потом достал из
кармана направление, аккуратно расправил его,
положил на стол и так же молча направился к двери.

- Куда ты, парень? - окликнул его врач.
- Пойду я, дядя Евгений, сам как-нибудь справлюсь
со своей болезнью, - сказал Бачана хмуро.

- погоди! Зайди в аптеку, купи гематоген, пей по чайной ложке три раза в день. Полезно это... - Врач достал из кармана червонец, протянул Бачане. - На вот, возьми...

Бачана взял деньги и положил рядом с направлением.

- Деньги даст дедушка... А вам большое спасибо, дядя Евгений! Бачана открыл дверь.

- Скажи деду, пусть заглянет ко мне.

- Болеет он, дядя Евгений, трудно ему ходить, - солгал Бачана.

- Тогда передай ему... - Слова застряли в горле у врача.

- Что передать?

- Передай, чтобы... - Голос у врача прервался. - Да ты не бойся, сынок! Еще не поздно! Ты парень крепкий, куда там болезни до тебя!

- Что передать деду, дядя Евгений?

- А вот что! - взорвался вдруг врач. - Пусть он, несчастный, немедленно распродаст все - дом, двор, душу и плоть свою и купит тебе пенициллин! Слышишь меня?! Немедленно!

Врач кинулся к столу, схватил направление и деньги, изорвал их в клочья и подбросил к потолку, потом повернулся с изменившимся лицом к Бачане и крикнул:

- И я после этого называюсь человеком?! Я называюсь врачом?!

Не выдержав взгляда врача, Бачана вышел из комнаты.

- Тетя Аграфена, дай мне две бутылки гематогена. В воскресенье продам в Чохатаури персики и рассчитаюсь с тобой, - попросил Бачана провизора, когда они остались в аптеке одни.

- Для чего тебе, парень, гематоген? Его пьют чахоточные.

Бачану пробрала дрожь, ладони у него вспотели, ноги ослабли. Так прямо и громко никто еще при нем не упоминал названия этой страшной болезни.

- Для дедушки... Евгений ему посоветовал... Помогает, говорит, при слабости...

- Бери, сынок, бери... Да только... Сомневаюсь я насчет твоих персиков...

- А что, дорогое лекарство?

- Девять шестьдесят бутылка...

- Тогда дай одну бутылку. Деньги отдам в воскресенье.

- Что с тобой, сынок? Отчего ты побледнел? - спросила участливо Аграфена.

- Да нет, ничего, я вообще бледный. - Бачана взял бутылку, вышел из аптеки и, чтобы не упасть, присел на прогнившие ступеньки лестницы.

- Здравствуй, дядя Глахуна!

- Здорово! Да только не признал я тебя... - сощурил глаза заведующий фермой.

- Бачана я, внук Ломкацы Рамишвили.

- Ну и вымахал, парень! - удивился Глахуна. - Как поживает дед?

- Да так...

- Мда-а... Потерять таких сыновей... Как еще душа в нем держится... Ты которого?

- Старшего.

- Акакия?

- Да.

- Эх и отец был у тебя! В твои годы один, с голыми руками ходил на медведя!.. Так что нужно Ломкаце? Без дела ты не пришел бы ко мне.

- Дядя Глахуна, возьми меня на ферму пастухом...

- Мал ты еще, сынок, не угнаться тебе за козами да телятами.

- А отец, говоришь, в мои годы на медведя ходил?

- Так твой отец был здоров как бык, а ты? Дунь на тебя - полетишь вверх тормашками. Сколько тебе лет?

- Пятнадцать!

- А дед? Отпустит он тебя?

- Если будет твое согласие, отпустит!

- Да как же мне согласиться! Дед ведь знает лучше меня, каков труд пастуха в горах!

- Прошу тебя, дядя Глахуна!

- Не могу, сынок!

Губы у Бачаны скривились, глаза наполнились слезами.

- Не отказывай мне, дядя Глахуна!

- Да что это тебе так приспичило?!

- Чахотка у меня, дядя Глахуна! - Бачана проглотил слезу.

- Молчи, дурачок! Разве можно так шутить?! - рассердился Глахуна.

- Дядя Евгений сказал... Будешь, говорит, есть много масла, пить много молока, дышать горным воздухом, сумеешь, говорит, осилить свою болезнь...

- Убей меня бог! - застонал Глахуна Керкадзе, обнимая Бачану.

- А вдруг простудишься в горах под дождем да снегом? А вдруг умрешь? Что мне тогда делать? Как взглянуть в глаза несчастному твоему деду? Мальчик мой дорогой! Тебе не горы да леса, а перины нужны да пуховики!

- Не отказывай мне, дядя Глахуна! - Бачана обнял Глахуну и заплакал.

- Хорошо, хорошо, дорогой! Возьму тебя с собой, птичьим молоком буду поить тебя, не то что козьим! Буду беречь как зеницу ока! За два месяца откормлю тебя так, что будешь одной рукой валить трехлетнего бугая! Молчи, молчи, дорогой мой, не плачь! Что нам болезнь! Чихать нам на болезнь! Да перестань же, сукин ты сын!

Бачана давно уже перестал плакать, но теперь плакал, как маленький, Глахуна Керкадзе, и некому было унять его...

Двадцать три коровы, два бычка, двадцать семь коз, три лошади и один кабан - вот и все поголовье скота, молочного и мясного, которым располагал Кведобанский колхоз летом 1943 года. Ферма стояла на горном пастбище, на склоне Чхакоуры, в окрестностях Бахмаро. Летом колхозники вместе с общественным стадом гоняли на пастбище и собственный скот - больше негелей и телок, ибо поступиться дойной коровой на три-четыре месяца в те голодные военные годы люди, конечно, не могли.

Жалкое богатство ста двадцати дворов охраняли две овчарки и трое мужчин - заведующий фермой Глахуна Керкадзе, Сипито Гудавадзе и Иона Оранвелидзе. Бачана был четвертым, но его никто всерьез не принимал.

Единственный кабан в стаде принадлежал Глахуне. И этому кабану сегодня предстояло разделить горькую судьбу своих охолощенных сородичей. Двухлетний породистый здоровяк, разумеется, ни о чем не догадывался. Он с наслаждением конался в мусоре, и сильное короткое рыло его вспарывало землю, словно лемех тракторного плуга. Пока кабан беззаботно занимался своим делом, Глахуна стоял под навесом и правил бритву на свисавшей с гвоздя уздечке.

- Жалко кабана, дядя Глахуна! Не надо холостить его! - попросил Бачана.

- Нечего ему одному рыскать по лесу таким женихом! Здесь хоть семь дней скачи, ни одной свиньи не сыщешь! Вот охолостим его, тогда забот у него, кроме как о пище, не будет! Остепенится, мяса нагуляет, вот увидишь! - успокоил Глахуна Бачану.

- Ну, знаешь, наш Сипито тоже один бродит по лесу, однако не холостим же мы его! - вступился за кабана

Иона Орагвелидзе.

- Эй ты, дармоед, если б тебя самого вовремя охолостили, не было бы теперь на свете твоего гениального наследника! Семнадцать лет болвану, а грушу от яблока не отличит! - выпалил вышедший из-под навеса Сипито.

- От болвана слышу! Мой мальчик в детстве с дерева упал, что известно каждому! А ты? В жизни своей ни разу даже не поскользнулся, а девять лет сидел в первом классе! Забыл?

- Глахуна, - обратился Сипито к заведующему фермой, - давай приступим к делу, иначе этот сукин сын со свету нас сживет! Знаешь ведь, язык у него вывалян в коровьем навозе!

- Глахуна, скажи по совести, кто из нас прав? - призвал Иона в свидетели Глахуну.

- Обоим вам следует вырвать языки, и я займусь этим, как только покончу с кабаном! - пообещал Глахуна, потом провел по ногтю большого пальца лезвием бритвы и продолжал: - Хватит вам дурака валять, ловите кабана!

- Куда нам тягаться с ним! Видишь, он скоро землю насквозь протрет! заявил Иона.

- Почеши-ка ему живот! - посоветовал Глахуна Бачане.

Бачана вынес из сарайчика горсть желтой кукурузы и направился к кабану.

- Хрю-хрю-хрю!..

Кабан поднял вверх рыло и, увидев кукурузу, помчался к Бачане, смешно шевеля ушами.

- Вот дурак, сам бежит к эшафоту! - пожалел Иона кабана.

Сипито приготовил подогретую воду и золу, Иона принес веревку. Глахуна сложил бритву, засунул ее за пояс, вытащил из подседельного войлока огромное

сапожное шило с продетой шелковой нитью и стал закручивать рукава.

- Чеши, чеши! - крикнул он Бачане.

Бачана присел перед кабаном на корточки и стал чесать ему живот. Кабан похрустывал кукурузой и не обращал на Бачану внимания. Покончив с едой, он вдруг замер, закрыл глаза и захрюкал от удовольствия. С минуту он предавался наслаждению стоя, потом припал на передние ноги, завалился на бок и застыл.

- Эх, глупое создание, не ведаешь ты, чего лишаешься ради двух зернышек кукурузы! - проговорил Иона, набрасывая петлю на заднюю ногу кабана. Тот даже не шевельнулся: лежал с закрытыми глазами и похрюкивал. Бачана чесал ему живот обеими руками.

Кабан почуял неладное, когда Иона связал в вторую его ногу. Он рванулся, но было уже поздно. Сипито восседал на кабана верхом. Иона держал его за уши. Бачана стоял тут же и с волнением ожидал дальнейших событий. Пока Глахуна теплой водой мыл кабану место предстоящей операции, тот визжал вполголоса. Но вот Глахуна раскрыл бритву, и... душераздирающий визг животного разнесся по всей округе.

- Завязал бы себе рот, напустишь, чего доброго, в рану заразы, сказал Глахуне Сипито.

- Держи язык за зубами! - огрызнулся Глахуна.

Операция продолжалась. От визга кабана, казалось, расколется небо и обрушатся горы.

- Ну и вопит, черт бы его взял! - сказал Сипито.

- Поглядел бы я на тебя, как бы ты вопил на его месте! - ответил Иона.

- Начал, да? - предупредил его Сипито.

- Ладно. Но будь я Сталиным, я бы после окончания войны вызвал бы Глахуну и велел ему сделать точно такую операцию Гитлеру и всем в его шайке! - сказал Иона.

- Не знаю, как у других, но у Гитлера, по-моему, и оперировать нечего... Жены и детей у него нет, и желания, говорят, никакого... разгласил Сипито тайну имперской канцелярии.

- Вообще-то людоедство - свойство всех оскопленных... Ага-Мохаммед-хана* помните? Который Тбилиси спалил. Так он ведь тоже был того... Надеялся на серные бани... А когда ничего у него не вышло, разозлился и велел сжечь город, - выдал Иона в свою очередь тайну шахского двора.

* А г а-М о х а м м е д-х а н - шах Ирана, разоривший в 1795 г.

Тбилиси.

- Ну, дорогой мой, если бы серная вода помогала, то наша Ефросинья была бы самой богатой женщиной на свете, - у нее во дворе целый серный источник! - Глахуна наложил последний шов, обрезал нитку, вытер со лба пот тыльной стороной окровавленной руки и, кряхтя, встал. - Отпустите кабана! - приказал он.

Сипито и Иона освободили связанное животное и посторонились. Кабан сперва не поверил в наступивший конец ада и продолжал визжать. Потом, почувствовав облегчение, он вскочил на ноги, потоптался на месте и вдруг бросился к лесу.

- Эх, звери мы, а не люди! - сказал Бачана. - Что нам стоило напоить его перед операцией водкой?

- Дай-ка помыть руки! - попросил его Глахуна.

- Взял ты грех на душу, Глахуна Керкадзе! - упрекнул Сипито заведующего. - А ну как встретится он в лесу со свиньей, ведь опозорится, несчастный! - И Сипито проводил печальным взглядом бегущего кабана.

- Ладно, посмеялись, и хватит! Подоите скотину, если есть что доить, и гоните ее сюда! - прикрикнул Глахуна на товарищей. - А ты? Чего ты уставился на кабана?! - повернулся он к Бачане. - Иди подои сегодня

козу Гено, твоя-то завтра должна отелиться. И смотри у меня! Выпьешь молоко до последней капли! А то, вижу, обманывать стал! Осмелел больно! Гляди! Разобью кувшин о твою глупую башку!

Бачана молча отправился доить козу.

- Дай бог тебе здоровья и жизни на сто лет, Глахуна! - сказал Иона, когда Бачана скрылся с глаз. - Спас ты ребенка! Не узнать его! Морда кровь с молоком.

Глахуна, пропустив мимо ушей слова Ионы, взял ведро и пошел к коровам.

Спустя час скот Кведобанской колхозной фермы с мычанием и блеянием рассыпался по зеленому склону горы Чхакоура.

Вечером на ферму поднялся председатель колхоза Герваси Пацация в сопровождении двух бойцов народного ополчения, вооруженных автоматами.

Было прохладно. Хозяева и гости расселись у костра. Весело трещали сосновые дрова, источая приятный запах ладана. В котле варился козленок. Вокруг костра в ожидании вкусных костей в награду за верную службу с лаем бегали овчарки.

- Что еще нового? - спросил председателя Глахуна, возвращая сложенную вчетверо газету.

- А что тебя еще интересует? - поднял голову Герваси и погладил лежавшую у него на коленях кобурку маузера.

- Про оставленное в селе добро не спрашиваем, - вмешался Иона, - вряд ли что ты к нему прибавил... Как дела на фронте?

- Дела на фронте?.. Плохи дела Германии! - Герваси опять погладил свой маузер.

- Да убери ты его, пальнешь, чего доброго! - проворчал Сипито, отодвигаясь. - Ну как, что с Германией?

- Что! Под Смоленском осрамилась, под Москвой опозорилась, - Герваси стал загибать пальцы, - где еще

она оскандалилась? - спросил он себя и, не вспомнив, махнул рукой. - Вообще наложила в штаны Германия, и все тут! С трудом удерживает Румынию, Чехословакию и Италию...

- Когда же конец войне? Что говорит Сталин?

- Говорит, что скоро, но времени не указывал, - развел руками Герваси.

- Указал бы, что ему стоит? - удивился Иона.

- Да вы что? Война с Германией - это вам не кабана холостить! оправдал Герваси Сталина.

- А холостить кабана - тоже нелегкое дело, мой Герваси! - вступился Глахуна за авторитет собственной профессии.

Сипито снял с огня котел, за ногу извлек из бурлящей воды козленка. В воздухе аппетитно запахло вареным мясом, луком и лавровым листом.

- Ну-ка, ребята, тащите его сюда! - распорядился Герваси.

Бойцы батальона подкатили к костру бурдюк. Глахуна раздал глиняные чаши. Все по очереди подходили с чашами к Герваси и, получив свою порцию вина, возвращались на место. Подошел и Бачана. Герваси вопросительно взглянул на Глахуну, тот утвердительно кивнул головой.

Первым отпил Герваси.

- Вот это лоза! Да благословит бог твой корень! - воскликнул он с удовольствием. И это восклицание было принято за первый тост.

- Да благословит! - повторили все и одним духом опорожнили чаши.

Герваси налил по второй. И опять, прежде чем налить Бачане, он взглядом попросил разрешения у Глахуны. Тот разрешил.

- Не много ли? - спросил Герваси.

- Еще три! - сказал Глахуна.

- Дело твое! - согласился председатель.

- Этой чашей, - начал Герваси, - выпьем за здоровье нашей партии и ее Политбюро во главе с великим Сталиным! - он осушил чашу до дна.

- За партию, за Сталина! - повторили все и закусили.

- Второй тост - за наше правительство во главе с великим Сталиным!

Выпили единодушно.

Спустя минуту Герваси произнес третий тост.

- За нашу Красную Армию во главе с великим Сталиным!

Этот тост также поддержали единодушно, но каждый по-своему:

- За здоровье нашей армии!

- За победу Красной Армии!

- Да хранит бог ее солдат!

- Пусть поразит врага каждая пуля наших красноармейцев!

- За мир на земле!

Герваси снова поднял чашу:

- А теперь во главе с великим Сталиным...

- Герваси! - прервал его Иона. - Я почти готов, и пока еще держусь на ногах, выпьем за мальчонку! Сталину хватает тостов и благословений... И с делом своим, слава богу, он справляется и без тебя!..

- Не то говоришь. Иона Орагвелидзе! - обиделся председатель. - Если бы не наша поддержка...

- Наша поддержка, дорогой мой, заключается в том, чтобы вырастить государству здоровых и крепких парней!

- Прав ты, прав! - сдался председатель. - Выпьем за Бачану Рамишвили! Слушай меня, Бачана!.. Запомни этот день и этого человека. - Герваси положил руку на плечо сидевшего рядом с ним Глахуны Керкадзе. - Следы его ног ты должен целовать, мой мальчик! Ты должен заменить ему сына, который погиб там, на фронте... Памятника никому нашему Глахуне не

поставит, и ордена ему не дадут... Ты должен стать и орденом и памятником ему!.. Оглянись вокруг, подумай и пойми, мой мальчик: все, что ты видишь на свете, твое! Миллионы людей умирают сейчас с пулей в груди, и никто ничего не уносит с собой. Все остается тебе, твоим сверстникам... Слезами залиты очаги. Рыдают сироты и вдовы. Стонут неухоженные поля. Плачет земля без хозяина... Мы возвращаем себе все, что отняли людоеды... Но хватит ли у нас, стариков, сил на восстановление разоренной страны? Не знаю... Сделать это должен ты и твои товарищи... Вы должны возродить страну! И есть у нас великая просьба к вам: забудьте слова "бывшее село", "бывший город"... Пусть поколение, которое придет после вас, узнает о войне только по вашим рассказам!.. - Герваси простер руки к небу, обвел взглядом посеребренные лунным светом горы. - Любите и берегите красоту Родины... Любите высокой, чистой, светлой любовью! Родина - это храм святой, и перед его алтарем надо молиться на коленях. Не только молиться, но еще и оберегать ее с оружием в руках, чтобы черти не осквернили нашу святыню. И еще одно: будьте всегда первыми среди приносящих жертву на алтарь Отечества!.. Нет у меня больше никакой просьбы и никакого желания! Выпьем! - И Герваси с благоговением поднес к губам чашу.

- Герваси Пацация! - воскликнул восторженно Иона.
- Если все, что ты сейчас сказал, не вычитано тобой, а накипело у тебя на сердце, пусть отсохнет моя рука, если я еще раз не выберу тебя председателем!

- Я пришел сюда не баллотироваться, - ответил Герваси, - и эти двое тоже не без дела здесь!

- В чем дело, Герваси? Арестовать, что ли, собрался нас? - рассмеялся Сипито.

- Дело в том, что... Обнаглел вконец этот мерзавец!

- Ты о ком, Герваси? - спросил Глахуна.

- О Манучаре Киквадзе, вот о ком!

- Неужто так трудно изловить негодяя? Три года прошло, как он сбежал из армии, и вы до сих пор не смогли схватить его? - обратился Иона к бойцам.

- Не так-то просто ловить человека в лесах! - попытался оправдаться один из них.

- К тому же он сейчас осторожен, как сатана, - добавил второй, - чуть не каждый день меняет место... Раньше он кое-где находил приют, помогали ему - кто по старому знакомству, кто под страхом... Теперь все отреклись от него. И в Суреби ему путь заказан - там он изнасиловал двух малолетних да еще заразил их какой-то гадостью... Мать одной девочки сошла с ума, несчастная.

- Куда же смотрит отец! - выпалил Сипито.

- На фронте он... - развел руками боец.

- И это ваш ответ?!

- Тот раз в Квемо-Чала он еле ушел от нас, а спустя неделю отрезал язык у ни в чем не повинного Бондо Цкипуришвили, заподозрив его в доносе... Вдова Карцивадзе из Амаглеба отказалась впустить его в дом, так он в ту же ночь спалил его... Да, теперь он опасен, как бешеный волк...

- Он должен умереть - говорю это перед богом! И если вы не в силах сделать это, дайте нам оружие, сделаем мы! - сказал вдруг Глахуна Керкадзе и почему-то взглянул на Бачану. В глазах Глахуны Бачана увидел отблеск огня, от которого мальчика мороз пробрал.

- На днях Киквадзе побывал на Набеглавской ферме, забрал целый мех сыра. Не исключено, что появится и здесь, поэтому, если у вас есть что сдавать государству, завтра же везите в село... - сказал Герваси, вставая.

- Поделом вам! Зачем отобрали у нас ружья? - проговорил Сипито.

- Сейчас не время устраивать прения! Дайте нам головок двадцать сыра да двух козлят, больше мы не довезем! - сказал Герваси, потом повернулся к бойцам. -

Собирайтесь, к утру нам надо быть в селе! - И направился к коню.

- Э, да вы все забираете себе, что же достанется Манучару Киквадзе? съязвил Иона.

- Язва ты этакая, - обиделся председатель, - когда я ел колхозное добро? Для детского сада везу, для твоей же внучки! Может, не веришь?

- Да пошутил я, пошутил! - смутился Иона. - А впрочем... Твой предшественник тоже так говорил, а потом те козлята резвились в его собственном дворе. Так-то!

- Гм, может, и мне заделаться разбойником и вырвать твой проклятый язык? Эх ты!.. - Герваси махнул рукой и стал затягивать подпруги.

- Готово все! - подошел Глахуна. - Сегодня пригоним лошадей, завтра свезем в село все остальное.

- Отлично! Ну, будьте осторожны! Пока, до свидания! - Герваси вскочил на коня.

- Герваси! - окликнул его Глахуна.

- Да?

- Оставь нам свой маузер.

- А как же я без оружия?

- Хватит вам двух автоматов. А маузер я привезу в воскресенье.

Герваси заколебался.

- Ну, нечего тут раздумывать, решай!

Герваси нехотя снял с плеча ремень и протянул Глахуне маузер.

- Учти, не дарю! Вернешь!

- Но прежде ты услышишь его! - Глахуна взял из рук Герваси маузер и передал Бачане. - На, положи в хурджин.

Бачана опустил маузер в пустую половину висевшего на столбе навеса хурджина, а Герваси с бойцами повернули коней и пустили их галопом вниз по склону.

Вскоре туман поглотил трех всадников. С минуты слышен был нестройный топот лошадиных копыт, потом все стихло. Вслед за ускокавшими всадниками неслись в долину думы и заботы людей, оставшихся на склоне Чхакоуры.

- Теперь идите пригоните сюда наших лошадей, - обратился Глахуна к спойм, - утром видел их, они паслись вон там, в стороне Зоти. - Глахуна показал рукой. - Часа за два сможете обернуться. Мальчика возьмите с собой... И прихватите лучину.

Сипито перекинул через плечо веревку, засунул за пояс топор и зажег лучину. Глахуна направился к навесу.

- Могли бы я подождать, к чему такая спешка? - крикнул вслед ему Сипито. - Пошли бы на рассвете... Куда тащиться в такую темень?

- Делайте, что сказано, и никаких митингов! - ответил Глахуна.

- Пожалел бы ребенка! - попытался Сипито разжалобить Глахуну.

- Ничего с ним не сделается! Пусть привыкает!

Сипито и Иона молча зашагали по идущей в гору тропинке. Бачана волчонком затрусил за ними.

На ферме раздалось жалобное блеяние. У козы Бачаны начались роды...

Вернувшиеся на рассвете пастухи ужаснулись. У потухшего костра валялись обе овчарки с простреленными головами, в хлеве мычали и блеяли недоенные, голодные животные. Глахуны не было видно. Пастухи бросились искать его, но заведующего и след простыл. У Бачаны вдруг опять вспотели ладони. Сипито Гудавадзе хотел было сказать что-то, но лишь промычал, словно немой, нечто нечленораздельное и опустил на землю.

- Дело рук Манучара Киквадзе! - воскликнул Иона Орагвелидзе, вскакивая на неоседланного коня.

- Ты куда? - с трудом выговорил Сипито.

- Надо опередить его! - ответил Иона и пустил коня с места галопом.

Бачана бросился к хурджину, пощупал его. Маузер был на месте. Тогда он подсел к Сипито и положил холодную руку ему на колено.

- Не ходи, парень! - сказал тихо Сипито, вытирая взмокший лоб.

Бачана почувствовал, как у Сипито дрожит колено, и понял, что Сипито боится больше, чем он сам.

- Ты... Ты не бойся, дядя Сипито, - проговорил он.

Сипито улыбнулся вымученной улыбкой и вытянул дрожащую ногу.

- Как же мне не бояться, сынок! - сказал он и вдруг заплакал.

С набитой сыром корзиной на спине Глахуна, шатаясь, шел впереди. За ним шагал Манучар Киквадзе со взведенным ружьем в руках.

- Быстрее, быстрее, Глахуна! Со мной шутки плохи! - подтолкнул Манучар Глахуну.

Глахуна прикусил губу.

Злоба душила заведующего. Как этот подлец сумел подкрасться? Как ему удалось пристрелить овчарок, в которых Глахуна души не чаял? Как он заставил Глахуну пойти с ним, да еще взвалив на спину корзину с сыром?

Кровь смутила Глахуну, собачья кровь! На своем веку повидал он немало крови, но эта - от пули, - видать, особая кровь!.. Стыд и срам тебе, Глахуна! И зачем тебе нужен был маузер? Чтобы прятать его в хурджине? Позор, позор! И почему не бросился к оружию? Но ведь этот душегуб стоял над головой! Да и кто его опередит, бандита?! Стыд и срам тебе, Глахуна!

Злоба и слезы душили Глахуну. "Разорвись, сердце!" - взмолился он. Но не разорвалось сердце... Хуже того - Глахуна ускорил шаг. Позор, позор!..

Впереди была лужа. Полный месяц отражался в луже, и было похоже, что месяц светит с другой стороны, через дыру в земле. Вот сейчас Глахуна ступит в дыру и провалится, исчезнет в ней. Но в луже не было дыры, и Глахуна сел в лужу.

- Вставай, лодырь! - прикрикнул на него Манучар.

Глахуна встал и посмотрел на Манучара.

- Ну что, Глахуна Керкадзе, сдали силенки? - осклабился Манучар. То-то! А что понадобилось вашему председателю-попрошайке и этим вонючим героям бойцам? Меня схватить задумали, да? Так ведь я был там! Да, был там и держал всех троих на мушке, как скворцов! А почему они в лес не сунулись? А? Не посмели? То-то! Знали, герои, что их же автоматами заткнул бы я им рты! - Манучар засмеялся хриплым, надрывным смехом.

- Смеешься ты, Манучар Киквадзе, да только все равно тебе крышка! заговорил Глахуна.

- Об этом поговорим после войны! А теперь бери корзину и шагай! Валяться в грязи успеешь потом, большевики пошлют тебя по бесплатной путевке в Цхалтубо! За заслуги перед Советской властью!.. Шагай!..

- После войны, подлая твоя душа, если тебя до того не прикончат, я сам тебя повешу на самой высокой чинаре в Чохатаури. Повешу, изрежу на куски твой гнилой труп и посыплю солью! Тьфу! - И Глахуна плюнул Манучару в лицо.

Киквадзе остолбенел. Потом вдруг размахнулся и сильнейшим ударом свалил Глахуну с ног.

Глахуна упал в лужу. Встав, он рукой вытер с лица кровь и глухо сказал:

- Убьешь - убей, сволочь, но никуда я с тобой не пойду! - И снова сел.

- Врешь, Глахуна! Пока не донесешь сыр до места, о смерти и не проси!

- С кем ты воюешь, недоносок ты этакий? Объясни-ка мне!

- С вами, уважаемый Глахуна, с большевиками! Двадцать два года топчете землю моего отца... Хватит! Теперь настало наше время!

- Чье это ваше?

- Мое и Германии!

- А где Германия?

- Придет, Глахуна, придет! И тогда на той самой чинаре, на которой ты обещал повесить меня, мы повесим всех вас! И впереди будет шагать ваш секретарь райкома с красным флагом в руке!.. А теперь вставай!

- Живой я не тронусь с места, мертвого неси куда захочешь! Хватит мне позора, что до сих пор шел с тобой!

Киквадзе понял, что ему предстояло обагрить свои руки кровью еще одной жертвы.

- Ну так отвернись и помолись богу, если можешь... Как-никак бог сотворил нас из одной глины...

Глахуна стал на колени и воздел руки к небу.

- Боже великий! Сегодня я обещал тебе своими руками прикончить эту гадину... Обернулось так, что придется мне умереть от его руки... Не допусти этого, боже! Жизнь моя принадлежит тебе, бери же ее! Если ты есть и слышишь мой голос, убей меня!.. А если я и этот скот сотворены из одной глины, не к чему мне жить!

Трижды грянуло эхо в Чхакоурском лесу. Глахуна лежал лицом в той же луже, где недавно увидел он луну, сиявшую с другой стороны земли. И с удивительной ясностью почувствовал Глахуна, как раскрыла земля грудь, как она приняла его в свои объятия, как снова закрылось отверстие, как нежно провела земля своей огромной ладонью по его векам и как стало затягиваться небо черным покрывалом...

Близился рассвет, когда Сипито Гудавадзе, Иона Орагвелидзе, ГERVаси Пацация и два бойца ополчения привезли труп Глахуны на ферму. Без единого слова, без единой слезы ждали пятеро мужчин восхода солнца.

И лишь с наступлением утра заметил Иона, что Бачана исчез с фермы.

- Этого еще не хватало! - воскликнул в отчаянии Сипито, ударив себя обеими руками по колену. - Бачана! - крикнул он.

- Бачана! - повторил Иона.

- Бачана-а-а-а!.. Бачана-а-а-а!.. - разнесся вокруг тревожный крик.

Эхо бросилось с одного склона к другому, метнулось к ущелью, обошло скалы и овраги, забралось в лес и, не найдя мальчика, возвратилось на ферму, к убитым горем и отчаянием мужчинам.

С первыми лучами солнца из леса на тропинку вышел мальчик с перекинутым через плечо хурджином. Присел у родника, скинул дырявые чувяки, повертел в руке, отбросил их и опустил опухшие ноги в студеную родниковую воду. Потом мальчик умылся, лег на росистую траву, подложил под голову хурджин и глубоко вздохнул. Высоко в синеве неба плавно кружил ястреб.

"Эх, мне бы крылья! - подумал мальчик. - Небось оттуда все видно как на ладони..."

Мальчик смежил глаза и долго лежал, не двигаясь, не думая ни о чем.

Вдруг с откоса на тропинку с шумом посыпались камни. Мальчик быстро привстал, огляделся. На краю насыпи стоял небритый, сухопарый, с выпирающей нижней челюстью мужчина с ружьем в руке. У мальчика екнуло сердце.

- Ты кто? - спросил мужчина.

Мальчик молчал.

- Ты что, немой?
- Из Чхакоура я! - с трудом выговорил мальчик.
- Куда путь держишь?
- В Зоти.
- К кому?
- К родственникам.

Мужчина задумался. Потом спросил, впериw в мальчика испытующий взор:

- Напротив вас Квенобанская ферма. Ты проходил там?

- Нет, ферма от нас далеко. Я шел через лес, мимо фермы, так ближе... - Мальчик облизнул пересохшие губы и спросил: - А вы кто будете, дядя?

- Лесник я, иду на ферму, дело у меня к пастухам... А что у тебя в хурджине?

Мальчик опешил - он не знал, что лежит в хурджине. Он протянул руку, запустил ее в первую половину хурджина, извлек закупоренную кочерыжкой бутылку и поставил ее на траву.

- Что это? - спросил мужчина.

- Водка.

- Ты что, пьешь водку, молокосос?

- Помаленьку! - улыбнулся мальчик. Потом он достал из хурджина завернутую в листья папоротника головку сыра, половину кукурузной лепешки и, наконец, отварную козлятину.

- Ого, вот и закусим! - сказал мужчина и стал спускаться по откосу.

- Пожалуйста! - пригласил его мальчик и сел на хурджин.

- Значит, на ферме ты не был? - Мужчина подсел к мальчику, положив ружье на колени. Мальчик отрицательно мотнул головой и, чтобы скрыть охватившую его дрожь, положил руки под себя. Мужчина молча приступил к еде. Утолив голод, он обратился к мальчику.

- А ты чего ждешь! Не буду же я есть один?

Мужчина взял в руку бутылку, взболтнул.

- Видать, бешеная! - проговорил он.

- Точно, бешеная! - ответил мальчик.

Мужчина провел ладонью по горлышку бутылки, опрокинул ее в рот и закашлялся.

- Черт! Огонь, а не водка! - воскликнул он и уткнулся лицом в свой левый локоть.

"Господи, дай мне сейчас силы, а потом хоть убей меня!" - подумал мальчик и протянул руку к хурджину. Потом он быстро встал.

Отдышавшись, мужчина взглянул на мальчика и застыл. Мальчик держал в руке маузер и целился в него.

- Встань, Манучар Киквадзе! - сказал мальчик, не сводя глаз с лица мужчины.

Киквадзе захотел встать, но не смог.

- Встань, подонок! - повторил мальчик.

- Кто ты, парень, и что тебе от меня нужно? - пришел в себя Манучар.

- Глахуна Керкадзе!

Манучар оторопел.

- Глахуна Керкадзе я, и ты умрешь от моей руки!

Тяжелый маузер прыгнул в руку мальчика, и он взялся за оружие обеими руками.

Манучар упал на колени и затряс вспотевшей вдруг головой, словно вышедший из реки купальщик.

- Не дури, парень! В твои годы нельзя убивать человека... - Голос у Манучара дрогнул. - Не стреляй!.. Как же ты будешь жить на свете, ходить по земле с клеймом убийцы?

- А ты? Как ты живешь и дышишь на белом свете?!

- Разве я живу и дышу?!

- Ты умрешь, Манучар!

- Скажи хоть, как звать тебя и почему ты хочешь стать моим убийцей? взмолился Манучар и до крови

закусил губу.

- Я сказал: Глахуна Керкадзе!

Манучар еще шевелил губами, но мальчик не слышал его. В ушах у него стоял шум, сердце готово было выпрыгнуть из груди, в висках словно отдавались удары огромных железных кувалд. Мальчик подумал, что вместе со слухом он теряет и зрение, потому что лицо поползшего к нему Манучара то двоилось, то троилось, а потом и вовсе растаяло. Тогда мальчик спустил курок.

Он не слышал звука выстрела, не считал количества выпущенных пуль. Он чувствовал лишь, как дрожит маузер в его впившихся в посеребренную рукоятку оружия пальцах, как дергаются запястья. Потом, когда маузер перестал дергаться, мальчик вдруг ослаб, руки его разжались, и маузер с глухим стуком упал возле изуродованной головы Манучара Киквадзе.

Мальчик отвернулся от трупa, опустилcя на землю, зарылся головой в колени и завыл, как заблудившийся в лесу волчонок.

В полночь Ломкаца Рамишвили проснулся от яростного стука в дверь. Он встал с постели, зажег коптилку, подошел к двери и громко спросил:

- Кто там?!

- Это я, Бачана! - ответил стоявший за дверью человек.

- Ты не Бачана! - Ломкаца не узнал голоса внука. Сердце его тревожно забилося.

- Я это, дедушка, я, открой дверь!

Ломкаца отодвинул засов, распахнул дверь. Перед ним с поникшей головой стоял ободранный, с окровавленными ногами Бачана.

- Входи!

Бачана не шевельнулся. Тогда Ломкаца взял его за плечо и ввел в комнату. Коптилку он поставил на стол, сам опустился на стул.

- Что случилось? - спросил старик дрогнувшим голосом.

- Человека убил! - ответил Бачана, и подбородок у него задрожал. У Ломкацы перекосилось лицо, он схватился за сердце. Наступило долгое молчание. Наконец Ломкаца пришел в себя и, с трудом выговаривая слова, спросил:

- Зачем я пять лет читал тебе Евангелие?

Бачана не ответил. Он стоял понурившись и вытирал о штанины потные ладони.

- Кого ты убил? - нарушил молчание Ломкаца и весь напрягся в ожидании ответа.

- Я убил убийцу Глахуны Керкадзе, дед!

У Ломкацы от удивления расширились зрачки. Он хотел встать, но колени подвели старика.

- Ты убил... Манучара Киквадзе? - переспросил он шепотом.

- Манучара!

Ломкаца, кряхтя, насилу поднялся, подошел к двери, плотно прикрыл ее, потом вернулся к внуку и прижал его голову к груди.

- Знает кто об этом? - прошептал он.

Внук покачал головой.

- Два божества было у меня, - тихо произнес он, - ты и Глахуна. Один погиб от руки Манучара... - Бачана дотронулся горячей рукой до мозолистой руки деда. Рука была холодной как лед. - Подумай, мой мальчик, как следует... Не бери на себя пролитую другим кровь... Тяжелое это дело... сказал в задумчивости Ломкаца и вдруг почувствовал, как в его старые жилы из раскаленной руки внука стала вливаться кипучая кровь, как она горячей волной проникла сперва в грудь, потом в виски. Ломкаца долго, долго всматривался в глаза внука, и понял старик, что нет больше больного пятнадцатилетнего Бачаны. Ломкаца не вынес жгучего взгляда внука и отвел глаза. Он угадал немой вопрос,

затаившийся в огненных очах этого преобразившегося человека, и понял, что от того, как он сейчас ответит на этот вопрос, будет зависеть вся будущая жизнь его внука. - Правильно, сынок! Я поступил бы так же! - сказал он и крепко обнял внука. Бачана вдруг расслабился, обмяк, выскользнул из объятий деда и сел на пол. - Боже всесильный, зачем твоя месть явилась в образе этого ребенка! - простонал Ломкаца, опускаясь рядом с внуком.

Когда на рассвете ошалевший от волнений Сипито Гудавадзе ворвался в дом Ломкацы, дед и внук по-прежнему сидели на полу и плакали: Бачана громко, навзрыд, Ломкаца - безмолвно...

5

Профессор Антелава вошел в палату в сопровождении лечащего врача и фельдшерицы. Бачана лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к биению своего сердца. Он был доволен: сердце билось сильно, теперь оно неустанно гнало кровь по всему организму. Бачана чувствовал, как с каждым днем набирается сил его измотанное сердце, яснееет разум. Он услышал, что пришел профессор, но, охваченный сладостным ощущением возвращения к жизни, притворился спящим.

- Здравствуйте! - поздоровался профессор.

- Уважаемому профессору наше почтение! - привстал Булика.

- Здравия желаю! - ответил отец Иорам.

- Ну, как наши дела? - задал профессор общий вопрос, внимательно просматривая истории болезни. - Скоро переведем вас в реабилитационное отделение! - удовлетворенно произнес он.

- Меня больше устраивает амнистия! Чувствую себя хорошо, третий день хожу в туалет на своих на двоих, так что, если вы не возражаете, хоть сегодня мог бы отправиться домой! - заявил Булика и, как бы

демонстрируя свое выздоровление, выставил из-под одеяла голые ноги.

- Я ведь предупреждал! - обратился профессор к врачу.

- Не могу же я привязать его к кровати! - развел тот руками.

- Именно привязать! Вам нельзя вставать, понимаете? Вас не устраивает судно? - пошутил профессор и легким толчком уложил Булику на постель.

- Что вы, профессор! Просто неудобно беспокоить уважаемое общество... - осклабился Булика.

- Ничего! - успокоил его профессор.

- Кроме того, совесть меня мучит: из-за меня половина Ваке, наверно, ходит босиком!

- А вам очень хочется, чтобы босиком ходило все Ваке?

- Мм... Извините, уважаемый профессор, я умолкаю!

- Булика понял смысл сказанного и прилег с такой осторожностью, словно действительно население Ваке только и ждало, что его выздоровления.

- Сегодня звонил католикос, справлялся о вас. Что ему передать, отец Иорам? - обратился профессор к настоятелю Ортачальской церкви святой троицы.

Глаза священника, тронутого вниманием католикоса, наполнились слезами.

- Не принимает всевышний грешную мою душу благодаря его молитве, так и передайте владыке, - ответил он.

- А мы, значит, тут ни при чем? - притворно обиделся профессор.

- Вам, врачам, доверены врата ада, католикос же стережет райские ворота, - оправдался Иорам и перекрестился.

- Нет, батюшка, дорога на тот свет ведет к одним общим воротам - к тем, у которых поставлены мы, врачи. Рай и ад - лишь подразделения того света, и куда

бог определит человека, это уж его дело. Нам велено не открывать людям ворота того света раньше времени. Так-то!

Иорам неловко кашлянул и промолчал.

- Все спит? - спросил профессор, нащупывая пульс Бачаны.

- Спит все двадцать четыре часа! - ответил врач.

- Тем лучше! - Профессор снял висевшую у изголовья Бачаны историю болезни. - РОЭ замедляется, холестерина меньше, это хорошо! - отметил он удовлетворенно. - О, экстрасистолы продолжаются? Какие принимаете меры?

- Эральдин. Наиболее эффективно...

- Боли?

- Слабые.

- Периодичность?

- Примерно раз в полчаса, когда не спит.

- Продолжайте пантопон!

Профессор осторожно откинул одеяло, долго пристально разглядывал грудь Бачаны, потом облегченно вздохнул:

- Какое счастье, что удалось избежать аневризмы!

Бачана открыл глаза.

- Здравствуйте, уважаемый профессор!

- Вы не спите? - удивился профессор.

- Я вообще не сплю.

- Как так?

- Так. Наяву вижу сны.

- Какие же это сны?

- То приятные, то неприятные.

- Постарайтесь перед сном думать о приятных вещах, тогда и сны будут приятные.

- Как вы полагаете, профессор, я спасся? - спросил Бачана.

- Именно об этом я хотел спросить вас!

Бачана растерялся.

- Мне кажется... Как будто... По-моему, мне лучше...

- Тогда все отлично! - Профессор приложил к сердцу Бачаны фонендоскоп.

- Ну как? - спросил Бачана дрогнувшим голосом.

- Слышу хорошо. Вчера было хуже.

Профессор собрался уходить.

- Если я выживу, закажу два ваших золотых бюста! - улыбнулся Бачана.

- Почему два?

- Один преподнесу вам, другой поставлю на своем письменном столе и буду на него молиться.

- Гогилашвили практичнее вас, он обещал только один!

- И две бриллиантовые серьги для вашей супруги. А кроме того, бесплатный ремонт обуви на всю жизнь! - добавил Булика.

- Дай бог вам здоровья! А теперь я пойду, предупрежу жену - пусть прокалывает себе уши... А что обещаете вы, отец Иорам?

- Свечу величиной с вас и вечные мои благословения!

- Знаете, после инфаркта у людей развивается забывчивость, так что... - рассмеялся профессор. - Ну а в остальном жалобы есть?

- Да вот, хотели сказать по поводу крыс... Но ваш приход так нас обрадовал, что мы и забыли про них... - Булика покосился на фельдшерицу.

- Какие крысы? - поразился профессор.

- Это ему от хронического алкоголизма мерещится, уважаемый профессор! - пролепетала фельдшерица.

- Ладно, у меня белая горячка, а ему? Ему тоже мерещится? Оскорбленный Булика указал рукой на Иорама.

- Вообще-то они безвредные... - произнес батюшка примирительно. - Ну, выйдут, погуляют, сахарком побалуются...

- Вызвать завхоза! - распорядился профессор.
- Он пошел за мышиным сахаром, - ответил врач.
- Что это еще за чертовщина - мышиный сахар?! В республиканской больнице развелось столько мышей, что у них свой собственный рацион?! рассвирепел профессор.

- Это яд, профессор! - объяснил врач.
- Мышьяк! - уточнила фельдшерица.
- Безобразие! - воскликнул профессор и, не попрощавшись, покинул палату.

- Может, не следовало говорить? - беспокоился Булика.

- Говори не говори - факт налицо. Подождал бы немного, убедился бы собственными глазами, - ответил Иорам. - На! - И он бросил кусок сахара выползшей из-под кровати Булика крысе.

Спустя час в палату вошли главный врач больницы, заведующий хозяйственной частью, дезинфектор, два санитара, лечащий врач и фельдшерица Женя.

- Где крыса? - строго спросил дезинфектор.
- Здесь! - ответил Булика, выворачивая пальцем правое веко.

- Провокацией занимаетесь, да?
- А этот сахар я, что ли, жрал?! - Булика показал на валявшийся на полу обгрызенный кусок сахара.

Санитары бросились под кровать, потом обошли палату, забили мышьяком все щели.

- Мышьяк немного устарел, но это ничего. Подождем до завтра, если не подействует, приведем кошку, - успокоил больных дезинфектор, потом обернулся к санитарам. - Посыпьте и в моем кабинете, все ножки у шкафа обгрызли проклятые!.. На что еще жалуетесь? - обратился он снова к больным.

- Почему Америка не выводит свои войска из Южной Кореи?! - заявил Булика.

- Интриган! Анонимщик несчастный! - проговорил дезинфектор и вышел, в сердцах хлопнув дверью.

- Интриган и анонимщик - твой отец, а ты сам - крыса! - крикнул вдогонку ему Булика.

Вскоре в палату вернулась Женя со шприцем в руке. Она подошла к кровати Бачаны, откинула одеяло и проговорила про себя:

- Следовало бы впрыскивать кое-кому пантопон в язык, чтоб он не болтал лишнего!

- Если это сказано про меня, то для пантопона у меня найдется другое место! - откликнулся Булика.

Женя не удостоила его ответом. Она сделала укол Бачане, помассировала место укола и молча вышла.

Спустя минуту она вернулась.

- Вас спрашивает какой-то мужчина, - сказала она Бачане.

- Кто такой?

- Говорит, близкий родственник.

- Если вы не возражаете, пусть войдет.

Женя вышла и вернулась в сопровождении невысокого веснушчатого блондина с короткими руками.

- Только пять минут! - предупредила Женя.

- Одно мгновение! - ответил вошедший и, не ожидая приглашения, сел на стоявший у кровати Бачаны стул.

- Здравствуйте, уважаемый Бачана! - Он слегка хлопнул Бачану по колену.

- Здравствуйте! - ответил удивленный Бачана.

- Не узнаете?

Бачана напряг память, но блондина не узнал.

- А теперь? - блондин повернулся в профиль. Бачана неловко улыбнулся.

- Вспомните: Сухуми, Чернявка, Венецианский мост, тринадцатая школа, ваши тети - Маро, Нина, Тамара, двоюродные сестры - Нелли, Зулейка, Додо,

двоюродный брат Кока... - стал загибать пальцы блондин.

- Напомните, пожалуйста, о себе, своих родственниках я помню хорошо, - подсказал Бачана.

- Я Нугзар, Нугзар Дарахвелидзе! Помните, тетя Нина крестила мою сестру, назвала ее Луизой...

- Хоть убейте... - смутился Бачана.

- С тех пор так ее и зовут Луизой.

- Очень приятно!

- Так вот, я брат Луизы, Нугзар Дарахвелидзе! - внес блондин окончательную ясность в дело.

- Что же вам нужно? - спросил Бачана.

- Как вы себя чувствуете, уважаемый Бачана? Народ беспокоится...

- Да так...

- Выглядите отлично, дай бог вам здоровья! Цвет лица прекрасный. Похудели малость, это да... Недавно по телевизору видели ваше выступление... Ну, знаете, весь наш актив хохотал!.. Язык же у вас!.. Ха-ха!.. Особенно когда вы говорили про антиподов!.. Да, тогда вы показались полнее... Но и теперь, - тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, - вид у вас отличный, на радость друзьям, назло врагам! - Блондин снова похлопал Бачану по колену.

- А как вы, сестра ваша Луиза? - вежливо поинтересовался Бачана.

- Ох, не говорите! Плохо, уважаемый Бачана, хуже некуда! Дарахвелидзе вытер пот со лба.

- Что такое? - забеспокоился Бачана.

- Да вот... Неудобно как-то перед посторонними...

- Вставать им нельзя, мне и подавно... Так что, если у вас есть что сказать, говорите в их присутствии...

- Ради бога! Мы мигом! - Булика натянул одеяло на голову и отвернулся к стене. То же самое сделал отец Иорам.

Дарахвелидзе с минуту колебался, наконец решился:

- Да ничего особенного, уважаемый Бачана, одна лишь ваша красивая подпись...

- Знаете, мне недавно сделали пантопон, говорите сразу, а то я засну.

Дарахвелидзе еще раз взглянул на укрывшихся с головой соседей и начал:

- Ну, вам, конечно, известно... положение в республике несколько того... напряженное... Тут, понимаете, оперу спалили, там универмаг подожгли... Тот, говорят, застрелился, этот вены себе перерезал... Нервная, одним словом, обстановка в связи с этим... С вопросом подбора кадров... Да и мяса на базаре... не очень-то... того...

- А как с сыром? - улыбнулся Бачана.

- Вы шутите, уважаемый Бачана, я понимаю, это, конечно, ваша профессия... А мясо и сыр, сами понимаете, нам дает корова.

- Вы вывели новую породу коровы? - спросил серьезно Бачана.

Дарахвелидзе пристально взглянул на него, ожидая подвоха, но Бачана и глазом не моргнул. Блондин успокоился.

- Нет, я пришел по другому поводу, - продолжал он.

- Может, у вас имеется проект огнестойкого здания оперы?

Дарахвелидзе вспотел. Он подозрительно посмотрел в сторону лежавших без движения Булики и Иорама, помялся, потом решительно извлек из кармана два конверта.

- Я прошу вас, уважаемый Бачана, походатайствовать перед руководством или написать письмо секретарю нашего райкома...

- При чем тут я? - искренне удивился Бачана.

- Как же! Вы гуманный писатель, депутат, член Центрального Комитета! К кому же мне обращаться, как не к вам? - так же искренне удивился Дарахвелидзе.

- А где вы работаете?

- В Абхазии, по линии заготовки табака.

- О чем же мне писать руководству?

- Всем известно: вы и наш секретарь - неразлучные друзья, в школе учились вместе...

- Кто вас направил ко мне?

- Тот, кто желает добра нашему секретарю... Один конверт ваш, другой передайте по вашему усмотрению... - Дарахвелидзе ловко подсунул оба конверта под подушку.

- А что, вас сняли с работы?

- Снять меня не так-то просто, уважаемый Бачана... Но небольшая поддержка никогда не мешает... И даже тому, кто сейчас хочет столкнуть меня!..

Пантопон начал действовать, у Бачаны отяжелели веки, говорить ему не хотелось, тем более расспрашивать свалившегося с неба родственничка.

- Объясните толком: что происходит? - спросил он блондина, закрывая глаза. Тот, понял, что надо спешить, и заторопился:

- А то, что он прислал ревизию!..

В дверь просунулась голова Жени.

- Между прочим, прошло уже двадцать минут!

- Ничего, ничего, дорогая Женя, пусть побудет еще, он рассказывает интересные вещи! - попросил Бачана.

- Да... - продолжал Дарахвелидзе. - Ревизию прислал!.. Двадцать лет я работаю по заготовкам, и никто никогда не осмеливался присылать ко мне ревизию!.. Сперва я думал, что он шутит!..

- А что ревизия? - вставил вопрос Бачана.

- Что! Стали, сволочи, поштучно подсчитывать, сколько папирос и сигарет выкурено в Абхазии и

Грузии... Потом заявили, что в нынешнем году к тремстам тоннам табака мы якобы добавили сто тонн сушеной травы!.. И кто это говорит?! Люди, не высовывающие носа из кабинетов! Да знают ли они, где растет табак? Табак растет в поле, и что удивительного, если к нему пристанет немного травы? И потом, разве трава отравя? Вы видели убитого травой человека? В чем здесь вредительство? Корова всю жизнь жрет траву, и что же, умирает от этого? Чем же прикажете кормить ее, табаком? Вредительство как раз в том, что пичкают и морят никотином людей вроде вас!.. Это еще ничего! Потом они заявили, что мы, видите ли, ту траву загоняем по цене табака и на этом зарабатываем миллионы!.. Гм, тонна травы стоит десять рублей, не больше, какие же тут миллионы?! И еще договорились до того, что мы, оказывается, смачиваем табак, отчего он якобы увеличивается в весе почти вдвое!.. Умники!..

- Сколько же всего миллионов?

- Реализации или приписок?

- Всего вместе.

- Много.

- А все же?

- Да вы не поверите... - стал выкручиваться Дарахвелидзе.

- Что еще сказала ревизия?

- Мало ли что!.. Пожаловали, видите ли, ко мне домой... Почему, говорят, у вас двухэтажный дом!.. Суются прямо в комнаты! А что такое два этажа? Норма высоты этажа - два с половиной метра, в моем первом этаже всего два сорок восемь...

- Какое имеют значение два сантиметра? - рассмеялся Бачана.

- Что вы, уважаемый Бачана! Пуля - всего два сантиметра, а бьет наповал буйвола! И та пуля, что свалила в прошлом году одного человека, не буду называть фамилии, тоже была не больше двух

сантиметров... Об этом не нужно говорить вашему другу, это я просто так, к слову... Потом насчитали восемь комнат на верхнем этаже! Тьфу, плевал я на такого грузина, который залу считает за комнату! Хорошо еще, не приплюсовали к ним лоджию и бильярдную! И на том спасибо!.. Уважаемый Бачана, я чист как кристалл! Пусть ваш друг секретарь оставит меня в покое... Ваше слово для него закон!.. Очернить меня - значит оскорбить и вас...

- Почему же меня? - открыл глаза Бачана.

- А как же! Если вдруг скажут про вас, про моего близкого родственника, что-либо нехорошее, разве я не почувствую себя оскорбленным?! - вскрикнул Дарахвелидзе.

Бачана стал перебирать в памяти всех своих близких и, не обнаружив среди них никого, похожего на Дарахвелидзе, успокоился.

- Сукин сын! - вспыхнул вдруг блондин. - Из-за червонца людей арестовывает, а мое место хочет продать за миллион!

- За сколько? - переспросил Бачана.

- За полмиллиона! - сбавил Дарахвелидзе.

- А вы действительно так здорово зарабатываете?

- Какое там! Что вы!.. Какие наши капиталы...

Бачана нащупал конверты под своей подушкой. Дарахвелидзе отвел глаза.

- Вот выздоровею, тогда и поговорим! - сказал Бачана.

- Как же, ждите! - вырвалось у Дарахвелидзе, но он тут же поправился: - То есть вы встанете не так скоро, а мой вопрос послезавтра выносят на бюро... И может статься, там же и возьмут меня... Два слова, написанных вашей рукой... Два слова!..

Бачана достал из-под подушки оба конверта и положил их себе на грудь.

- Сколько здесь?

Дарахвелидзе просиял.

- Полтора лимона! На сберкнижках! Без доли!

Бачана задумался. Дарахвелидзе нетерпеливо ерзал на стуле.

- Уважаемый Нугзар, - заговорил после продолжительного молчания Бачана, - здесь, под моей кроватью, стоит судно. Окажите любезность, подайте его... Невтерпеж, уж извините... - Дарахвелидзе заколебался. - Да вы не бойтесь, оно чистое...

Дарахвелидзе покорно нагнулся, взял судно и протянул его Бачане. Тот ослабевшей правой рукой взял посудину за горло.

- Отодвиньтесь, пожалуйста, немного! - попросил он Дарахвелидзе. Тот вместе со стулом отодвинулся на шаг. Бачана на глаз прикинул расстояние между собой и гостем, потом напряг все свои силы и с размаху опустил судно на голову Дарахвелидзе.

Судно со звоном рассыпалось на куски. Дарахвелидзе медленно сполз со стула и навзничь опрокинулся на пол...

- Судно было пустое? - спросил Булика.

- Пустое! - ответил Бачана.

- Жаль! - сказал с сожалением отец Иорам и громко позвал: - Женя!.. Же-е-ня!..

6

Семь дней и семь ночей пробирался Бачана по выжженной солнцем пустыне. Первые два дня он шел пешком, потом тащился на коленях, последние же два дня полз на животе. И когда, обессиленный, измученный, с потрескавшимися губами, упал, зарылся лицом в желтый раскаленный песок и почувствовал приближение смерти, он перевернулся на спину, взглянул на солнце потухшими глазами, и впервые в жизни у него вырвался упрек светилу:

- Зачем ты обрекло меня на гибель, солнце?!

И вдруг образ человека возник на диске солнца. И тень его упала на Бачану.

- Кто ты? - спросил Бачана.

Худощавый босоногий голубоглазый юноша глядел на него, и Бачана не мог понять - стояло солнце за ним или сияющий нимб озарял голову юноши.

- Я - владыка и бог твой! - ответил юноша.

- Чем ты докажешь это?

- Мое явление перед тобой не есть ли это доказательство?

- Нет! Ты есть галлюцинация жаждущего в пустыне!

Бачана долго ждал исчезновения странного образа. А юноша стоял перед ним - спокойный, улыбающийся, милосердный и удивительно родной. Тогда Бачана подполз к нему и несмело дотронулся рукой до бледно-розовой затянувшейся раны на босой его ноге.

- Отбрось сомнения, - улыбнулся юноша.

- Я сомневаюсь, ибо неверующий я. Я не верю в то, что видят глаза мои. Я чувствую, что все это совершается где-то вдали от меня. Подойди ко мне и объясни мне, был ли ты на земле. И если был, зачем ты покинул людей? - спросил Бачана.

- Люди сами отреклись от меня, но я не покидал человека... - тихо ответил юноша.

- Докажи мне это!

- Мое присутствие здесь есть доказательство тому!

Бачана еще раз провел рукой по босой ноге юноши.

- Что есть ты, господи?

- Я есть вера, надежда, сила, добро, талант любви и свобода!

- Как же Иуда предал тебя за тридцать сребреников?

- Иуда не предавал господу своего, он сам продался фарисеям за тридцать сребреников. Такова была его цена, и он был куплен за эту цену. Деньги, лежавшие сегодня под твоим ложем, не были твоей ценой, и

потому ты не продался сегодня. И, не продавшись сегодня, завтра ты будешь оценен дороже.

- А если не продамся ни завтра, ни послезавтра?

- Тогда ты возвысишься, и исполнится то, ради чего я был распят на кресте...

- Знал ли ты, что Иуда предаст тебя?

- Знал сатана. Бог не совращает человека. Бог испытывает его. Иуду совратил сатана, купив его за тридцать сребреников. Я же испытал Иуду, дав ему в руки веревку.

- И ты не проклял Иуду?

- Нет!

- Почему?

- Иуда избавил от греха одиннадцать человек.

- Так почему ты не снимешь с Иуды пятно вечного позора?

- Потому что Иуда - существо от сатаны, а не от бога.

- Значит, сатана победил тебя?

- Было бы так, если б Иуда не покончил с собой.

- Идя на Голгофу, верил ли ты, что люди ведут тебя на распятие?

- Нет!

- На что же ты надеялся?

- На народ.

- Не народ ли променял тебя на вора?

- Народ.

- Значит, и здесь сатана победил тебя?

- Нет, ибо это не было совращением, а было испытанием.

- И народ не выдержал этого испытания?

- Нет.

- Почему?

- Народ ждал от меня сотворения чуда, а потому он променял меня на вора, от которого он не ждал

ничего... Это было второе, преждевременное испытание мною детей Адамовых, и это была вторая ошибка моя.

- В чем же первая ошибка твоя?

- В том, что я дал человеку приют в раю. Не волею другого, а потом, кровью и верою своей должен прийти в рай человек!

- Когда же ты поверил в неизбежность распятия своего?

- Когда узрел я стоявших предо мною мать свою и ученика своего любимого. И рек я матери своей: "Женщина, вот сын твой!" И рек я ученику своему: "Человек, вот мать твоя!" И остался он с матерью моей вместо меня, а мать моя стала ему духом святым...

- Какова воля твоя?

- Встань.

Бачана встал.

- Признайся, что не терзают тебя муки жажды!

- Не терзают меня муки жажды! - повторил Бачана, и исчезла мучившая его жажда.

- Признай, что не палят тебя лучи солнца!

- Не палят меня лучи солнца! - повторил Бачана, и исчезла изнуряющая его жара.

- Признай, что веруешь в жизнь и бога своего!

- Верую в жизнь... - повторил Бачана и не произнес слов "бога своего", ибо все происходящее ему все еще казалось галлюцинацией.

И сказал тогда юноша:

- Выскажи свою мечту сокровенную!

- "Зачем я в жизнь явился человеком? Зачем дождем я не разлился весь?" - произнес Бачана стихи Важа Пшавела, и вдруг...

Бачана разлился дождем, и проросла сквозь выжженную землю пустыни трава - свежая, зеленая, молочная...

Бачана разлился дождем, и поднялись сквозь выжженную землю пустыни цветы - красивые, веселые,

благоухающие...

Бачана разлился дождем, и забил сквозь выжженную землю пустыни родник - прохладный, прозрачный, живительный.

Бачана разлился дождем, и ожила выжженная земля пустыни, и превратилась пустыня в цветущий оазис.

Бачана разлился дождем, и вдруг сам обернулся мощным дубом в оазисе огромным, ветвистым, опоясавшим своими корнями весь земной шар, упершимся головой в небо... И прилетели со всех стран несметные стаи певчих птиц, расселись на ветвях того дуба, устроили гнезда, размножились, и великий гимн жизни разнесся по всему свету...

Опустился тогда Бачана на колени, низко поклонился юноше и сказал:

- Я видел тебя и уверовал.

И рек ему Христос:

- Ты уверовал, ибо лицезрел меня. Блаженны те, кто веруют, не лицезрев меня...

7

Бачана проснулся. Булика сидел на постели, поджав под себя ноги, и, прислонившись спиной к подушке, слушал отца Иорама, который монотонно, словно псалтырь, читал газету.

- Добрый день, друзья! - приветствовал Бачана соседей.

- Ва-а-а, привет вошедшему в наш дом! - обрадовался Булика.

- Как вы себя чувствуете, уважаемый Бачана? - вежливо осведомился отец Иорам, откладывая газету.

- Как молодой Адам в раю до появления Евы!

- И не скучно вам одному?

- Наоборот, весь рай мне кажется своим!

- Да вы, оказывается, молодец, уважаемый Бачана! - сказал восторженно Булика. - Такого нокаута я еще не

видел: сосчитал до трехсот, а он все не открывал глаз!

- Кто он? - спросил Бачана.

- Вот это мне нравится! Чуть было не послал человека на тот свет без исповеди и еще спрашивает кто! - воскликнул Иорам.

- Но вы же были здесь, батюшка! - пошутил Бачана, но почувствовал он себя неловко. Он почти забыл о происшедшем инциденте - сказывалось действие пантофона, - и потому напоминание о случившемся вызвало в нем неприятное чувство досады. - Откровенно говоря, я даже не помню хорошо, что тут произошло, - сказал он, вытирая со лба пот.

- Не волнуйтесь, уважаемый Бачана, и мы не помним ничего: я спал, отец Иорам молился. Не так ли, батюшка? - обратился Булика к Иораму.

- Воистину так! - подтвердил тот.

- Так что в свидетели мы не подойдем! - добавил Булика.

- Ну а все же, что случилось? - искренне поинтересовался Бачана.

- Значит, было так: когда вы разбили судно о его голову и он упал, вбежала Женя. Впрыснула ему камфару, смазала голову йодом. Потом он вдруг вскочил и начал ругаться.

- То есть?..

- То есть кричал, что, видно, денег вам показалось мало, иначе зачем вы сразу же не отказались от них?

- А еще?

- Еще вспоминал какого-то Бацалашвили, которого вы назначили директором ресторана и которому это обошлось в копеечку...

- Чего? - не понял Бачана.

- Что чего? Вы устроили человека директором ресторана, а он заплатил вам за это полмиллиона рублей...

Бачана расхохотался.

- А что? Он так и кричал.

- Да нет, я не о том... Я ведь действительно помог своему сотруднику в назначении родственника - того самого Бацалашвили.

- А-а-а...

- Значит, уважаемый Бачана, кто-то и впрямь взял взятку? - вставил вопрос отец Иорам.

- Так получается! - согласился Бачана.

- Есть и у меня один такой подлец товарищ! - вспомнил Булика. Устроил он в торговый техникум моего племянника, сироту. И потребовал с меня три тысячи рублей: полторы, говорит, директору, тысячу - тому, триста - другому, а двести, говорит, мне за труды... Что мне оставалось делать? Своего-то племяша я знаю как облупленного... Недавно спрашиваю остолопа: сколько, говорю, останется, если от пятидесяти пяти отнять пять? Отвечает: пять!

- Ну, правильно! - рассмеялся Бачана.

- Так вот, это "правильно" обошлось мне в три тысячи рублей! Взял, подлец, деньги, и был таков!..

- Обманул? - поинтересовался Иорам.

- Нет... Устроить-то устроил, но деньги... Плакали мои деньги!

- Так в чем же ты его обвиняешь?

- Как в чем? В декабре вызывает меня директор того самого техникума и спрашивает: "Гражданин Гогилошвили, вы отдали три тысячи рублей гражданину Гваладзе?" Ну, я, конечно, признался, "Отдал", - говорю.

- "Ты смотри, каков мерзавец!" - заорал директор и хлопнул рукой по столу.

- Это он про тебя? - огорчился Иорам.

- Зачем про меня! Про того подлеца Гваладзе!

- Оклеветал, значит, человека! - возмутился Иорам.

- Да ты что, батюшка, не понимаешь, что ли? Ведь деньги-то ему Гваладзе не отдал! Вот он и взял меня в оборот. "Ты, говорит, за кого меня принимаешь?"

Торговый техникум - это, говорит, тебе не тот техникум...", как он называется, ну, тот самый... рядом с пекарней, в Ваке... Там студенты днем и ночью в трубы смотрят...

- Топографический! - подсказал Бачана.

- Да, "торговый техникум - это, говорит, тебе не топографический! Сейчас декабрь. В январе, говорит, принесешь мне три тысячи рублей, иначе, говорит, не быть твоему кретину племяннику больше студентом!.."

- Кто это говорит? - удивился Иорам.

- Как кто? Директор говорит, кто же еще!

- Дальше?

- Что дальше?! Посовещались я и моя Света, она и говорит мне: "Лучше, говорит, добавить еще столько же, может, удастся устроить его министром торговли..."

- Значит, директор тоже оказался бандитом? - Бачана беспокожно заворочался в постели.

- Оказался, дорогой!.. А вам, может, судно требуется? Пока принесут новое, можете воспользоваться моим... - предложил Булика.

- Нет, спасибо... Я вот подумал, может, стоило взять эти деньги?

- Не знаю... Вообще-то деньги довольно грязная вещь... - произнес Булика задумчиво.

- Тридцать сребреников погубили человечество! - воскликнул отец Иорам. - Тридцать сребреников!

- Я, уважаемый Бачана, распознаю людей, как эти... Как они называются? Физ... Физо... - начал Булика.

- Физиономисты.

- Вот, вот! Только они - по лицу, а я - по обуви... По обуви человека безошибочно определяю, что он за птица... Вот этот болван, который пришел к вам... Как взглянул я на его туфли, сразу же понял, что он подлец и сволочь...

- Как? - спросил Бачана.

- Во-первых, туфли на нем были лаковые...

- А я, наоборот, подумал, что он профессор, - прервал Булику отец Иорам.

- Войдя, он вытер туфли о брюки... - искоса взглянул на него Булика. - Профессор никогда так не поступит... Во-вторых, подошвы туфель были стерты спереди, а каблуки совершенно новые. Значит, эти туфли у него парадные, и надевает он их только во время визитов к начальству. Перед начальством, ясное дело, ходит на носках, оттого и подошвы стерты только спереди... Подлец он или нет? Подлец, конечно... В-третьих, как только он уселся, тотчас же выпростал пятки из туфель. Почему? Туфли жмут, вот почему! А зачем человеку тесная обувь? Для того, чтобы лицо его выглядело страдальчески. Вот, дескать, смотрите, какой я несчастный, измученный человек!.. Кто же он, как не подлец?! В-четвертых, каблуки у него были на три-четыре сантиметра выше обычных. Почему? Потому, что хочет казаться выше, чем он есть на самом деле! Подлец? Конечно! Что еще? Да, самое главное в том, - но это уже обуви не касается, - самое главное в том, что, когда человеку на голову опрокидывают больничное судно и этот человек не перегрызает горло своему обидчику, - значит, он не человек, а самый отъявленный подлец и подонок! - закончил Булика характеристику Дарахвелидзе.

- Как же, по-твоему, выглядит обувь хорошего человека? - спросил усомнившийся в приемлемости рассуждений Булики отец Иорам.

- Обувь порядочного человека стерта равномерно: слева и справа, по краям... И носит ее он номером больше размера ноги. Почему? Да потому, чтобы ходить свободно, легко, не натирать себе мозолей... Понятно? И еще одно: если задник на обуви человека смят и продавлен - значит, такой человек или носит чужую обувь, или же он просто нечистоплотный неряха и разгильдяй...

- А как с детьми? - поинтересовался Бачана.

- Дети дело другое. Дети много двигаются, кость у них неокрепшая... По обуви определить характер ребенка трудно...

- А ты сам? Как ты стираешь обувь? - задал отец Иорам Булике неожиданный вопрос.

Булика растерялся:

- Я-а?

- Да, ты!

Булика перегнулся, вытащил из-под кровати изрядно измятую туфлю с продавленным задником и удивленно повертел ее в руке.

- Гм, оказывается, я сам порядочный подлец! - пробурчал он недовольно и зашвырнул туфлю под кровать.

Бачана и отец Иорам громко прыснули. Рассмеялся и Булика.

- Уважаемый Иорам, - Бачана вдруг переменял тему беседы. Приходилось ли вам видеть во сне Христа?

У отца Иорама отвалилась нижняя челюсть и полезли на лоб глаза. Наконец он сказал заикаясь:

- Уважаемый Бачана... Такого не бывает - видеть во сне господу нашего... Есть явление божье... Но меня бог не удостоил пока такого счастья...

- И голоса его не слышали?

- Это ведь тоже божье явление!...

- Чему же вы служите?

- Именно тому, чтобы приблизиться к нему, услышать его голос, лицезреть его!

- В каком случае нам придется поменяться профессиями.

- В чем дело? - насторожился отец Иорам.

- Час тому назад я видел его.

- Кого?!

- Господа нашего - Христа.

У отца Иорама задрожал голос:

- Сын мой, помни заповедь: "Не солги!"
- Человек говорит - видел. Твое дело - поверить или не поверить ему! - вмешался Булика и подмигнул Иораму - дескать, не мешай, пусть рассказывает.
- Бачана молчал.
- А дальше? - спросил с нетерпением Булика.
- Он воскресил меня, превратил в дождь, который оживил мертвую пустыню. Потом я обратился в могучий дуб, расцвел, зазеленел в оазисе, и птицы запели великую песнь красоты жизни...
- Бог мой! Владыка небесный! - вырвалось у отца Иорама.
- Я был готов произнести те же слова, когда увидел все собственными глазами, - улыбнулся Бачана.
- Увидел и усомнился? Фома неверующий! - привстал в постели отец Иорам.
- Во сне-то я повалился ему в ноги... Но потом, когда, проснувшись, увидел вас и Булику, признаться, усомнился...
- Неужели вы не чувствуете, что возвысились?! - отец Иорам даже побледнел от волнения.
- Знаете, батюшка, ваша религия чересчур уж мистична, оторвана от жизни, нереальна... Вот если б от моего сна осталось что-то реальное, осязаемое...
- Грешник! Он воскресил вас, чего же вам более реального?!
- Не вижу цели моего воскресения. Неужто я вернулся к жизни лишь для того, чтобы завтра все повторялось сначала? Для того, чтобы завтра вновь умереть? Ведь смерть неизбежна?
- Но время! - крикнул отец Иорам.
- Какое время? - не понял Бачана.
- Время, продолжительность жизни! Ведь господь продлил ваше время.
- Не все ли равно, когда я умру - сегодня, завтра?
- Все равно для вас, но не для других!

- Для кого же?

- Для тех, чья жизнь зависит от вашей!

- Не имеет значения... Много людей умерло в ранней молодости, но жизнь на земле продолжается...

- Да что вы такое говорите! Как это не имеет значения! - возмутился отец Иорам. - А если б Руставели скончался в люльке?!

- Родился бы другой.

- Когда?

- Когда-нибудь.

- Вот именно! Когда-нибудь! Но сколько прошло бы до этого времени?! Вы представляете себе, каким было бы общество от времен Руставели до наших дней, если б не его гений?!

- Что ж, было же время без Руставели, и ничего, жили люди...

- Жили без бога в душе! - Отец Иорам отпил из кувшинчика молока, промочил пересохшее горло. - Время - бог! Поймите это! Вы, коммунисты, не веруете в бога, потому и не знаете цену времени! Вы транжирите время! Поклонитесь времени, уважайте время! И если вы решили создать новую веру и новую религию, начните с времени! Иначе ничего у вас не получится, ибо, повторяю, бог - это время!..

- А говорили, бог - это слово!

- Слово, дело и время есть неделимая, единая триица! - произнес отец Иорам с благоговением.

- Если это так, то мы - за, батюшка! Мы ценим и время, и дело, и слово. И, между прочим, ничуть не меньше, чем ценит их церковь.

- Ну, знаете, столько отложенных дел да столько любителей откладывать их, как у вас, в жизни не бывало! - рассмеялся отец Иорам.

- Э нет, батюшка, позвольте не согласиться с вами! - отпарировал Бачана. - Откладывать дела - это по вашей

линии! Сам господь бог обещал человеку райскую жизнь когда? После смерти! Забыли?

- Рай на том свете нужно завоевать всей своей праведной жизнью. Как же иначе?

- Конечно, завоеванное трудом и потом человека вы называете божьей милостью... Несправедливо это, батюшка! Слишком уж большой жертвы требует от людей ваша религия!

- Грешите, грешите вы, уважаемый Бачана! - обиделся отец Иорам. Основной закон нашей религии - отдавать, а не брать, служить, а не властвовать!

- Красивые слова, батюшка, и только... Вспомните: мрак, религиозный фанатизм, догматизм, крестовые походы, инквизиция... И все это именем бога, во славу божью...

- Я не доказываю, что религия наша достигла совершенства... заколебался отец Иорам.

- Браво, батюшка! - расхохотался Бачана. - Впервые слышу подобные слова от служителя культа! И как у вас называется подобное суждение? Правым уклоном? Или левым?

- В христианской религии не существует ни уклонов, ни центра. Есть только зенит! - произнес наставительно отец Иорам и возвел глаза к потолку.

- Где же он, этот зенит? - спросил Бачана и невольно тоже посмотрел вверх.

- Зенит - это свет. И когда человек вступит в царство света, он преодолеет всякие ограничения и обретет свободу. Но это наступит с совершенствованием души человека, и потому смерть его есть приближение к богу... - Отец Иорам молитвенно сложил руки на груди.

- А когда самого тебя приволокли сюда посиневшего, еле живого, помнишь, кого ты тогда молил о помощи? Врачей, а не бога! - вмешался Булика.

- Страх перед смертью есть страх приближения к богу, - проговорил отец Иорам, не глядя на Булику.

- Хитришь, батюшка! Может, и инфаркт у тебя от этого страха? - Булика подмигнул Бачане.

Священник кинул на Булику испепеляющий взгляд:

- Твоя религия, несчастный, начинается в желудке и кончается в сортире. От такого грешника, как ты, откажется даже ад!

- Конечно, если я приду туда с твоей рекомендацией! А впрочем, я уступлю тебе все - и ад и рай. Мне хочется увидеть коммунизм... Это ваш рай, не так ли, уважаемый Бачана? Я, правда, беспартийный, но надеюсь на вашу протекцию...

- Пожалуйста, Булика! - пригласил Бачана сапожника в коммунизм. - Мы люди добрые, примем не только тебя, но и отца Иорама.

- Ступайте сами в эту имитацию рая, - отказался тот от приглашения, а я дождусь божьей воли... Ваш зенит слишком земной... Интересно, что вы будете делать после того, как придете к этому самому коммунизму?

- Придем, а там видно будет.

- А вдруг ничего не увидите? - спросил не без ехидства отец Иорам.

- Уважаемый Иорам, сколько лет вашей религии? - ответил вопросом на вопрос Бачана.

- Две тысячи! - Голос батюшки прозвучал гордо.

Бачана искренне рассмеялся:

- А нашей пока нет и ста... А последователей у нее столько - вашей религии и не снилось. И вы, двухтысячелетние, тягаетесь с нами, со столетними юношами? Постыдились бы! Имейте терпение, и когда нам станет две тысячи лет, вот тогда и взгляните на нас с высоты вашего зенита. Вот тогда и будем судить, кто из нас вознесся выше.

- Трудно спорить с людьми, которые ни во что на свете не верят! Отец Иорам отвернулся к стене.

- Что дает народу ваша религия? - не отставал Бачана.

- Духовную пищу! - ответил отец Иорам, не поворачиваясь. - А ваша?

- Наша и духовную и материальную! Но прежде - материальную. Человеку, идущему к зениту, нужны хлеб, соль, масло, картофель, помидоры и мясо. Не так ли?

- А где это мясо? - Отец Иорам быстро повернулся лицом к Бачане.

- Это уже не спор, батюшка!.. Нет сегодня, будет завтра!

- А наша религия, кстати, не запрещает людям ни есть, ни производить мясо. Неудобно как-то говорить, но... Раньше мяса было больше, чем сейчас...

- Раньше на земле жило полмиллиарда человек, а сейчас - без малого четыре миллиарда!

- Мда-а... Рано мы отказались от людоедства, - подал голос молчавший до сих пор Булика, - было бы сейчас и людей меньше, и мяса вдоволь!

- Вот в такого циника превратила человека ваша религия! - Отец Иорам рукой показал на Булику. Тот собрался было ответить, даже рот приоткрыл, но слово застряло у него в горле: из-под его койки выползла крыса со всем своим семейством и уселась посередине палаты.

- Вот тебе и мышьяк! - нарушил молчание Булика.

При виде крысы Бачаной вместо отвращения овладело любопытство. Крыса обошла по очереди все три шкафчика, словно выискивая что-то, потом, не найдя ничего, оглядела каждого из больных. Но когда Булика бросил ей кусок сахара, она даже не взглянула на него.

- Не пойму, в чем дело, - сказал отец Иорам, - то ли она плотно позавтракала, то ли решила объявить голодовку.

- Надо позвать Женю. Пусть приведет этого кретина дезинфектора, чтобы он убедился, какие тут разгуливают поросята! - предложил Булика.

Крыса вновь обошла шкафчики, потом вернулась к своим и, смешно шевеля передними лапами и усами, что-то сообщила им. Супруг и два крысенка внимательно выслушали ее, затем мать повела детенышей под кровать Булики, видно, отправила их через щель домой и вернулась к супругу. Между ними завязалась горячая беседа.

- Семейная сцена. Присутствие детей нежелательно, - констатировал Булика.

Вдруг испуганная крыса стремительно отпрянула в сторону, сорвалась с места и бешено закружилась по палате. Потом вернулась к самцу и, тяжело дыша, остановилась словно вкопанная перед ним. Теперь в дикую пляску по палате пустился самец. Спустя минуту он подбежал к самке и застыл, уставившись на нее. И так обе крысы, не двигаясь, долго стояли друг перед дружкой.

Страшное предчувствие овладело Бачаной, и сердце его забило тревожно... Из-под кровати появились два крысенка. Они подлежали к родителям, но родители будто не заметили их. Тогда крысята ткнулись в них мордочками. Крысы не двигались. Крысята стали лапками тереть то одну, то другую. И вдруг все они вновь сорвались с места и забегали, закружились по комнате, натыкаясь на шкафчики, стены, друг на друга, падая и вскакивая.

- Да что это с ними творится такое? Взбесились, что ли? перекрестился отец Иорам. - Булика, кликни ради бога Женю!

Но побледневший Булика сидел на койке и оторопело глядел на дикий танец крыс.

- Это мышьяк... Они наелись мышьяку и теперь ищут воду. Но вода лишь ускорит их конец, - сказал Бачана.

- А молоко? - спросил дрогнувшим голосом отец Иорам.

- Поставьте, батюшка! - попросил Бачана.

Отец Иорам дрожащими руками налил молоко в блюдо и поставил его на пол. Но было уже поздно. Обезумевшие крысы даже не заметили блюда.

- Странно крысята держатся крепче, - сказал Бачана, и тут же, словно опровергая его слова, одна малышка опрокинулась на спину, задрав лапки. Спустя мгновение упал второй крысенок.

- Не могу смотреть на них! - простонал Булика я, подложив под язык таблетку нитроглицерина, закрыл лицо руками.

- Господи, помилуй! - вырвалось у отца Иорама.

Почувяв недоброе, крысы очнулись, шатаясь, подошли к трупам своих детенышей и опустились перед ними на колени.

- Женя! - заорал Бачана и невольно привстал в постели. Крысы подняли головы, и Бачана увидел в их черных глазах-бусинках столько боли, изумления и отчаяния, что сердце у него заныло и похолодело.

- Женя! - крикнул он снова и откинулся на подушку.

- Уважаемый Бачана! Бачана! Сын мой! - Отец Иорам завертелся в кровати. - Булика! Посмотри, что с ним!

Но Булика лежал, зарывшись головой в подушку, и ничего не слышал.

- Эй, кто там! Помогите! - завопил отец Иорам и постарался встать, но страшная боль, пронзившая сердце, свалила старика...

В палате наступила гробовая тишина. На полу валялись бездыханные крысы, а у кроватей еле дышавших людей притаилась смерть и алчными глазами вглядывалась в их души.

Никто не слышал, как с треском распахнулась дверь, как в палату ворвались перепуганные фельдшерица Женя и врач.

- Ну что, успокоились теперь? - сказала Женя, увидев дохлых крыс. И тут же раздался тревожный крик врача:

- Пантопон! Быстро! Всем троим!

8

Ласа Базилия нашел Тамару на станции Озургети. Девушка слала на лавке, положив голову на небольшую сумку. Почувствовав на себе пристальный взгляд, она проснулась. У девушки были огромные синие голодные глаза, белое как полотно лицо, красивые, припухлые красные губы и соломенные волосы, спадавшие на упругую грудь. Девушка вскочила. Ласа обвел взглядом ее стройную, породистую фигуру и обомлел...

...С тех пор в столовой Ласы Базилия появилась новая официантка, а число посетителей возросло втрое. Здесь стало собираться все мужское население села. Сидели, балагурили, выпивали несметное количество прокисшей "изабеллы". Женам и родителям с трудом удавалось оторвать от стульев одуревших мужиков.

- Тамара, ангел, еще десять бутылок!

- Тамара, кто тебя одарил такой красотой, будь ты неладна!

- К черту сдачу, один твой взгляд стоит миллион!

- Тамара, улыбнись разок, а потом хоть режь меня ножом Ласайи!*

* Л а с а й я - шуточно-уменьшительное от Ласа.

- Ласайя, целуй ноги девочке, иначе прогорел бы ты со своей вонючей столовой!

- Повезло тебе, Ласайя! Теперь можешь сбывать хоть собачатину.

- Поцелуй меня, Тамара, и брось потом в Супсу!

- Гляди, что за бедра!

- И как только ее никто до сих пор не похитил?!

- Сию минуту!

- Не знаю, парень!

- Миллион - это много! Зачем мне столько денег?
- Твоя жена красивее меня, парень!
- Поцелую, когда протрезвеешь!
- Я люблю другого, милый мой!
- Руки! Убери руки! Ласа, уйми этого пьянчужку.
- Ласа, пора, закрывай столовую!

И так каждый день...

Бачана вошел в столовую, уселся за столик в углу.

На дворе пар поднимался над раскаленной землей, в столовой свежевывытый пол источал приятную прохладу. Ласайя был на кухне, колдовал у кипящего котла. Тамара стояла у стойки спиной к Бачане, перетирала стаканы.

В этот ранний час в столовой было пусто. Посетители обычно собирались после полудня. Бачана знал об этом, потому и пришел сюда в столь неурочное время. Подождав немного, Бачана несмело кашлянул. Тамара быстро обернулась. У Бачаны екнуло сердце. Он опустил голову и закашлялся теперь уже от охватившего его волнения. Тамара взяла со стойки тарелку, нож, вилку и подошла к Бачане. Бачана видел лишь ее пальцы - длинные, красивые, чуть покрасневшие и вспухшие от горячей воды. Девушка поставила на стол тарелку, удивленно разглядывая посетителя. Она видела его впервые.

- Что прикажете? - спросила она.

Бачана поднял голову.

- Хлеба! - тихо произнес он, с трудом проглотив слюну.

- Только?
- И сыру.
- А мяса?
- Нет.
- Вино?
- Нельзя. Завтра у меня экзамен.
- Какой?

- Физика.
- В каком ты классе?
- Заканчиваю.
- А-а-а... Харчо не хочешь?
- На харчо не хватит денег! - Бачана покраснел.

Тамара ушла. Вскоре она вернулась с подносом в руках. Она поставила перед Бачаной хлеб, сыр, тарелку с харчо и стакан вина.

- Один стакан можно! - улыбнулась она и присела перед Бачаной. - Как тебя звать?

- Бачана.
- Фамилия?
- Рамишвили.
- А меня зовут Тамарой.
- Знаю! - Бачана поднял стакан.
- Почему я не видела тебя до сих пор?

Бачана смутился. Он отпил глоток вина, словно хотел вернуть на место подступившее к горлу сердце.

- В моем возрасте в столовую не ходят.
- Почему же пришел сегодня?

- Проголодался очень, потому и пришел. - Бачана отпил еще глоток.

- Кислое? - Тамара смешно сморщила нос.

- Будь здорова! - Бачана осушил стакан. - Посчитай, пожалуйста!

- Сдашь физику, тогда и посчитаю!

- Тамара! - раздалось из кухни.

- Иду, Ласа! - крикнула Тамара. - Я мигом! - сказала она Бачане и убежала.

Вернувшись, Тамара опешила: Бачаны в столовой не было. На столе все лежало нетронутым.

- Здравствуй! - поздоровалась Тамара, присаживаясь к столу.

- Здравствуй! - ответил Бачана.
- Сдал?
- Сдал.

- Ну как?

- Тройка, - Бачана нехотя улыбнулся, - и то из-за уважения к моему деду Ломкаце. - Он достал из кармана пятирублевую бумажку и положил ее на стол. - Это за вчерашний обед.

Тамара даже не взглянула на деньги.

- Сколько еще осталось экзаменов?

- Тамара! Что ты там возишься с молокососом! Иди сюда! - крикнул Дуту Центерадзе. Он в компании четырех собутыльников сидел за столом в дальнем углу и был уже навеселе.

Тамара не обратила на него внимания.

- Сколько еще экзаменов?

- Один.

- Когда?

- Послезавтра.

- Приходи послезавтра.

- Я и завтра приду.

- Приходи. Что сейчас подать?

- Тамара-а! Дитя расстается с грудью матери, а ты не можешь расстаться с этим сопляком? - крикнул снова Дуту.

Тамара подошла к нему.

- Что желаете?

- Что же мне пожелать лучше твоей красоты! Побудь здесь, с нами!

- Некогда мне! Если что нужно, скажите.

- Принеси еще десять бутылок и садись рядом со мной! Хочу выпить за твое здоровье! - Дуту схватил Тамару за руку. Она вырвалась и пошла к стойке.

- Ласа, дай десять бутылок вина.

Ласа стал доставать бутылки. К стойке направился Дуту. Глаза у него блестели, чувствовалось, что он изрядно выпил.

Дуту Центерадзе был милиционером. Приземистый, широкоплечий, длиннорукий, с наганом в расстегнутой

кобуре, он держался самоуверенно и вызывающе. Подойдя к стойке, он обнял Тамару.

- Отстань, Дутуйя, от девушки и ступай к своему столу! - нахмурился Ласа.

- Девушка не возражает, а ты чего в бутылку лезешь? - огрызнулся Дуту и, схватив, словно игрушки, шесть бутылок вина, вернулся на место. - А подавать вино, между прочим, твоя обязанность! - крикнул он Ласе. - Увижу, что кто-нибудь лезет к этой девушке, пусть потом пеняет на себя! Гроб его я сам поставлю во дворе церкви архангела Гавриила! Так и знайте! - объявил во всеуслышание Дуту.

Тамара принесла остальные четыре бутылки. Дугу аасилу усадил ее рядом с собой.

- Садись, девушка, хочу выпить за твое здоровье! - Дуту встал со стаканом в руке и обратился к Ласе: - Ласайя Базилия! И не стыдно тебе заставлять эту красавицу мыть тарелки? Отдай Тамару мне, и я посажу ее на золотой трон, будет жить как царица Тамар!

- Это на какой же золотой трон? На одном ведь уже восседает твоя жена Талико?.. Подумал бы о деле, ветрогон! Ни кола, ни дерева во дворе! Курам твоим негде усестись на ночь!.. Нашелся рыцарь!

В столовой поднялся хохот.

- Ласайя, укороти язык, как бы я ненароком не наступил на него! предупредил Дуту, положив руку на револьвер.

Бачана встал и направился к двери.

- Постой ты, эй, парень! - позвал его Дуту. - Ты чего тут околачиваешься? Оглянись, есть тут твои сверстники?

- Я зашел поесть, - спокойно ответил Бачана.

- Знаю я, зачем ты пожаловал! На вот, возьми, выпей и марш домой! Дуту протянул Бачане стакан вина и ножку вареной курицы. Бачана подошел к столу, взял из рук Дуту стакан и мясо и положил их на стол.

- Я не пью.

- Ну так уходи!

- Не твое это дело - уходить мне или нет! - Щеки у Бачаны зарделись. Дуту протянул было руку, чтобы схватить его за ухо, но Бачана быстро отстранился, и рука Дуту повисла в воздухе. - Ты пьян, Центерадзе! бросил Бачана в лицо милиционеру и пошел к выходу.

- Чей это щенок? - спросил опешивший Дуту.

- Это внук Ломкацы Рамишвили! - ответил сидевший рядом с ним Ушанги Каландадзе. Дуту закусил губу. - Манучара Киквадзе, за ликвидацию которого твой начальник получил орден, кажись, убил он... Так что оставь его в покое... - шепнул ему на ухо Каландадзе.

- Неправда, - процедил Дуту сквозь зубы. - Я сам участвовал в той операции! - Лицо Центерадзе побагровело. - Змееныш он и сын троцкиста!

- Да в чем мальчик провинился перед тобой? Ну пришел в столовую, даже не ел ничего, идет своей дорогой... Нельзя же так, Дуту... Сходить с ума из-за бабы... - сказал недовольно Афанасий Лория.

- Кто баба, сукин ты сын?! Не баба, а богиня! Стань перед ней на колени и молись! - Дуту хлопнул Афанасия своей медвежьей лапой по плечу.

Афанасий покачнулся. В столовой наступила напряженная тишина.

- Дутуйя, по облигации ты выиграл Тамару, что ли? Отпусти девушку, дай и нам полюбоваться ею! - постарался разрядить обстановку Мамука Яшвили.

- Сегодня прощаю тебе болтовню, а с завтрашнего дня чтоб ноги твоей не было в этой столовой! - пригрозил ему Центерадзе.

- Шел бы в армию, коли ты такой герой! - ответил со смехом Мамука. Может, отвадишь от нас Гитлера!

- А кто наведет здесь порядок? Кто присмотрит за дезертирами вроде тебя?

- Это я дезертир?! Килограммовый осколок до сих пор у меня в груди торчит! - Мамука распахнул сорочку.
- И ты меня называешь дезертиром?! Это ты собрался наводить здесь порядок?! Первый бездельник и дезертир?! Мамука схватил со стола бутылку и пошел на Центерадзе. Тот вытащил наган.

Бачана покинул столовую.

Прошло всего три месяца со дня появления Тамары в столовой, и по селу поползли сплетни.словно весенние ласточки, они облетели каждый двор и дом. Всюду - на чайных плантациях, в полях, виноградниках, садах, огородах, на базаре, в конторе, бане, парикмахерской, библиотеке - только и было шушуканья и пересудов, что о молодой официантке.

- Слышь, а третьего дня Мамука Яшвили и Дутуйя Центерадзе из-за этой чертовой девчонки чуть было не зарезали, оказывается, в столовой друг друга...

- Говорят, Дутуйя-бездельник избил жену и отправил ее в Мелекедური, к папаше...

- Нашел же ведьму Ласайя, будь он неладен! Говорят, брюхата она от него... Вишь, раздобрела как...

- Не от него, а от того же Дутуйи-милиционера...

- Она, оказывается, и Мамуке Яшвили строила глазки, да жена его Дареджан задала ей трепку!..

- Что Гитлер - что эта девка! Переполошила все село!..

- Неужто свет клином сошелся на этой потаскушке?..

- Видать, сошелся! Говорят, Торнике Кинцурашвили с ножом полез на Ардалиона Гваладзе...

- А куда смотрит Дутуйя-милиционер?

- Дутуйя сам ходит в первых ее любовниках!

- Что Дутуйя, она и тому парню вскружила голову!

- Какому еще парню?

- Внуку Ломкацы Рамишвили, Бачане... Только за это следовало посадить ее - за попытку растления

малолетнего... Третьего дня видел я его у столовой - глаза у парня, как у сумасшедшего...

Тамара квартировала у Зосима Хинтибидзе. Она занимала крохотную крайнюю комнатку с окном на проселочную дорогу.

Село спало. Бачана тихо постучал пальцем в окно. Спустя минуту в окне показалось испуганное лицо Тамары. При виде Бачаны в глазах девушки мелькнул укор. Закусив губу, она всплеснула руками, потом осторожно приоткрыла окно и шепотом спросила смутившегося Бачану:

- И ты, парень?

- Впусти на минутку? - взмолился Бачана.

- Тебя еще не хватало на мою голову, да? - У Тамары задрожал голос.

- Впусти! - повторил Бачана.

- Не вмешивайся в эти грязные дела, Бачана! Иди домой! Что вам от меня нужно? Зачем вы позорите меня? В чем я виновата перед вами? Хватит... Оставьте меня в покое... - Тамара заплакала.

Бачана перелез в комнату через окно, обошел Тамару и подсел к столу. Девушка зажгла коптилку и тоже уселась напротив Бачаны.

- Что тебе нужно? - спросила она жалобно.

Бачана молчал.

- Зачем ты пришел?

- Это правда, о чем говорят на селе? - спросил Бачана, дрожащей рукой снимая нагар с коптилки.

- А о чем говорят? - вздохнула Тамара.

- О разном... О нехороших вещах...

- И ты веришь?

Бачана пожал плечами.

- Я пришел за тем, чтобы...

- Чтобы?..

- Я пришел за тем, чтобы...

- Не договаривай!.. Одного тебя я считаю чистым во всем селе! Не говори ничего!

Бачана проглотил слезу и вдруг выпалил:

- Одевайся!

- Что?!

- Оденься и пойдем со мной!

- Куда?..

- Не знаю...

- Куда же я пойду?

- Ты должна уйти из села!

- Уйти опозоренной?

- Должна уйти! Все они видят в тебе только женщину, а я...

- А ты?..

- Говорю тебе, одевайся! Собери одежду, что еще там у тебя, и пошли! - голос Бачаны прозвучал так звонко и убедительно, что он сам не узнал его.

Тамара вскочила, быстро вытащила из-под кровати чемодан и стала без разбора запихивать туда свои пожитки. А Бачана вышел на балкон и забарабанил в дверь Зосима.

- Кто там? - раздался сонный голос Зосима.

- Это я, Бачана, внук Ломкацы Рамишвили.

- Ошибся дверью, парень!

- Нет, дядя Зосим, не ошибся. Выйдите, пожалуйста, ты и тетя Маро!

- Если ты пьян, ступай домой! - рассердился Зосим.

- Да нет, не пьян я! Выйдите на минутку! - попросил Бачана.

Дверь открылась. Появился Зосим в одном нижнем белье. За его спиной стояла перепуганная Маро.

- Я увожу Тамару, дядя Зосим, и хочу, чтобы ты и тетя Маро знали об этом...

- Бери на здоровье... Из-за этого ты меня разбудил? Она ничего мне не должна, за комнату уплачено вперед, так что...

- Дядя Зосим, видел ли ты выходящими из ее комнаты Мамуку Яшвили, или Дутуйю Центерадзе, или Ласайю Базилия, или Торнике Кинцурашвили?

- Да что ты пристал ко мне, парень? Караульщик я при ней, что ли?

- Нет, дядя Зосим, ты человек правильный! Скажи мне правду!

Зосим замялся, почесал у себя в затылке.

- Не стану врать, сынок... Выходящим не видел никого!.. Трижды приперся Дутуйя Центерадзе, вдрызг пьяный, ломился к ней в дверь, да она непустила его... Два раза пожаловал Торнике Кинцурашвили, тоже под мухой, и ушел ни с чем... Ты первый, кого я вижу ночью у нее в комнате... - Зосим заглянул в глаза стоявшей с чемоданом в руке Тамаре.

- За что же ее осрамили? - спросил Бачана.

- От нас, детка, никто про нее не слышал ни одного худого слова! выступила вперед Маро. - Наоборот, мы всегда говорили обратное, да кто поверил?

- Идем! - Бачана взял из руки Тамары чемодан.

- Да куда ты ее ночью тащишь, детка? Подождали бы до утра, собрала бы вас в дорогу, как полагается... - засуетилась Маро.

- Больше того, что вы сказали, ничего ей не нужно!.. - ответил Бачана. - До свиданья, спасибо вам! - добавил он.

- Знает ли твой дед о том, что ты делаешь сейчас? - спросил Зосим Бачану, когда тот был уже во дворе.

- Знает! - ответил коротко Бачана и взял Тамару за руку. - Идем!

Шли молча. Выйдя на шоссе, Бачана поставил чемодан, присел на обочине дороги и свернул сигарку. Тамара уселась рядом. Передохнув, они двинулись дальше. Следующий привал устроили перед началом Насакиральского подъема.

- Скажи что-нибудь! - попросила Тамара.

Бачана извлек из-за пазухи сверток и молча положил его на колени Тамары.

- Что это? - спросила девушка.

- Мой аванс за трудодни... Шестьсот рублей... На первых порах хватит тебе... Купи муки... - Голос у Бачаны прерывался.

Тамара развернула сверток, взглянула на деньги, затем снова аккуратно завернула их, засунула сверток Бачане за пазуху, уткнулась головой в колени и горько разрыдалась. Бачана не стал утешать и успокаивать ее. Он ждал, когда девушка выплечется. Не дождавшись, Бачана заговорил:

- Плакать полезно... Когда у меня болит что-нибудь или я расстроен и сердце каменеет в груди, я ухожу в лес, ложусь под деревом и плачу... Плачу, как маленький, громко... Плачу целый день, пока не иссякнут слезы и не оттает сердце... Потом мне становится лучше... Поплачь!.. Облегчи сердце. Иначе человек умрет... Ты не обижайся... Люди тут ни при чем... Виновата твоя красота, изумительная твоя красота. А наши мужики... Что ж, они перегрызлись от зависти друг к другу... Три месяца я не смыкал глаз, все думал о тебе... И кто тебя создал, такую красавицу с такими ласковыми глазами?.. Каждому кажется, что ты улыбаешься только ему, ласкаешь взглядом только его... И мне так казалось. Я знаю, глупость это!.. Знаю, но... я очень тебя люблю, очень... И я не смогу без тебя... Я умру... Тамара перестала плакать. Она изумленно внимала словам Бачаны. А он продолжал: - Мне скоро семнадцать... Это не много, но и не мало... Я знаю, ты смотришь на меня, как на ребенка... Ты не удивляйся... Я так сильно тебя люблю, так сильно... Что мне делать?.. А деньги ты возьми... Я их не украл... Их дал мне дед... Для тебя... Дед мой - мудрый человек... это он меня прислал к тебе, он велел увести тебя отсюда. Если б ты могла меня полюбить... Но ты слишком красива, и я

не знаю, что станет с тобой... Мал я еще, чтобы уберечь тебя, заботиться о тебе... А я так тебя люблю, так сильно... Я три месяца не сплю, все ночи напролет думаю о тебе...

Подступившие слезы душили Бачану. Он зарылся головой в колени Тамары и завыл, как заблудившийся в лесу волчонок, точно так, как тогда, в лесу Чхакоура.

Тамара прижала к груди голову Бачаны, и он почувствовал, как стало оттаивать его обледеневшее сердце, как оно согрелось, раскалилось, запылало огнем. Он обнял Тamarу, стал покрывать горячими поцелуями ее грудь, шею, щеки. Он ощущал соленую влажность ее глаз, слышал ее взволнованный шепот:

- Ты мое солнце, радость моя... Брат мой и отец... Боль моя и печаль... Сын мой и сиротство мое... Жизнь ты моя и гибель моя... Мой мальчик, моя любовь... Откуда ты взялся, откуда ты появился в моей жизни?..

Потом их губы, найдя друг друга, смолкли, и заговорили их сердца.

В груди их гудели серебряные колокола, гудели так слаженно, так величественно, что им захотелось молиться - молиться и ничего больше...

- Боже великий! Соедини наши души и тела, преврати нас в одну-единую, огромную, неиссякаемую жизнь!.. Боже справедливый, дай мне ее кровь и отдай ей кровь мою! Спаси нас от греха и прими от нас наши жизни!..

- Бачана, солнце мое, зачем, откуда ты пришел в мою жизнь... Счастье мое, горе мое... Не надо, радость моя, не надо... Девушка я...

- Боже всесильный! Дай мне силу и волю!.. Сохрани мне ясность разума!.. Спаси меня, боже!..

Взявшись за руки, шли они по шоссе. Лес пробуждался. Птицы готовились спеть гимн солнцу и утру. В окрестных селах залаяли собаки. Где-то за рекой вставший с первыми петухами мужик крыл матом

пробравшуюся в огород скотину. Небо стало светлеть. Над верхушками гор зарозовели облака. На Насакирали наступило утро.

Бачана остановился, опустил чемодан у ног Тамары.

- Иди теперь! - тихо произнес он.

Тамара долго смотрела на него. Потом спокойно спросила:

- Как нам жить дальше?

Бачана промолчал.

- Что ты скажешь соседям?

Бачана пожал плечами.

- Иди... - с трудом вымолвил он.

- Не забывай меня...

Бачана покачал головой...

- Нет на свете человека, которого бы я любила сильнее тебя!

- Не выходи замуж... Я скоро подрасту... - Бачана всхлипнул.

Тамара опустилась перед ним на колени и прильнула губами к его рукам.

- Куда же тебе расти больше? - Она обняла колени Бачаны.

Бачана осторожно высвободился из объятий девушки, отступил на несколько шагов, повернулся и... ушел.

Пройдя с полверсты, он оглянулся. Тамара все так же сидела на дороге и смотрела на него.

И вдруг Бачана вздрогнул от изумления. Он с поразительной ясностью увидел полные слез голубые глаза Тамары. Одни глаза.

В полдень Бачана вошел в столовую. В переполненной комнате было накурено, шумно. Ласа стоял за прилавком, ловкими, привычными движениями нарезал огурцы и помидоры. Увидев вошедшего Бачану, он застыл с ножом в руке. В столовой наступило молчание. Радостные, удивленные, испуганные лица

взирали на Бачану, и все они выражали один общий вопрос. С минуту никто не решался нарушить молчание. Первым очнулся Ласа.

- Да вот же он! - крикнул он и вздохнул с таким облегчением, словно с него сняли сто пудов тяжести. Столовая ожила. Все заговорили разом. И в этом шуме вдруг раздался насмешливый голос Дуту Центерадзе:

- Привет, зятек-бесштанник!

Не обратив внимания на милиционера, Бачана подошел к столу, за которым сидел Торнике Кинцурашвили, и остановился перед ним.

- Куда ты девал девчонку? Может, отвел к деду? - Торнике был навеселе.

- Торнике Кинцурашвили! Скажи народу, была ли эта женщина нечестной? - громко спросил Бачана.

- Об этом ты спроси у Ласайи. Ему она служила и тюфяком и подушкой! расхохотался Торнике.

- Дядя Ласа, этот человек говорит правду? - обратился Бачана к Ласе.

- Не видать мне завтрашнего рассвета и пусть этот нож пронзит мое сердце, если я когда-нибудь словом, делом или даже мысленно оскорбил девушку! - Ласа наполовину воткнул нож в стойку.

Бачана вновь повернулся к Торнике:

- Если ты мужчина, встань, Торнике Кинцурашвили, и скажи, сколько раз ты бывал у нее? Говори, не стесняйся, все равно она не услышит тебя!

- А ты кто такой, сопляк?! Стану я тебе давать отчет! - взорвался Торнике.

- Ну так признавайся, сколько раз она тебя выгнала из дому?

- Никто меня не выгонял! Протрезвился - сам ушел... Вот сидит Зосим, спроси у него! - сбавил тон Кинцурашвили.

- Мамука Яшвили, тебе я верю как никому! Скажи, почему твоя жена Дареджан поскандалила с Тамарой? -

обратился Бачана к Мамуке, который все это время сидел за столом, молча кусая губы.

- Так, по глупости... Жена Дутуйи Центерадзе довела ее своими сплетнями до бешенства... - проговорил, не поднимая головы, Мамука.

- Ты мою жену не трожь, мерзавец! - крикнул Центерадзе.

Мамука встал, но Бачана опередил его:

- А теперь признавайтесь, кто же из вас хоть раз переспал с ней? Начни ты, Дуту!

Центерадзе встал. Он встал с намерением выгнать вшаей этого наглеца, вздумавшего наводить здесь правопорядок, но Бачана воспринял движение милиционера как ответ на свой вопрос и, схватив торчавший в стойке нож, надвинулся на Центерадзе:

- Врешь ты, подлец, врешь! Трижды ты врывался к ней и трижды был изгнан с позором!.. Наглец и зазнайка ты, Дутуйя Центерадзе, и возвел на честную девушку напраслину лишь потому, что хотел похвастаться перед людьми!.. Прав я, дядя Зосим, или не прав?

- Прав, сынок, вот те крест! - ответил побледневший Зосим.

- А ты почему знаешь, болван?! - налетел на него Центерадзе. - Ты, что ли, сапоги с меня стаскивал?!

- Прав мальчик, люди, клянусь вам богом! - повторил Зосим.

- Подлый ты человек, Дутуйя Центерадзе! - бросил Бачана в лицо милиционеру, вложив в свои слова никогда прежде не испытанную силу.

- Убью, сопляк! Смотри, какие он здесь митинги устраивает! Обливает людей грязью! Кто я - представитель законной власти или мальчик на побегушках? - Схватившись за револьвер, Центерадзе угрожающе пошел на Бачану.

- Обезьяна ты, Дутуйя Центерадзе, вот кто! И плевал я на твой наган! - Бачана сам двинулся навстречу Центерадзе. Выбежавший из-за стойки Ласа встал между ними.

- Тогда я вам скажу, люди! - крикнул Бачана. - Я был вчера ночью у Тамары! Девушкой она пришла к нам и ушла от нас девушкой! Это истина, клянусь вам матерью!..

И вдруг в столовой раздался резкий звук удара, и неожиданно для всех Дуту Центерадзе навзничь опрокинулся на пол. Мамука Яшвили, потирая вспухшую от удара ладонь, подошел к Бачане и той же рукой погладил его по щеке.

- Хороший ты парень, сынок! Ступай себе домой, дальше им займусь я...

Бачана не спеша направился к двери...

9

На двадцать второй день профессор разрешил Бачане переворачиваться в постели. Теперь он мог лежать на боку, подперев голову рукой, и созерцать обоих соседей во всем их блеске. Затем ему назначили лечебную физкультуру, которая заключалась в том, что в течение двух недель он должен был сжимать и разжимать кулаки. Когда Бачане позволили садиться - случилось это на двадцатый день после первой "амнистии", - в палату вошла девушка столь изумительной красоты, что Булика вдруг выронил из рук банку с мацони. Когда же этот ангел с иссиня-черными волосами и зелеными глазами присел на кровать Бачаны, отец Иорам перекрестился и воскликнул:

- И теперь вы не поверите в бога, уважаемый Бачана?!

- Поверю, батюшка, если только это не сон! - ответил Бачана, пораженный красотой и смелостью девушки.

- Пусть будет сон, лишь бы она под села ко мне! - проговорил Булика и тут только заметил, что ложка все еще у него во рту.

- Подойду и к вам! - откликнулась девушка.

- Жду вас, жду, уважаемая! - пригласил Булика.

- Здравствуйте, товарищи! Меня зовут Кетеван, фамилия Андроникашвили. Я являюсь главным инструктором лечебной физкультуры в вашей больнице!

- представилась девушка.

- Да? О чем же думают наши врачи? Зачем они мучают нас разными там пантопонами, персантинами и интенсаинами?! Одно только появление в палате такой, как вы, женщины равнозначно если не десяти, то, по крайней мере, пяти уколам! - крикнул Булика.

Девушка довольно улыбнулась.

- Уважаемый Бачана! Видите, она улыбается! Дотроньтесь-ка до нее! Если она не исчезнет, значит, все это наяву! - попросил Булика.

- С вашего позволения! - Бачана коснулся рукой красивых пальцев девушки. - Радуйся, Булика, она - живое существо! - ответил он Булике, однако руки не убрал. Тогда девушка осторожно высвободила пальцы из-под ладони Бачаны и нащупала его пульс. - О, мой пульс сейчас вам не скажет ничего путного!.. Дайте ему успокоиться... - Бачана приложил к сердцу руку девушки. - Слышите, как оно бьется?!

Главный инструктор убрала руку с груди Бачаны и прильнула к нему розовым, маленьким и красивым, как раковина, ушком.

У Бачаны сперло дыхание.

- Доктор, вы что, решили убить меня? - прошептал он, бросив умоляющий взгляд на Иорама. Тот беспомощно развел руками и закрыл глаза, - ничем, дескать, не могу помочь...

Спустя минуту девушка выпрямилась и спросила серьезно:

- Боли в области сердца чувствуете?

- Боли уже прошли, и пульс до вашего прихода был нормальным, а теперь все началось сначала, - вздохнул Бачана.

- О господи! Неужели всем больным здесь раздали один и тот же текст? - поморщилась девушка.

- А что, и другие так говорят? - спросил разочарованный Бачана.

- Вот именно! А вам, как писателю, положено быть более оригинальным! - ответила девушка со злорадством.

- Куда уж больше оригинальности! - жалобно простонал Бачана. Видите, я покойник, а еще разговариваю с вами...

Девушка громко рассмеялась:

- Да, это действительно оригинально!.. Ну а теперь приступим к делу! - И она осторожно приподняла Бачану. - Про хатха-йогу слышали?

Бачана опешил.

- Читал что-то в молодости... Это... индийское философско-религиозное учение, кажется?.. Достижение совершенства души и тела путем особых физических упражнений... Так, что ли?

- Правильно! - согласилась главный инструктор. - Пока мы займемся простейшими приемами хатха-йоги, а о совершенстве души позаботитесь вы сами, когда выйдете отсюда...

- Слушаюсь! - покорно склонил голову Бачана.

- Знаете, что такое "лотос"? Слышали, по крайней мере, о нем? Ну, сидящего Будду, надеюсь, видели? Вот эта поза называется "лотос"...

- Понятно...

- Ну-ка попробуем!.. - Девушка засучила рукава халата и сдернула с Бачаны одеяло. Смущенный Бачана стал неловко прикрывать руками полуголое тело. Не обращая на него внимания, девушка продолжала: -

Значит, так: берем ступню и подводим ее к левому бедру... - Бачана послушно выполнил указание врача и вдруг понял, как он похудел за время болезни: такого движения он раньше не мог бы проделать даже под угрозой смерти. Он обрадовался, почувствовал незнакомую до сих пор легкость и свободу.

- Отлично! - похвалила девушка. - Теперь берем левую ступню и, продев ее под правую ногу, подводим к правому... чему?

- Бедру-у-у... - закончил Бачана тоном прилежного приготовишки и постарался проделать продиктованное движение. Но не тут-то было! Левая ступня застряла где-то на полпути, он почувствовал резкую боль в печени и весь покрылся испариной.

- Не напрягайтесь, - предупредила девушка. - Если не получается, примите исходное положение!

Бачана быстро вытянул обе ноги и с облегчением вздохнул.

- Что, больно?

- Больно!

- Ничего, привыкнете, - успокоила его девушка, - теперь ложитесь и расслабьте тело!

Бачана откинулся на подушку. Инструктор пощупала его мышцы и недовольно покачала головой.

- Расслабьтесь, расслабьтесь! Снимите напряжение! Примите положение покойника!

- Что вы, дорогая! Человека с таким трудом воскресили, а вы хотите вернуть его в положение покойника?! - воскликнул Булика.

- Индия и хагха-йога, конечно, хороши, дочь моя, но нет ли других, христианских упражнений? - вмешался отец Иорам.

- Христианские упражнения - молитвы, а лечить людей одними молитвами невозможно! - обиделась инструктор.

- А чем это не физкультура? Глядите! - И Булика несколько раз размашисто перекрестился обеими руками. - Утренняя зарядка!

- Проклял бы я тебя, антихрист, да ты сам, без моих проклятий следуешь по пути в ад! - проговорил в сердцах отец Иорам и отвернулся к стене.

Девушка подошла к койке Булики.

- Прошу!.. - Булика подвинулся, освобождая место на постели.

- Ничего, постою... - девушка пощупала пульс Булики. - У вас пульс лучше... Попробуем упражнение?

- Знаете, доктор, я уже попробовал, пока вы возвращали уважаемого Бачану в положение покойника... И не получилось... Так что сидеть в позе лотоса я не смогу. А если вы не приложите ваше прекрасное ушко к моему сердцу, я убью вашего мужа и сяду в тюрьму. Это будет полегче лотоса!

- Впервые встречаюсь с такой палатой! Не больные, а балагуры какие-то!.. Завтра пришлю фельдшерицу, пусть она с вами занимается!

- Только вы не покидайте нас, а я, не то что в позу лотоса, сяду хоть на раскаленную сковороду! - пообещал Булика, но главный инструктор, хлопнув дверью, покинула палату.

- А говорили, живое существо... - вздохнул Булика.

- Все было сном... - добавил Бачана.

- В глазах этой женщины я увидел сатану! - Молчавший до сих пор отец Иорам вдруг повернулся лицом к Бачане и Булике. - Истинно вам говорю: сатана смеялся в ее глазах! - И вновь отвернулся к стене.

Спустя пять минут после визита главного инструктора лечебной физкультуры, в палату вошла фельдшерица Женя с подносом в руке. На подносе обернутые белоснежной ватой лежали три блестящих шприца.

- Кардиологический привет! - Женя поставила поднос на стол.

- Привет кардиограмме сердца Грузии! - ответил Булика.

- С добрыми вестями, Женечка? Глаза у тебя так и искрятся! - сказал Бачана.

- Сенсация! - Женя хлопнула рукой по торчавшей из кармана халата газете.

- Ну-ка, ну-ка, утоли жажду несчастных путников в пустыне! - Отец Иорам простер к ней руки.

- Сперва укол, потом сенсации! - заявила Женя категорическим гоном. А ну приготовиться!

Все трое разом перевернулись спиной вверх и откинули одеяла. Женя начала с Бачаны...

- "Ты не вейся надо мною, черный ворон, я не твой", - продекламировал Бачана, потирая место укола.

- Дорогая Женя, это обязательно - вгонять шприц до упора? - спросил отец Иорам, смахивая слезу углом подушки.

- Извините, не рассчитала, - смутилась Женя.

- Христианская душа, почему же именно со мной у тебя происходят просчеты? Мало разве в палате безбожников и нехристей?!

- Терпением своим... - успокоила фельдшерица батюшку и подошла к Булике.

- Покажи сперва иглу! - захныкал Булика.

- На, смотри!

- Люди добрые! - завопил Булика. - Если это игла, что же тогда называется шилом?!

- Да ладно, устала я каждый день торговаться с тобой! Ложись! прикрикнула Женя.

- Конечно, тебе в чужом пиру - похмелье!.. Ложись-ка сама! Погляжу, как ты запоешь! Иди, иди ложись!

- Смотри не поперхнись!

- Назло тебе даже не пикну! - объявил Булика и закусил подушку. Женя воткнула шприц, словно копье.

- Все? - спросил Булика, когда Женя стала растирать место укола.

- Все!..

- Кретин же я! Пошел бы на медицинский! Чем я хуже других? простонал Булика. Женя направилась к двери.

- А сенсация?! - крикнул отец Иорам.

Женя бросила газету на койку батюшки. Тот схватил газету и стал искать очки. Не вытерпев, Бачана бросил ему свои:

- Мои тоже плюс три. Читайте, батюшка!

- Вот спасибо! - Иорам начал с последней страницы.

- Гм, наше "Динамо" проиграло "Арарату"!

- И это вся сенсация? - махнул рукой Булика. - Я так и знал, что наши проиграют!

- Счет? - спросил Бачана.

- Два - ноль! - ответил отец Иорам, снимая очки.

- С ума меня сведет "Арарат"! - Булика хлопнул себя рукой по лбу. Весь год он только и готовится, чтоб обыграть нас! Проиграть другим - ему наплевать!

- И наши играют с "Араратом" всегда с мандражом! - вырвалось у отца Иорама.

- Bravo, батюшка! Где ты этому слову научился? - удивился Булика.

- "Однако все мы люди, миром рождены мы..." - привел отец Иорам в свидетели Николоза Бараташвили*.

* Н и к о л о з Б а р а т а ш в и л и (1817 - 1845)

выдающийся грузинский поэт-романтик.

- Будь моя воля, я бы составил одну нашу команду исключительно из тбилисских армян... Это знаете, какие молодцы! Они бы показали "Арарату", почем фунт лиха... - размышлял Булика.

- Батюшка, посмотрите другие страницы, а то какая это сенсация футбол? - попросил Бачана. Иорам

развернул газету, добрался до первой страницы и замер.

- Не верю! - воскликнул он и бросил Бачане газету вместе с очками.

- Чему вы не верите? - переспросил Бачана, надевая очки. - Не может быть! - тут же вырвалось у него.

- Что не может быть? Война?! - спросил испуганно Булика.

- Небиеридзе сняли! - сказал Бачана, уткнувшись в газету.

- Небиеридзе? Это тот, который... - У Булики от удивления глаза полезли на лоб.

- Тот самый...

- Ва-а-а... - Булика в недоумении покачал головой. - Вот теперь его люди заскользят, как балет на льду...

- Признаться, не мог даже подумать... - произнес задумчиво Бачана, кончив читать, и отложил газету.

- Подумать только... Еще вчера он... И вдруг... Непонятно! Не могу поверить! - сказал отец Иорам.

- Сняли или освободили? - спросил Булика.

- Гогилашвили, а какая разница - сняли, освободили? Главное - был человек, и не стало человека! - пожал плечами Иорам.

- Как это какая разница! - повернулся к нему Булика. - Что значит освободить? Это значит - человеку живется трудно, его притесняют... Вот кто-то и выручает его, освобождает... Возьмите, к примеру, Африку... Народ там терпит бедствия, значит, надо его освободить!.. А что значит снять? Это когда человек крепко сидит в кресле и вдруг его снимают, как болт, или выдергивают, как гвоздь, из этого самого кресла... Понятно?

- Здесь написано - освобожден... - сказал Бачана.

- Значит, трудно ему приходилось, вот и освободили человека.

- И дело его передано в прокуратуру... - добавил Бачана.

- Это почему же? - удивился Булика.

- За непринятие мер против взяточничества и коррупции, за протекционизм, равнодушие к жалобам трудящихся.

- погоди, погоди, и во всем этом виновен один только Небиеридзе?

- Пока что так...

- Молодец Небиеридзе! Поработал, оказывается, здорово! А куда все остальные смотрели, об этом не написано?

- А ты сам куда смотрел? - прервал Булику отец Иорам.

- Меня спрашиваешь? - изумился Булика.

- Вот именно тебя! Ты рабочий класс. Где ты был, о чем ты думал, когда человек вытворял подобные дела?

- Ты политический невежда, батюшка! Во-первых, я не рабочий класс, а мелкий кустарь, а во-вторых, я был занят тем, что чинил ваши башмаки, изношенные в приемной Небиеридзе...

- Ну это меня не касается, - умыл руки Иорам. - Небиеридзе ваш католикос, у меня, слава богу, свой владыка!

- А как ты детей начальников разных крестишь, деньгу на этом зашибаешь, это ничего?

- Глупый ты человек, Гогилашвили! Да ведь это дело богоугодное! Кабы удалось мне окрестить всех коммунистов, я на том свете восседал бы рядом с самим архангелом!

- Ладно, допустим, мирские дела вас не касаются... А вы, уважаемый Бачана? Где были, куда смотрели вы? - Булика перенес атаку на писателя.

- Кто это мы? - прикинулся тот простачком.

- Вы, вы, писатели!

- Мы?... Мы... Где мы были?... - У Бачаны словно память отшибло. "Неужели мы так и сидели сложа руки?" - спросил он себя и, не вспомнив ничего утешительного, произнес с сожалением: - Мы, дорогой Булика, сидели рядом с тобой, ремонтировали ту самую изношенную обувь...

- Вот и правильно! - обрадовался Булика. - А теперь скажи, что с ним будет?

- Накажут, наверно...

- За что?

- Сказал ведь, за что...

- Значит, получается, что он ничего не понимал, ничего не знал и все же руководил делом?

- Получается, так...

- Получается или так? - не отставал Булика.

- Так!

- А теперь послушайте меня. Коли все это было именно так, в таком случае его еще следовало наградить, поблагодарить, обеспечить хорошей пенсией, расцеловать в обе щеки и отпустить с миром, крепко пожав на прощанье руку!

- За какие заслуги? - искренне удивился Бачана.

- Как это за какие?! - Булика присел в кровати. - Вот, скажем, вы писатель, редактор, уважаемый Бачана Рамишвили. Вы толком даже не знаете, где север, а где юг, в жизни своей не видели ни моря, ни парохода... Вдруг вас вызывают и говорят: "Товарищ Рамишвили, вот вам пароход со своим экипажем, пассажирами, со всем добром и прочее. Назначаем вас капитаном! Принимайте пароход и доставьте его из Одессы в Архангельск..." И вот вы отправляетесь в путь... Плывете день, другой, третий... Пароход качает, людей швыряет с борта на борт, кое-кого уже рвет как из ведра... Наконец, так или иначе, вы на полуразвалившемся пароходе добираетесь до Архангельска... Теперь я спрашиваю вас: за то, что вы,

полный невежда в морском деле, не потопили пароход, а все же привели его по назначению, разве за это вы не заслужили награду? Заслужили! - ответил Булика на собственный вопрос.

Бачана прыснул.

- Спроси-ка его, батюшка, чего он смеется? - обратился Булика к Иораму.

- Прав ты, прав, Булика! Но ведь твой невежда, когда его назначали капитаном, должен был отказаться, сказать, что он ни бельмеса в этом деле не смыслит.

- А может, и говорил, да не послушали? Давай, мол, берись, а мы поможем... Вот он и взялся. И потом, знаете, не так-то легко отказаться, когда тебе предлагают пост капитана. Тем более что предшественник его тоже не очень-то смахивал на Нельсона... А что, у вас, писателей, разве не бывает так? - задал Булика вопрос Бачане.

- К несчастью, бывает, и нередко, - согласился тот.

- Что же получается?

- Получается, что каждый должен заниматься своим делом. Недаром ведь говорил благословенный Руставели:

Что кому дано судьбою - то ему и утешенье:

Пусть работает работник, воин рубится в сраженье,
произнес с благоговением отец Иорам.

- Уважаемый Иорам, постригитесь и причаститесь к нашей вере - из вас бы вышел хороший коммунист! - шутя посоветовал Бачана.

- К какой вере? К коммунизму? - ужаснулся священник. - К земным утехам, отрицанию бога?! Нет уж, избавьте!..

- Да-а... Вы, оказывается, и представления-то о коммунизме не имеете, батюшка! Коммунизм - это именно то, о чем вы только что соизволили сказать словами Руставели! Коммунизм - это вершина

благоденствия человечества, это пора, когда перед каждым из людей откроется возможность заняться тем, на что он более всего способен, что более всего соответствует его физическим и умственным возможностям и способностям, что доставит ему истинное моральное, духовное, если хотите, удовлетворение!.. Мы, коммунисты, читали ваше Евангелие. Прочтите и вы хоть раз наше евангелие, это не повредит вам, клянусь вашим богом!.. Что касается забот о материальных благах, о желудке, как вы изволили выразиться... Что ж... Вы правы! Мы заботимся и впредь будем заботиться об этом! Человек прежде всего должен быть обеспечен материально! Это необходимо для того, чтобы помыслы, духовные силы, таланты и стремления его были направлены не на поиски хлеба насущного, а на достижение целей более возвышенных, более важных и благородных! Мы утверждаем свободный труд и мир на земле, а не соперничество, зависть людскую и кровопролитие! А для этого нужно, чтобы человек был сыт, батюшка!.. Таково наше учение, наша религия! Таков наш бог - бог земной, реальный, а не витающий в небесах! - закончил Бачана и, чтобы скрыть охватившее его волнение, отвернулся к стене.

Присмиривший отец Иорам не решился продолжить спор.

- Что ж, да услышит вас бог, уважаемый Бачана! - произнес он тихо и тоже отвернулся к стене. Потом, не вытерпев, добавил: - Кстати, из вас тоже получился бы неплохой священник!

Вечером Булику навестила нагруженная провизией супруга Света. Она приветливо поздоровалась со всеми, раздала каждому свою долю съестного, потом, отогнув одеяло, скромно присела в ногах Булики.

- Как ты себя чувствуешь, азиз?* - спросила она сиявшего от радости и гордости мужа.

* А з и з - ласкательное обращение.

- Как лев! - ответил Булика и, в подтверждение сказанного, оторвал ножку у вареной курицы, впился в нее зубами и в мгновение ока протянул жене обглоданную кость.

- Поперхнешься, черт! - испугалась она.

- Будь спокойна! - Булика оторвал у курицы вторую ножку и продолжал с набитым ртом: - Ну, какая у меня жена, уважаемый Бачана?

- Замечательная!

- Видели ли вы среди армянок такую красавицу?

- Не приходилось...

- Потому что она - единственная!

- Разумеется!.. Ведь ты у нас тоже красавец... - улыбнулся иронически отец Иорам.

- А увидели бы вы мою любовницу!.. Вот она действительно красавица! Булика подмигнул жене.

- Болтун несчастный... - поморщилась она.

- Где же дети? Почему они не навестили отца?! - с деланной строгостью спросил Булика.

- Где же им быть, Автандил-джан? Сегодня ведь суббота, Нестан - на английском, Тариэл - на фортепиано.

Булика напыжился.

- Девочка у меня растет, уважаемый Бачана, - министр иностранных дел! По-армянски говорит? Говорит! - Булика стал загибать пальцы. По-грузински говорит? Естественно! Английский изучает? Изучает! В школе французскому учат? Учат! А еще курдскому помаленьку учит ее дочка нашего дворника Физулы - Гванлеца... Теперь скажите, кто из наших министров владеет пятью языками? Ответьте, батюшка!

- Хорошая у тебя девочка, дай бог ей здоровья!

- А мальчик? Паганини!

- Паганини на скрипке играл, азиз, а наш мальчик на пианино, поправила Света, смущенная невежеством мужа.

- Не учи! Я сам знаю, кто на чем играл! Паганини - мой идеал! Понятно? Вот возьму и переведу мальчика на скрипку! Не все ли равно, за что платить? Что ты на это скажешь?

- Воля твоя, азиз, поступай как хочешь, только не нервничай ради бога!.. Профессор сказал, что за неделю поставит тебя на ноги, а на следующей разрешит идти домой. "Только, - говорит, - надо, чтобы он слушался нас..."

- А я не слушаюсь, что ли? Пью все лекарства, делаю все уколы... Вот смотри, во что они превратили мою... - Булика быстро отдернул одеяло.

- Закройся, бесстыдник! - всполошилась Света. - И дома он такой невежа, вы уж извините ради бога...

- Да что тут извиняться, все мы в таком положении! - успокоил ее Бачана.

- Кроме того, дорогая моя жена, профессор того не знает, а я давно уже хожу. Вот! - Булика опустил на пол голые ноги, встал и несколько раз гоголем прошелся по комнате. - Ну, что еще мне сделать? - Он огляделся Нука, Света, встань!

Удивленная женщина встала. Булика обнял ее за талию.

- Не смей! Не смей! Отпусти ее сейчас же! - крикнул отец Иорам, но было уже поздно: Булика подхватил жену, поднял ее и смачно поцеловал в шею. Света вскрикнула от неожиданности, лицо ее покрылось румянцем смущения. Булика еще несколько раз подбросил жену в воздух, потом опустил на место.

- Видели? - воскликнул он весело. - Света, принеси мне одежду, я завтра же уйду отсюда! Хватит мне валяться в постели!

Булика присел на койку. Он тяжело дышал, но весь сиял от радости.

- Что ты выкинул, глупец! - произнес в сердцах отец Иорам. Булика взялся за пульс. С минуту он сосредоточенно молчал, потом удовлетворенно улыбнулся:

- Все! Конец моему инфаркту! Да здравствует жизнь! - И обнял жену.

- Да будет тебе! Людей бы постеснялся! - Света вырвалась из объятий мужа и стала поправлять волосы.

Иорам и Бачана деликатно отвернулись.

- А ты кажешься тяжелее обычного! К чему бы это, а? Смотри у меня! Булика нахмурился и пригрозил Свете рукой, но тут же подмигнул ей.

- Боже мой! Отсохни мои уши и его язык! - всплеснула руками смущенная вконец женщина. Булика громко расхохотался и крикнул:

- Повернитесь, господа, комедия окончена!

10

Солнце возлежало на огромном серебристом ложе. Голова светила, обвитая семицветной радугой, покоилась на покрытом вечным снегом склоне горы Казбек. Руки его бессильно свисали вниз.

Солнце тяжело дышало.

Солнце прощалось с жизнью.

Коленопреклоненные Бачана, отец Иорам и Булика, воздев руки к умиравшему светилу, молили его:

- Не покидай нас, Солнце! Не умирай, Солнце великое!

Их слезы пенистыми реками стекали по склону Кавкасион, с громовым шумом мчались вниз - туда, где, окутанная молочным туманом, лежала земля.

А Солнце возлежало на огромном серебристом ложе и молча внимало мольбам рыдавших у его изголовья людей. Утром Солнце поднялось над Кавкасион, подтянулось и собралось было взвиться в небесную

лазурь, как вдруг почувствовало острую боль в груди. Оно опустилось на одно, затем на другое колено, прислонилось к склону Казбека, да так и застыло.

Все человечество с ужасом взирало на агонизирующее светило. Люди заполнили улицы и мосты, поля и дороги, балконы и крыши. Ветви деревьев гнулись под тяжестью взобравшихся туда детей.

- Не покидай нас, Солнце! - стонало человечество.

Но голоса людей не достигали умиравшего светила. Оно видело лишь их протянутые к нему руки и расширенные от ужаса глаза.

- Чем они взволнованы? - прошептало Солнце.

- Они умоляют тебя не покидать их! - ответил сквозь рыдания Бачана.

- Поздно... - проговорило Солнце. Один глаз его погас.

- Не губи нас, дарующее жизнь! - пал ниц отец Иорам.

- Что тебя беспокоит, что у тебя болит? Скажи нам. Светило! всхлипнул Булика.

- Боль земли беспокоит меня, - сказало Солнце, - боль земли!

- Но ведь они в твоей власти - боль и жизнь земли! - воскликнул отец Иорам.

- Земля - мое сердце, она и только она живет и дышит во мне. Все остальные мои клетки, все другие части мои давно уже погасли, умерли... Неужто вы, люди, поклоняющиеся мне, не ведаете этого?

- Кто же ты само, Светило? - спросил изумленный Бачана.

- Я пылающий дух почивших в любви людей... Жизнь моя питается душами людей, умерших в любви... И теперь настал час угасания моей жизни, ибо иссяк на земле источник любви, ибо от ненависти умирает людей больше, чем от любви... Верните жизнь любви, и я воскресну из мертвых... Я молю вас, люди, даруйте мне

жизнь, возвращенную на любви людей!.. Возвратите мне утерянную любовь, и я вернусь к вам, люди!.. - Солнце задышало чаще, заметалось.

- О Светило! Не покидай нас, сжался над нами! Мы будем любить друг друга и смерть свою отныне обращаем в любовь!.. Мы пойдем - Автандил, отец Иорам и я, твоим именем попросим людей земли вернуть тебе любовь! Я верю, человечество внемлет твоему зову, предаст забвению ненависть, вновь возродит на земле любовь!.. Дай только нам семена любви и благослови нас! - взмолился Бачана.

И тогда Солнце коснулось головы Бачаны своей горячей рукой, и Бачана почувствовал, как в его тело вместе с солнечным теплом стало проникать чувство всеобъемлющей любви и сострадания. Солнце вздрогнуло, потянулось в последний раз и... погасло.

Вдруг Булика припал к груди не остывшего еще светила и зарыдал:

- Возьми меня с собой, Солнце! Я не могу жить без тебя!.. Прими меня в свое лоно, как любовь!.. Умоляю тебя, Солнце!..

Бачана и отец Иорам с ужасом увидели, как Булика растаял на груди скончавшегося светила, как он растекся лучами и слился вместе с Солнцем с лучезарным сиянием радуги.

...Двадцать веков до рождества Христова и еще двадцать после его пришествия Бачана и отец Иорам носили по свету погасшее Солнце. С кипучими слезами на глазах молили они человечество о любви и милосердии, чтобы вернуть осиротевшему небу Солнце и окутанной мраком земле свет. Приумолкшее человечество с непокрытой головой провожало в последний путь к кладбищу светил собственную жизнь - Солнце, ибо не нашлось для Солнца достойного места на земле... И когда наконец Бачана и отец Иорам достигли цели и уложили Солнце в изготовленной из

белоснежных облаков усыпальнице, на темном небосклоне возникло два черных диска - один огромный, другой крохотный, чуть различимый в тени первого. Лишенное своего светила человечество изумленно взирало на них. В первом диске Бачана узнал скончавшееся Солнце, в другом - растаявшего на его груди от любви Булику. И, узнав их, Бачана горько зарыдал.

- Люди, полюбите друг друга! - крикнул он во весь голос и упал ничком на обледеневшую землю...

...Бачана не помнил, как долго пролежал так. Когда же он почувствовал еле уловимое, но знакомое до боли прикосновение тепла, он перевернулся на спину и взглянул на небо затуманенными от слез глазами. Он увидел тот же огромный диск, ставший теперь медно-красным. Диск постепенно накалялся и светлел. Краснел и крохотный диск. И когда большой диск достиг предела яркости, вновь превратился в Солнце и по-прежнему засиял на небосводе, другой - маленький - сорвался с неба и, как метеор, понесся вниз, на землю.

На земле настал день. Над Кавкасиони сияло Солнце - чуть бледнее, чуть слабее обычного, но по-прежнему радостно и весело. Солнце дышало. Солнце жило.

- Слава тебе, светило любви! Слава тебе, жизнь! - вознес Бачана хвалу Солнцу... Он плакал и смеялся.

- Бачана!.. Уважаемый Бачана!.. Проснитесь! - тряс Бачану перепуганный отец Иорам.

Бачана очнулся. С минуту он лежал с вытаращенными глазами, не соображая, где он и что с ним происходит. Потом, придя в себя, присел в кровати. Сердце у него учащенно билось. Солнце уже взошло, но в палате было еще сумрачно.

- Что с вами, уважаемый Бачана? Всю ночь метались как угорелый, то плакали, то смеялись... Или приснилось что-то неприятное?

Бачана вытер глаза и бессмысленно улыбнулся. Иорам вернулся к своей койке, лег.

- Видел сон, уважаемый Иорам, да такой, что мне позавидовал бы сам Коперник...

- Что же вы такое видели?

- Кончину Солнца!

- Что?! - Иораму показалось, что он ослышался.

- Снилось, что наше Солнце скончалось... И знаете, кто его оплакивал?

- Кто?

- Вы, я и Булика... И никто больше...

Целый час отец Иорам слушал Бачану, не перебивая его. Лишь когда Бачана повторял слова, произнесенные Солнцем, Иорам истово крестился. Потом он подложил руки под голову и задумчиво уставился в потолок.

- Вещий сон вам приснился, уважаемый Бачана! - произнес священник после долгого молчания.

- Во второй раз! - согласился Бачана.

Наступило молчание. Вдруг отец Иорам вскочил с постели и на цыпочках подошел к койке Булики. Тот лежал с открытыми глазами, спокойный и бледный.

- Автандил! - произнес тихо отец Иорам.

Бачана удивился - с тех пор как Булика попросил не называть его Автандилом, они ни разу к нему не обращались с этим именем. Зачем же это понадобилось батюшке сейчас?

- Автандил! - повторил Иорам громче.

- Не будите его, пусть поспит... Ему я расскажу отдельно, - сказал Бачана.

- Автандил! - Иорам встряхнул Булику.

- Крепко же он спит! - сказал Бачана.

- Да, крепко... Засните и вы! Отвернитесь к стене и засните!

- Куда уж теперь!

- Говорю вам, отвернитесь сейчас же и засните! - приказал священник, потом дрожащей рукой осторожно

провел сверху вниз по холодному лицу Булики.

- В чем дело, отец Иорам? - спросил Бачана изменившимся голосом, и от страшного подозрения у него запылали виски.

- Сбылся ваш сон... Солнце скончалось!..

Отец Иорам открыл дверь палаты...

Бачана укрылся с головой одеялом, уткнулся лицом в подушку и, стараясь заглушить клокотавший в горле вопль, впился в нее зубами.

.....

- Удивительно, как похож покойник с раскрытыми глазами на покинутую квартиру, в которой хозяин забыл затворить окна... - сказал отец Иорам, когда тело Булики унесли из палаты...

11

У аптеки на улице Меликишвили компания подвыпивших верийских* парней вела оживленный спор.

Спор начался с хаши. Цицка доказывал, что хаши - величайшее достижение человечества в области изыскания средств опохмеления. Его поддерживали Кока и Коплик. Копака склонялся в сторону чая без сахара, Бачана признавал только "боржоми", Бердзена предпочитал "Набеглави"**, а Датико - коньяк и аспирин. После официального подсчета голосов победу, естественно, одержал Цицка, хотя каждый участник голосования остался при своем мнении. Была, впрочем, еще одна группа ребят, доказывавшая, что единственным радикальным средством опохмеления являются серные бани. Эта группа в голосовании не участвовала, ибо в силу абсолютного своего большинства проходила вне конкурса, да и не могла участвовать, ибо, оставаясь до конца верной своим убеждениям, в данный момент находилась там, где ей и надлежало находиться, - в серных банях.

* В е р э - старое название района в Тбилиси.

** "Н а б е г л а в и" - название минеральной воды.

Спор переключился на вина, но он недолго длился - первое место единогогласно было присуждено благословенному восьмому номеру*. Затем, конечно же, коснулись вопросов политики. Полного единодушия не было достигнуто, однако в конце концов все же удалось распределить места среди Здравствующих политических деятелей и военачальников следующим образом:

1. Сталин
2. Черчилль
3. Эйзенхауэр
4. Де Голль
5. Жуков.

* Имеется в виду кахетинское вино No 8.

Правда, с Жуковым конкурировал Монтгомери, но за него было подано меньше на два голоса, и британскому фельдмаршалу пришлось довольствоваться шестым местом.

После политики настал черед футбола. Тут дело пошло на лад. Во всем мире нашелся единственный человек, удовлетворявший спортивным и моральным требованиям верийской молодежи, - Борис Пайчадзе*.

* Б о р и с П а й ч а д з е - прославленный футболист, долгое время возглавлявший команду тбилисского "Динамо".

Поговорили и об искусстве. Как всегда, здесь одержал верх авторитет Бердзены: лавровых венков победителей были удостоены Шота Руставели и Микеланджело, которого Бердзена ласкательно называл Микелой.

...Когда же перед участниками дискуссии, потрясая их грешные души, прошла дочь верийского керосинщика Аполлона Кавжарадзе Гуранда, девушка с лебединой шеей и высокими красивыми бедрами, спор принял генетическое направление.

- Вот и отрицайте после этого роль генов! - воскликнул Цицка восторженно. - Глядите, чем не джейран?! А какие у нее будут дети!

- Какие там еще гены! Одень, обуи и корми меня так, как ее, я и сам стану красавцем! - Коплик ловким щелчком бросил окуроч в урну.

- Мда-а, действительно, девушка что надо! Породистая! - вернулся Бердзена к основной теме. - Жаль только, пахнет от нее керосином...

- И кто только принял вас в вуз?! Кретины! Неужто вы до сих пор не уразумели, что не существует никаких генов, пород и рас. Все люди равны, а их формирование зависит от условий жизни и воспитания! Расовая теория погубила Гитлера, а вы хотите вернуться к ней из-за этой красавицы Гуранды? - произнес Кока наставительно.

- И кто это говорит? Князь Амiredжиби!* Стыдись, Кока! - сокрушенно покачал головой Цицка.

* А м и р е д ж и б и - древний грузинский княжеский род.

- Плевал я на Амiredжиби! Я материалист!

- Не материалист, а шарафист!* Вот кто ты такой! - сказал Цицка и вырвал у Коки папироску.

* Ш а р а ф и с т - любитель выпивки (городской жаргон).

- Да что вы глупости болтаете! - взорвался вдруг Бачана. - То, что я похож на своего отца, тот на своего, а дед мой на своего деда, разве это не гены? Разве это не говорит о моей породистости?!

- Говорит, но смотря о какой породистости! - прохихикал Кобака.

Уж кого-кого, а обвинить Кобаку* в отсутствии породистости было нельзя. Кобака как две капли воды был похож на портрет Георгия Саакадзе, напечатанный в учебнике истории Грузии. Атлет с плечами в косую сажень, с раздувающимися, как у арабского скакуна, ноздрями и огромными глазами, он не знал равных себе в кулачном бою от Верэ до самого Навтлуги.

* К о п а к (кобаки) - овчарка.

- Отрицание генов больше всех устраивает людей беспородных! - заявил Цицка.

- Значит, я и Коплик беспородные? Так, по-вашему, да? - обиделся Коба.

- Ты что, белены объелся? Сам доказывал, что не существует никаких рас, генов и пород, а теперь сам же на нас огрызаешься?! - прикрикнул на него Кобака.

- Кончайте базар! Вот идет профессор Имадашвили, спросим у него! успокоил спорщиков Бердзена.

- А кто спросит? - поинтересовался Коплик.

- Кобака. Он самый породистый среди нас! - съязвил Бачана.

- Почему я? Пусть спрашивает Бердзена! - наотрез отказался Кобака.

- Нет! Уступаю эту честь Цицке. Кстати, он очень похож на прилежного студента! - отклонил Бердзена свою кандидатуру.

- Пожалуйста, я согласен! - Цицка отделился от группы и приготовился к встрече с профессором, который не спеша шагал, держа под мышкой черный портфель.

Профессор прошел мимо ребят, даже не заметив их. Цицка бросился наперерез ему и почтительно поздоровался:

- Здравствуйте, уважаемый профессор!

- Здравствуйте, - ответил тот.
- Извините, уважаемый профессор... У нас возник спор по одному вопросу, и... нас интересует ваше мнение...
- Это как же... Вот здесь, на улице? - Профессор растерянно огляделся по сторонам и поправил очки.
- Пожалуйста сюда! - Цицка взял его под руку и подвел к товарищам. Те вежливо расступились, уступив профессору место у стены с облупившейся штукатуркой.
- Слушаю вас! - Профессор переложил портфель ИЗ одной руки в другую.
- Видите ли, Эквтимэ Николаевич, - начал Коплик, - мы здесь поспорили, существуют ли гены, породы, так сказать. Цицка говорит, что...
- Кто? - переспросил профессор.
- Цицка!
- А что это такое?
- Цицка - вот этот! - Коплик положил руку на плечо товарища. - Его имя Давид, мы зовем его Цицкой.
- Понятно. И что же говорит Цицка?
- Он и Копака говорят, что...
- А Копака это кто?
- Вот этот!
- В паспорте так и записано - Копака?
- Нет, по паспорту он Тенгиз! - ответил Бердзена.
- А это кто? - спросил профессор.
- Это Бердзена!
- Грек?*
- Нет, гуриец!**

* Б е р д з е н и - грек.

** Г у р и я - область в Западной Грузии.

- Как?

- Грузин.

- Как его звать?

- Мераб.
- А вас?
- Коплик.
- Слава богу, наконец-то я услышал нормальное имя!.. Так что вам угодно, Коплик?
- Я же сказал... Вот они говорят, что в природе существуют гены и породы, а я и Кока...
- Ага, есть еще и Кока? С водой или без?* - спросил профессор и сам рассмеялся своей шутке. Рассмеялись ребята - им было приятно, что они сумели развеселить профессора.

* Игра слов: "кока" по-грузински - "кувшин".

- Значит, вы и Кока считаете, что рас и генов не существует. Так?

- Так! - кивнул головой Коплик.

- Вы правы!.. Расовая теория антинаучна, реакционна. Это фашистская теория. Что же касается генетики, изучающей наследственность и изменимость организмов, то здесь дела обстоят несколько иначе.

- Позвольте, профессор, - прервал его Бердзена, - а как же с породистыми животными? Выводят ведь лучшие породы лошадей? Вон у нас в Александровском саду специальные выставки породистых собак устраиваются, золотыми медалями их награждают!

- Как вас зовут?

- Мераб!

- Видите ли, дорогой мой Бердзена, на протяжении веков путем естественного отбора в мире животных...

- А разве человек не общественное животное? - не дал ему договорить Цицка. - И разве в сельском хозяйстве мы не осуществляем селекцию, скрещивание, выведение новых пород?

- Друзья, что же это вы, словно радио, умеете только говорить, но не слушать?! - Профессор развел руками и выронил портфель.

Молчавший до сих пор Бачана быстро поднял его, сунул профессору под мышку и скромно произнес:

- Слушаем вас, уважаемый профессор...

- А-а... вас как звать?

- Бачана.

- Так вот, дорогие мои Бачаны, Коки, Коплики, Бердзены, Цицки и Кобаки, такие вопросы на улице не решаются... Пожалуйте ко мне на кафедру, с пяти до шести, или на квартиру, с десяти вечера до утра, и будем дискутировать сколько вашей душе угодно. Устраивает? - спросил профессор растерявшихся парней.

- Если можно, мы придем к вам домой, - ответил Бачана.

- Вот и отлично!

- Впустят нас? - спросил Коплик, взглянув на свои ботинки.

- Безусловно! Вы только назовитесь - пришли, мол, верийские парни.

- До свидания, уважаемый профессор! - попрощался Цицка.

- Будьте здоровы! - Профессор чуть приподнял свою фетровую шляпу и продолжил свой путь. Ребята в знак почтения склонили головы.

- Хороший он человек, даром что профессор! - подвел Цицка итоги переговоров.

- Ребята, Марго-дурочка идет! - воскликнул вдруг Бердзена.

Со стороны Верийского базара, по левой стороне улицы Меликишвили, шла известная всему району Марго, размахивая руками и напевая веселую песню:

Пароход плывет по морю

В заграничные края,

Привезет он мне подарки,

Ах ты, душечка моя!..

- Хабарда!* Верийская Марго идет! - прерывала временами она свою песню и вновь продолжала:

Я станцюю вместе с вами

И лезгинку и танго.

Приходите, поглядите

На красавицу Марго...

* Х а б а р д а! - "Сторонись!" (перс.).

Марго была пьяна. Прохожие, знавшие Марго, с улыбкой приветствовали ее, затем оборачивались, с сожалением качали головой и шли дальше. Незнакомые, избегая встречи с пьяной и явно ненормальной женщиной, поспешно переходили с тротуара на мостовую.

Поравнявшись с ребятами, Марго приложила к губам обе руки, потом раскинула их, словно крылья, и послала им воздушный поцелуй.

- Верийским парням низко кланяется пьяная Марго.

- Привет, Марго! - приветствовали ее ребята поднятыми вверх руками.

- Ну что, дорогие, опять с похмелья и опять в карманах мышиный помет вместо денег, да? Идите ко мне, хорошие мои, идите, дорогие мои, спустимся к Танц-Геурку, угощу вас пивом! - Марго извлекла из лифа несколько тридцатирублевок, помахала ими в воздухе. - Идите, не стесняйтесь! Завтра ведь вам придется угощать меня!

- Марго, ступай, дорогая, домой, отдохни... Мы уже выпили, - попросил ее Копака.

- Па-а-рень милый, куда мне идти, где мне преклонить мою бедную голову?! Бери к себе! Чокнутой и ненормальной Марго нужен именно такой хозяин! Кто лучше тебя присмотрит за ней?.. Возьми меня в жены! Пожалей меня! Всю жизнь я мечтаю о тебе, звезда ты моя! Позволь хоть раз обнять твою богатырскую грудь! Или я недостойна тебя? Смотри, какая у меня фигура и

какое на мне белье! - Марго одной рукой дотронулась до бедра, другой приподняла платье, показав белоснежное, окаймленное кружевами нижнее белье. - Завтра надену креп-жоржетовое! - Она быстро пересекла улицу и подошла к ребятам.

- Иди, Марго, иди отдыхать! - Копака обнял женщину за плечи.

- Мне все равно, ребята! Выйду замуж за любого из вас! Я одинаково люблю всех вас! А ты чего зубы скалишь, Бердзена? Вот тебя-то одного я и не хочу! Слишком уж ты капризный, всю жизнь мне отравишь! Цицка - другое дело! Он интеллигент...

- А говорила, всех нас любишь одинаково, - вмешался Бачана.

- И ты здесь, мой бедный сиротинушка? К тебе я приду, обязательно приду! Выкупаю, причешу тебя, выстираю твои сорочки, выглажу брюки и уйду обратно... На кого ты похож? Посмотри на себя в зеркало.

- Ладно, хватит, Марго... Видишь, народ, собирается... Пойдем, дорогая, я провожу тебя... - попросил Копака, взяв женщину под руку.

- Плевала я на народ!.. Да здравствуют верийские парни! - Марго обняла Копакку, склонила голову к его груди и запела:

Пойдем, мой миленький, пойдем,

Вдвоем весь мир мы обойдем...

На углу Копака попрощался с Марго и отпустил ее. С минуту он подождал и, убедившись, что женщина идет домой, возвратился к своим.

- Но, но, Копака, без панихид! - прикрикнул Цицка, увидев кислую физиономию товарища.

Марго жила в конце улицы Петриашвили в сырой полуподвальной каморке с двумя окошками. Со двора в каморку вели четыре деревянные ступеньки. Стол, покрытый простыней, железная кровать с

поржавевшими никелированными кольцами, шкаф, два стула, утюг и гладильная доска - вот и все ее богатство. На дверях каморки красовалась надпись мелом: "Сумашедши Марго" - произведение дворовых детей. Она не стирала надписи и не обижалась.

- Во-первых, это написано рукой ангела, во-вторых, это правда.

Рано потерявшая отца, Марго была у матери единственной дочерью. Красивая, прекрасно сложенная, она росла, окруженная любовью всего квартала, хорошела с каждым годом. Верийцы гордились своей красавицей. Так продолжалось до того злосчастного дня 1936 года, когда обрушившееся на город невиданное наводнение смело половину Нахаловки, сорвало и унесло мельницы с Песок*, затопило людей в подземных подвалах серных бань. В этот день погасло солнце Марго, покатилося вниз колесо ее судьбы.

* Н а х а л о в к а, Пески - название районов в старом Тбилиси.

В тот год верийские старушки сосватали Марго за пригультного сына золотых дел мастера Гогии - Ваню. По неписаному городскому закону тех времен полагалось устроить смотр невесте - девушка должна была показаться в бане в чем мать родила будущим свекрови и золовке, дабы не было обмана, не подсунули бы жениху девку с изъяном. Да падет грех на головы свекрови, золовки, да и несчастной матери Марго! Надо же было придумать только проверять достоинства такой девушки! Когда, бывало, Марго, словно испуганная лань, сбегала по улице Петриашвили и потом шла дальше, по улице Меликишвили, продавцы и покупатели, столпившиеся у дверей лавок, разинув рот, провожали ее восторженным взглядом.

В то воскресное утро повели Марго в общую женскую баню. И когда девушка, раздевшись, предстала перед окружившей ее вороньей стаей с гордо вскинутой головой, спадающими на упругую грудь черными как смоль локонами, белая и стройная, как мраморное изваяние, и когда старушки, изумленные красотой невесты, одобрительно зашушукались, причмокивая беззубыми ртами, - тогда и хлынули в баню потоки воды. Охваченные ужасом женщины с воплями бросились к двери и, вместо того чтобы рвануть ее на себя, в панике и суматохе всей толпой навалились на нее, закрыв себе выход. Мутная илистая вода в мгновение ока заполнила подzemелье. Смолкли крики и плач... И примчавшиеся вскоре на помощь люди поняли, что спасти было уже некого... И тут кто-то заметил девушку с обезумевшими от страха глазами, прильнувшую к потолочной решетке одного из подвалов. Решетку выломали, но оторвать от нее окоченевшие руки девушки не сразу смогли.

Марго месяц пролежала в больнице. Она не вспомнила ни о чем - ни о гибели матери и будущих своих родственниц, ни вообще о том страшном наводнении, словно ничего в тот день не произошло... Все старания врачей привести девушку в чувство наталкивались на ее тупое, упорное молчание... Потом ее перевели в психиатрическую лечебницу. Там Марго пробыла полгода. Наконец она отошла, заговорила, но все поняли, что разум у девушки помутился бесповоротно. И за все это время подлец Ваню ни разу не проведал невесту, не поинтересовался ее судьбой, не послал ей ни рубля...

Вернувшись домой, Марго всю неделю просидела в своей камере, никого не впуская. Как-то утром соседи услышали доносившееся из ее комнаты пение. Насилу ворвались к ней. Марго сидела за столом, перед ней стояли две бутылки "Саперави", одна пустая, другая

полная. Увидев вошедших соседей, она улыбнулась и запела:

Я станцую вместе с вами
И лезгинку и танго.
Приходите, поглядите
На красавицу Марго...

Соседи и знакомые, по горло занятые собственными заботами, постепенно стали забывать о беде Марго. И сама она привыкла к своему одиночеству. Однако покинутая всеми девушка не пошла на улицу с протянутой за подаванием рукой.

Она стала брать в зажиточных семьях белье в стирку и глажку. Заработанных денег ей вполне хватало на пропитание. А потом как-то незаметно девушка пристрастилась к вину. Одевалась она всегда чисто и опрятно, ежедневно меняла белье. Напившись после очередной получки, она разгуливала по улице, напевая любимые песни, и задирала перед прохожими платье - смотрите, мол, какое на мне красивое белье. И тут же называла заказчицу, которой оно принадлежало...

Со временем стало сказываться пагубное действие алкоголя. Лицо Марго потеряло прежнюю свежесть и румянец, покрылось морщинками. И теперь при виде этой преждевременно сломленной, пьяной женщины, с песней шагавшей по улице, сокрушенно качали головой лишь старожилы квартала, помнившие ее молодость и красоту, гордую осанку и блеск агатовых глаз.

Пока жители квартала не привыкли к повадкам умалишенной Марго, находились среди них люди, позволявшие себе поиздеваться над несчастной женщиной. Тогда-то и выучилась Марго нецензурным выражениям. Выйдя на середину мостовой, она обрушивалась на своего оскорбителя с такой отборной бранью, что прохожие, заткнув уши, шарахались в стороны. Но стоило Марго увидеть на улице ребенка,

как она тотчас же переставала ругаться и спокойно шла домой.

- Право, осквернять слух ангела не дано никому, даже самому богу! говорила она.

И еще одно: за все время своего бедственного существования Марго ни разу не уронила своей девичьей чести и достоинства. Любой житель Верэ, знавший Марго, мог поклясться на Евангелии в том, что она была чистой и непорочной, как ангел.

Вечером Марго пришла к Бачане на дом.

- Сиротинушка мой, ты дома? - крикнула она и, не ожидая ответа, вошла в комнату. Бачана сидел за столом, готовился по планированию народного хозяйства - в среду у него был экзамен.

- В чем дело, Марго? - спросил он, откладывая конспект.

- Давай, что у тебя там в стирку! - ответила Марго и стала перелистывать конспект.

- Какая там еще стирка! Все свое ношу на себе!

- Найдется что-нибудь! - не отставала Марго.

Бачана открыл шкаф, бросил на пол две изношенные сорочки и протертые брюки.

- Ради бога, стирай осторожно, и без того они расползаются, попросил он и снова уткнулся в конспект.

- Неужто твой конспект так интересен, что не можешь оторваться от него на минуту? - спросила Марго, открывая стенной шкафчик.

- Очень интересен, к тому же у меня экзамен на носу!

- Дурачок! Было бы интересно, не платили бы тебе за учебу, а, наоборот, заставили бы платить тебя! - сказала Марго и недовольно захлопнула дверь шкафчика. - На кой черт держишь в комнате этот пустой ящик? Выкинь его во двор!.. Выпить у тебя не найдется?

- Валерьяновые капли.

- Капли дай своему профессору, перед экзаменом!

Марго нагнулась, стала подбирать брюки и сорочки. Выпрямившись, она схватилась за живот и поморщилась:

- Вот черт, не дает покоя! - потом развернула одну из сорочек и покачала головой: - Что это - сорочка или скатерть? Все меню Танц-Геурка на ней! Не стыдно тебе?

- Очень даже стыдно, дорогая моя Марго, да что мне делать?

- Женись, дурак, женись!

- Да? А чем ее кормить, жену-то?

- Ешьте друг друга!

- Ладно, так и сделаю! - пообещал Бачана.

- Завтра вечером принесу твои пожитки. Приготовь пятерку! - Марго направилась к двери. Вдруг она остановилась, задрала платье, показав красивые крепжоржетовые трусы. - Ну-ка догадайся, чье белье на мне?

Бачана пожал плечами.

- Министра культуры путей сообщения иностранных дел! - гордо произнесла Марго и вышла из комнаты.

"Завтра вечером" она не пришла. "Загуляла, видно, где-то и отсыпается", - решил Бачана и сам направился к ней.

Дверь каморки была открыта, горел свет. Марго в вышитой розовой ночной сорочке лежала в постели. Лицо у нее горело, глаза блестели.

- А-а, сиротинушка мой, я знала, что ты придешь, - улыбнулась она Бачане, потом вынула из-под мышки термометр. - Ну-ка посмотри, сколько там? Я ничего не вижу, в глазах одни желтые круги...

Бачана взглянул на термометр и обомлел: ртутный столбик показывал тридцать девять и девять.

- Что с тобой, Марго?

- Не знаю, дорогой... Какой-то негодяй так и колет, так и буравит живот горячим вертелом... Не помогли ни вино, ни водка... До вечера терпела... И вот свалилась... Сколько там?

- Много... - Бачана положил термометр на стол.

- А все же?

- Тридцать восемь...

- Твои сорочки и брюки на столе... Слава богу, успела выгладить... Открой шкаф, возьми уксус, разбавь водой, смочи полотенце и положи мне на лоб... Голова горит... Этого еще не хватало моим бедным мозгам...

Бачана выполнил просьбу.

- Пойду приведу кого-нибудь, - сказал он.

- Кого?

- Врача!

- Кому я нужна, ненормальная?.. У них нормальные люди умирают без присмотра... - улыбнулась Марго.

Бачана молча вышел из комнаты и сломя голову помчался вниз по улице Петриашвили.

Ребята стояли у аптеки, громко о чем-то спорили.

- Марго умирает! - выпалил запыхавшийся Бачана.

- Как умирает?! Вчера ведь она была здесь? - удивился Тенгиз.

- Была, а теперь умирает! - повторил Бачана.

- Что за ерунда! Говори толком! - встряхнул его Коплик.

- Говорю вам - умирает!

- А что с ней? - спросил Цицка.

- Живот болит, температура сорок!

- Отчего это, Датико? - спросил Кобака.

- Не знаю, Тенгиз. Нужен врач, хирург.

- Бежим к Шатиришвили! - крикнул Кока.

- Шатиришвили - сволочь! Без денег он и шагу не сделает, к тому же спит, наверно, уже! - сказал Бердзена и с презрением плюнул в сторону.

- Да ну его! Я - к отцу Вахтанга, Игнатию, он человек правильный! крикнул Цицка и сорвался с места.

Спустя пять минут ребята на цыпочках пробрались в каморку Марго и молча выстроились у кровати. Женщина беспокойно металась. При виде ребят она в изумлении приподнялась на локтях, потом вновь кинулась на подушку и разрыдалась. Потом засмеялась нервным, счастливым смехом.

- Дорогие мои мальчишки... Я ждала вас и не ошиблась... Хорошие мои... Расступитесь, что вы стали, словно на панихиде... Пусть падут все ваши болезни на сумасшедшую Марго...

- Не бойся, Марго, сейчас Цицка приведет врача, - с трудом выдавил Тенгиз.

- Зачем мне врач? Теперь я уже не умру... Вот и боли исчезли, и температура спала... - Марго сорвала с головы мокрое полотенце, забросила его в угол и ударила в ладоши. Бачана смочил полотенце и снова приложил его ко лбу больной.

- Сиротинушка, это ты переполошил ребят? Проси у них прощения! Сейчас же!.. Ого-го! Кому из больных, да еще сумасшедшему, снились такие посетители?! Ай да Марго! Молодец, Марго! - Она заплакала. Ребята стояли понурив головы, не зная, куда деть руки и глаза. Успокоившись немного, Марго позвала Бачану: - Вон там, на шкафу, стоит деревянная шкатулка. Подай ее мне... Так... - Она положила шкатулку себе на грудь, о чем-то задумалась, потом поднесла шкатулку к уху, встряхнула ее, радостно улыбнулась и откинула крышку. В шкатулке лежали дешевые кольца, браслеты, серьги, разные блестящие пустяки.

- Вот этот бесценный камень доставлен из столицы Афганистана Кабула специально для царицы Тамар... - Марго извлекла из шкатулки двухрублевое медное колечко с голубым стеклышком. - Дарю его тебе, Копака... Когда женишься, надень это кольцо жене на

средний палец правой руки... Скажи ей - это, мол, подарок от Марго. И еще скажи ей, что, будь я помоложе, не видать бы ей тебя в мужьях... Благословляю тебя!.. Бери!..

Тенгиз взял колечко, и Бачана увидел, как у него заходили желваки.

- А это твоей жене, князь Кока Амиреджиби, серьги из индийского коралла... Они подойдут белолицей, черноволосой женщине с зелеными глазами... Бери, не стесняйся! - Марго опустила в протянутую ладонь Коки копеечные игрушечные серьги.

- Этот золотой браслет - тебе, Бердзена!.. Работа дагестанских мастеров. Такой браслет - для высокой, полногрудой, черноокой жены... Дарю! - Бердзена с благоговением принял из рук Марго плоский овал из консервной жести и, не произнеся ни слова, выбежал из комнаты.

- А это мне! - И Марго приложила к груди связку серебряных гривенников. - Всю свою молодость я не расставалась с этим ожерельем, потому и не могу уступить его никому... Не обижайтесь!.. Бачана, подойди ко мне!

Бачана подошел.

- Для тебя у меня вот этот персидский изумруд... А женись ты на бедной сироте, ведь другая тебя не поймет... Бери, и дай бог тебе счастья в жизни!.. - Бачана взял у Марго голубую пуговицу с продетой проволокой. Остальные раздай сам...

Бачана со шкатулкой в руках обошел ребят, и каждый, не заглядывая в нее, достал оттуда по одной вещичке.

- Устала я... А он все тычет и колет вертелами... - Простонала Марго и в изнеможении откинула голову назад.

- Потерпи немного, Марго, вот-вот подойдет врач! Не бойся! - попросил Коплик, рукой унимая дрожь

подбородка.

- А кто тебе сказал, что я боюсь? Я давно уже жду не дождусь этого дня, как восхода солнца... Иди же, иди ко мне, смерть, не томи меня!.. Марго закрыла глаза. По ее щекам стекали слезы.

- Пришел! - крикнул кто-то.

В комнату вошли профессор и Цицка. Поздоровавшись со всеми кивком головы, профессор направился прямо к постели Марго. Он уселся на поданный стул, пощупал пульс больной, потом положил руку на ее пылающий лоб.

Марго открыла глаза.

- Здравствуйте, дорогая! - улыбнулся профессор.

Марго рукой вытерла глаза и уставилась на пришедшего.

- Дай бог вам здоровья, уважаемый Игнатий! - ответила она также с улыбкой.

- Вы знаете мое имя?

- Кто же его не знает? Половина Грузии благодаря вам вернулась с того света!

- Чуть меньше! - пошутил профессор. - А теперь скажите, дорогая, что вас беспокоит?

- Беспокоит то, что эти разбойники осмелились в полночь нарушить ваш покой!

- Об этом не волнуйтесь, - успокоил профессор Марго, - это моя специальность, я отсыпаюсь днем... Расскажите, где и что у вас болит.

- Горю я, доктор, горю, словно в огне...

- И когда это началось?

- С утра... Нет, вчера, позавчера... Раньше от водки боль утихала... Сегодня я свалилась...

- Ну-ка откиньте одеяло! - попросил профессор.

Марго взглянула на ребят, потом на профессора.

- Я хоть и сумасшедшая, доктор, но все же стыдно мне.

- Все мы в какой-то степени сумасшедшие, и ничего мы не стыдимся, пробормотал профессор и тут же сам откинул одеяло. Ребята отвернулись. Профессор стал осторожно, четырьмя пальцами прощупывать живот больной, спрашивал: - Здесь болит?.. А здесь?.. Здесь?..

Марго, кусая губы, молчала. И лишь-после того как профессор окончил осмотр, простонала:

- Везде болит, доктор, так болит, что лучше умереть...

Профессор отбросил одеяло, согнул в колене правую ногу Марго и медленно потянул ее вверх, к животу. Марго вскрикнула.

Профессор быстро встал.

- Есть здесь телефон?

Цицка вопросительно взглянул на Марго.

- У Дугладзе, - простонала она.

- Сейчас же сообщите в "Скорую", скажите, что звоните по поручению Игнатия Джикия, пусть немедленно едут сюда!

Цицка убежал.

- Плохи мои дела, доктор? - присела в кровати Марго.

- Не двигайтесь, милая. Вам нельзя шевелиться! - Профессор уложил Марго, легонько потрепал ее по щеке. - Где же вы были до сих пор?

- Ничего, доктор, смерть для меня - праздник. Не утруждайте себя...

Профессор подсел к столу, оперся головой на руки и умолк.

Кока незаметно положил деньги в наружный карман пиджака профессора. Не глядя на Коку, профессор достал деньги и положил на стол. Потом вынул из внутреннего кармана кипу червонцев и положил рядом с теми деньгами. Потом он встал и вышел из комнаты. Ребята пошли за ним.

- Есть надежда, профессор? - спросил Бердзена.

Профессор покачал головой.

- Никакой? - переспросил Тенгиз.

- Один процент...

- Что с ней, профессор?

- Перитонит... Прободение аппендикса... И так она ходит третий день... Подумать только!..

Спустя пятнадцать минут пришла машина "Скорой помощи". Марго уложили на носилки и понесли к машине. Покидая свою каморку, она обернулась к ребятам:

- Прощайте, верийские парни! Прощайте, мои дорогие мальчики! - Она вдруг приподнялась на носилках и произнесла с мольбой: - Не ходите в серные бани!.. Прошу вас, не ходите туда никогда! Это мое вам завещание!..

Вынос тела состоялся во вторник, из прозектуры той же больницы, куда Марго была доставлена в день наводнения в 1936 году.

Вся Верэ, улицы Петриашвили и Меликишвили были забиты народом, причем любопытных было больше, чем знакомых.

Утопающий в цветах гроб на деревянных носилках По Верийскому подъему несли восемь парней, рядом шли восемь сменщиков. Перед гробом ехала убранная цветами автомашина. Цветов было так много, что казалось огромный живой букет сам шагает к кладбищу.

На улице Меликишвили приостановилось движение. Замерли автобусы, автомашины, трамваи. На углу улицы Петриашвили ребята на пять минут прервали шествие. Раздался сигнал одной, затем другой, третьей машины, и вдруг весь квартал заполнился непрерывным гулом клаксонов.

- Что за второе пришествие! - недовольно крикнул водитель случайно оказавшейся в процессии

автомашины, высунув голову из кабины. - Не собираются пропускать нас, что ли?!

- Дай сигнал! - сказал ему какой-то парень из жителей квартала.

- Почему? - удивился водитель.

- Так надо!

- Как это - надо?! - заупрямился водитель.

- А вот так! - И парень нажал на сигнал.

- Убери руку! Аккумулятор сядет!

- Ничего, мы подтолкнем! - ответил парень, не снимая руки с сигнала.

- Да какого же шишку хоронят, чтобы мне сигналить?! - Рассерженный водитель вновь высунулся из кабины.

- Верийскую Марго хороним.

- Кого?!

- Слушай, делай, что говорят, пока рука у тебя целая! - Парень втолкнул в кабину голову водителя. - Понятно?

Водитель понял, что парень не шутит, изо всех сил нажал на сигнал. Парень подошел к другой машине. Спустя минуту раздался сигнал и этой машины. Дождавшись ухода парня, водитель громко фыркнул:

- Жанну д'Арк, что ли, хоронят?!

- Нет, хоронят сумасшедшую Марго! - ответил проходивший мимо участник процессии.

- Сумасшедшую?! Вот так хоронят сумасшедшую?!

- Вот так и хороним! - ответил водителю стоявший рядом его верийский коллега.

- Браво, ребята! В таком квартале не жалко и умереть! - воскликнул восторженный водитель.

Вечером духан Танц-Геурка заполнили верийские парни. Столы были накрыты скромно - хлеб, сыр, вино, редиска. Тамаду не избирали. Когда все уселись и в подвале наступила мертвая тишина, встал Цицка,

наполнил стакан вином, пролил несколько капель на кусок хлеба и произнес:

- За горе нашего квартала, за слезы и радость нашего квартала, за потерянную красоту нашего квартала!

Все встали и молча осушили стаканы.

В тот день в подвале Танц-Геурка больше не было сказано ни одного слова, не было выпито ни одного стакана вина.

- Слабо, слабо, Рамишвили... - Профессор нехотя перелистал матрикул Бачаны. - В чем дело?

Бачана молчал.

- Что с тобой, Рамишвили? - спросил профессор, не дождавшись ответа.

- Болел я, уважаемый профессор, не успел подготовиться...

- Не болел, а возился с этой сумасшедшей!.. Думаешь, я не видел, как ты вчера шел, словно кровный родственник, за ее гробом?

- Она не была сумасшедшей, уважаемый профессор, - возразил Бачана.

- А кто же она? Царь Ираклий?! Подумать только, весь квартал словно обезумел! Два часа движения не было!

- Она была больная, уважаемый профессор, душевнобольная! Почувствовав соленый привкус во рту, Бачана встал.

- Ты куда? - удивился профессор.

- Приду в другой раз, - тихо ответил Бачана.

- Доводилась она тебе кем-нибудь, что ли?

Бачана долго молчал, потом взглянул на профессора и сказал:

- Она была моей сестрой...

Профессор пристально посмотрел Бачане в глаза. Тот не выдержал взгляда, опустил голову. Наступило

молчание. Потом профессор закрыл матрикул, протянул его Бачане и сказал:

- Иди, Рамишвили! - а сам встал и подошел к окну.

Бачана положил матрикул в карман и вышел.

- Ну как? Что получил? - окружили его студенты.

Бачана не отвечал. Он миновал коридор, спустился по лестнице, вышел в университетский сад и уселся на пустовавшую скамейку. Долго сидел Бачана один, не замечая никого и ничего. Потом достал из кармана свой матрикул и так, от нечего делать, раскрыл его.

...Это была первая пятерка, полученная Бачаной за всю его жизнь.

Он захлопнул матрикул, а когда снова раскрыл его, то ничего не увидел.

Глаза Бачаны были полны слез.

Бачана плакал.

12

После смерти Булики профессор распорядился в палату к Бачане и священнику никого не помещать, а пустовавшую койку убрать, дабы она не наводила больных на неприятные размышления. Однако пустое место оказалось куда более удручающим, чем пустая койка.

Каждое утро, проснувшись, Бачана и отец Иорам невольно обращали взор к месту, где недавно стояла кровать Булики, и сердца их сжимались от воспоминания о пережитом. И потом, в течение дня, во время беседы они чуть ли не каждую минуту обрывали фразы, ожидая балагурства и шутливых реплик Булики.

Так продолжалось около двух недель. Потом время взяло свое, Бачана и отец Иорам постепенно привыкли к отсутствию Булики...

...Однажды отец Иорам задал Бачане неожиданный вопрос:

- Уважаемый Бачана, вас, наверно, похоронят в Дидубийском пантеоне, не так ли?

Бачана сперва засмеялся, потом забеспокоился:

- А что, вы видели плохой сон?

- Видел, но сон касается не вас, а меня, - ответил грустно отец Иорам.

- В таком случае вам следовало спросить - где похоронят вас, а не меня... Вы что-то хитрите, батюшка! - усомнился Бачана.

- То-то и оно... Если вы будете похоронены в пантеоне, быть может, и для меня найдется место там же, во дворе церкви...

- Ну, по такому принципу я должен быть похоронен во дворе Союза писателей... Но если вы устроитесь настоятелем Дидубийской церкви, то вполне возможно, что мы окажемся в могилах бок о бок!

- Значит, место в пантеоне вам обеспечено, иначе не стали бы так шутить! - заключил отец Иорам.

- Ошибаетесь, батюшка!

- Почему?

- Да потому, что Дидубийский пантеон давно уже переполнен. И впихнуть меня туда не удастся... Разве только вертикально... В одном, по крайней мере, я уверен: ни вас, ни меня не оставят незахороненными.

Отец Иорам глубоко вздохнул.

- А какой все же сон вам приснился, батюшка? - поинтересовался Бачана.

- Не говорите!.. Все покойники, кого я когда-либо отпевал и напутствовал на тот свет, собрались во дворе Ортачальской церкви и ждали моего выхода!

- И что же? Вышли?

- Аки последний нищий, трус и заячья душа, я скрылся за алтарем... Как вспомню, хочется выть от стыда или покончить с собой!..

- Самоубийство, батюшка, есть высшая форма демонстрации автономии личности. Но, к сожалению, вашей религией оно запрещено, ибо признано

величайшим грехом и погибелью души! - произнес Бачана патетически.

- Насколько мне известно, вы также не аплодируете самоубийцам, ответил отец Иорам.

- Что ж, кое в чем наши соображения совпадают. И потому я говорил вам, что из вас вышел бы хороший коммунист, - напомнил Бачана.

- А я, помнится, ответил вам тогда, что могло случиться и наоборот! отпарировал отец Иорам.

- Не стремитесь к этому, батюшка, иначе я весь ваш приход обращаю в коммунистов!

- Еще бы! Коммунист, к тому же писатель, это похуже ста священников! Одна у меня надежда - на перевоплощение душ. Когда вы вторично явитесь в этот мир, быть может, тогда уверуете в истинного бога! - Отец Иорам перекрестился.

- Писатель, батюшка, преданный пес народа... Я не верю в перевоплощение душ, но если такое существует, то моя душа, несомненно, возродится в облике собаки. Так что после моей смерти любите и жалуйте бездомных собак, не бейте их камнями, - быть может, одной из них буду я?!

- Любо слушать вас, уважаемый Бачана! Но если душа каждого усопшего писателя поселится в теле уличного барбоса, жизнь на свете станет незавидной! - иронически улыбнулся отец Иорам.

- Не особенно, тем более если ваши души явятся в волчьем обличье.

- Почему в волчьем?!

- Вряд ли пастырь, скрывающийся от своей паствы, может претендовать на льва! - произнес, пряча улыбку, Бачана.

Отец Иорам заерзал в постели и, не найдя ответа, обиженно отвернулся.

- Но вы не волнуйтесь, - продолжал Бачана, - ваш сон к добру. Вы будете жить сто лет.

Отец Иорам смягчился.

- Скажите, пожалуйста, - заговорил он, - если судить по вашей административной иерархии, какой, скажем, должности соответствует мой сан?

- А сколько у вас душ в приходе?

- Мы не ведем учет верующих.

- Хорошо. А каков доход церкви от пожертвований?

- Да как сказать... Во всяком случае, на ремонт храма не хватает...

- На какие же деньги вы существуете?

- Нас финансирует государство.

- Как?! Коммунисты финансируют церковь?! - воскликнул Бачана.

- Ну и что же! Лишили же они церковь прихода, пусть теперь слегка раскошелятся...

- Да-а-а... В таком случае ваш сан, батюшка, по нашей административной иерархии будет соответствовать должности заведующего сельским клубом, - уточнил Бачана общественное положение отца Иорама.

- Смеемся?!

- Почему же?

- Ведь я окончил духовную семинарию?!

- Большинство наших заведующих клубами имеет высшее образование, по крайней мере среднее специальное, как минимум! А какие у них звания! Заслуженный деятель искусств, заслуженный работник культуры!.. Есть ли среди вас хоть один заслуженный священник республики? Я о таком не слышал! - Бачана явно злорадствовал.

Отец Иорам взгрустнул.

- Да вы не печальтесь! Переходите на нашу сторону, и я вам даю слово: назначим вас инструктором райкома!

- Уважаемый Бачана! - не на шутку обиделся священник. - Вы зачем сюда пожаловали? Разлагать

православное духовенство или лечить свой инфаркт? Идите к нам, и я назначу вас дьяконом, если пожелаете!

- Зачем вы сердитесь, батюшка? Если ваше учение верно, то я после смерти буду весь в вашем распоряжении. Делайте тогда со мной все, что вам заблагорассудится! - сказал со смехом Бачана.

- Нет уж, батенька! На том свете нашей встрече не бывать! - отрезал отец Иорам.

- Это почему же? - опечалился Бачана.

- Потому! Выражаясь коммунистическим языком, ваши анкетные данные не дают основания рекомендовать вас в рай! Прямая вам дорога - в ад! Понятно?

- А наша дружба? Неужели вы не составите мне протекцию? - Бачана решил разжалобить священника.

- Вы слишком лакомый кусок для сатаны! Вряд ли поможет вам моя протекция...

- Даже если я причащусь?

- Признаетесь в грехах?

- А если их нет?

- Конечно, откуда же им быть! Мир ваш, и все, что вы творите, вам кажется истинным!.. - махнул рукой отец Иорам.

- Блаженны верующие, отец Иорам... Мы верим в наши дела... - ответил Бачана серьезно.

В палату вошла фельдшерица Женя. Бачана и отец Иорам тотчас же откинули одеяла, перевернулись на животы и оголили предназначенные для уколов места. Женя громко расхохоталась:

- Укройтесь, укройтесь, товарищи! На этот раз я пришла с пустыми руками... К вам гость, уважаемый Бачана, не примете же вы его в таком виде!

- Гость? Что ему нужно? - насторожился Бачана.

- Интересуется вашим здоровьем... Судно оставить или убрать? продолжала смеяться Женя.

- Мужчина или женщина?

- Женщина. Говорит, близкая вам...

- Тогда оставьте! - сказал Бачана, готовясь к встрече очередной визитерши.

- Понятно!

Женя вышла. И тут же в палате появилась энергичная седая дама средних лет с объемистой папкой в руке. Она остановилась посередине комнаты, огляделась, чуть поколебалась, затем направилась к койке отца Иорама.

- Здравствуйте! Я друг вашей семьи Нина Санеблидзе! - заявила она и без приглашения уселась перед священником.

- Друг семьи? - переспросил тот.

- Да. Ваш отец Акакий и мой отец Лазарь с 1915-го по 1916 год вместе учились в Бакинском индустриальном техникуме.

- Вы, собственно, к кому? - спросил изумленный священник, бросив взгляд на Бачану. Тот жалобной гримасой попросил Иорама продолжать беседу.

- Как это к кому? - ответила не менее удивленная дама. - К вам, конечно!

- Вы знакомы со мной? Мы встречались? - Иорам начал входить в роль.

- Господи, да разве это так трудно? Вокруг - по радио, по телевизору - только и слышно, только и видно: Бачана Рамишвили, Бачана Рамишвили!.. Хотя, признаться, вы изменились... Бороду отрастили...

- Да, в палате холодновато... - Отец Иорам провел рукой по бороде и плотнее укрылся одеялом.

- Конечно! С болезнью не шутят! - согласилась дама.

- Мм... м... Вы ко мне по делу, уважаемая? - У Иорама иссякло терпение.

- Да. Как вы себя чувствуете?

- Благодарю вас. Сейчас лучше... А вы, позвольте спросить?..

- Я?! Я гибну, пропадаю, тону, горю и умираю! - выпалила дама.

- И чем я могу вам помочь? - предложил отец Иорам свои услуги.

- Помочь? Не помочь, а спасти! - потребовала дама.

- Сумею ли? - усомнился отец Иорам.

- Как?! Вы?! Бачана Рамишвили?! Ха-ха-ха! - притворно рассмеялась дама. - Одно ваше слово, одно ваше письмо, один звонок...

- В чем же заключается ваша просьба? Объясните, пожалуйста! - Отец Иорам подумал, что его разговор с этой бойкой женщиной начинает походить на недавний диалог Бачаны с тем прохвостом - заготовителем табака.

- Второго августа средь бела дня публично зарезали моего сына!

Отец Иорам остолбенел.

- Кто? Где? - с трудом выговорил он.

- Бессовестный взяточник, кретин... В сто седьмой аудитории университета... - произнесла дама трагическим голосом и вдруг добавила скороговоркой: - Вы думаете, после него что-нибудь изменилось?

- После кого? - не понял отец Иорам.

- Того! - Дама закатила глаза к потолку. - Зарезал, подлец, и меня, и моего сына!.. Ребенка на руках вынесли из аудитории... Три года! Три года готовила мальчика по трем предметам - грузинскому, английскому, истории! Семьсот рублей по каждому предмету! И нате вам!..

Поняв, что Санеблидзе-младший жив и здоров, отец Иорам вздохнул с облегчением.

- А в школе? В школе он не учился, что ли?

- Вы-то учились в школе? И чему вас там научили?

Отец Иорам не нашелся что ответить и молча опустил голову.

- Потребовал от ребенка прочесть наизусть завещание Автандила!* Мерзавец! Спросил бы у своих учеников, у тех, с которых он сдирал по семьсот рублей за подготовку! Завещание Автандила! Да его и сам Руставели не знал наизусть, иначе зачем бы он стал писать?!

* "З а в е щ а н и е А в т а н д и л а" - глава из "Витязя в

тигровой шкуре" Шота Руставели.

- Ну, не скажите! - запротестовал отец Иорам.

- А что? Думаете, он сам-то читал это проклятое завещание? Взяточник несчастный!..

- Почему вы так думаете?

- И думать-то нечего! Взгляните на морду этого подлеца, сами убедитесь!

- Не могу поверить! - не сдавался отец Иорам.

- Поспорим! - предложила дама, протягивая руку.

- На что? - согласился вошедший в азарт священник.

- На что пожелаете! И вообще детям, знающим наизусть Руставели, всемирную историю и английский язык, в университете делать нечего! В образовании нуждаются необразованные! Да!

- Хорошо. Что же нам теперь делать? - прервал отец Иорам пропаганду новых положений о всеобщем и высшем образовании.

- Вы должны помочь мне! - заявила дама.

Отец Иорам посмотрел на Бачану, ища у него поддержки. Но тот, прикрыв рот полотенцем, лишь покачал головой.

- Каким образом? - спросил в отчаянии священник.

- Сходите к министру высшего образования.

- Но ведь я в больнице?..

- Позвоните ему или напишите...

- Что написать?

- Напишите, что мальчик - ваш родственник, отличник, хорошо подготовлен, спортсмен... Что еще?

- Я не знаю, - простонал отец Иорам.

- Вот справка из школы. На спартакиаде учащихся он занял третье место. Прыжок в длину - три метра, в высоту - метр семнадцать...

- В таком случае лучше определить его в институт физкультуры! Вот товарищ мой спортсмен, он поможет!

- Отец Иорам показал на Бачану. Тот, убрав с лица полотенце, утвердительно кивнул.

- Что вы такое говорите?! Какой институт физкультуры?! - Дама с презрением взглянула на Бачану. - Я воспитываю сына, а не козла!

- Почему же так, уважаемая? - обиделся Бачана. - Институт физкультуры окончили Думбадзе, Гокиели, Хныкина, Джугели...*

* Н и н а Д у м б а д з е, Е л е н а Г о к и е л и,
Н а д е ж д а Х н ы к и н а, М з и я Д ж у г е л и -
известные в

прошлом спортсменки.

- Вы спортсмен? - прервала его дама.

- Да.

- У вас тоже инфаркт?

- Да.

- Так вам и надо!

Бачана усмехнулся:

- Спасибо!

Дама постаралась исправить свою бестактность:

- Дай бог вам здоровья!

- Вы верите в бога? - обрадовался отец Иорам.

- А много он помог тем, кто верит? Вот помогите мне, и вы будете моим богом и спасителем!

- Не смогу, хоть убейте, - вздохнул отец Иорам.

- Вы, депутат, член ЦК, редактор, не можете? Кто же тогда может? искренне удивилась дама.

- Слушайте, уважаемая, вы не читали постановления ЦК о протекционизме? - спросил вышедший из себя священник.

- При чем тут протекционизм?! Я же прошу о собственном сыне, а не о чужом! - предприняла дама последнюю попытку.

- Нет! Тем более что двойка уже выставлена! И давайте не будем больше об этом!.. - заявил твердо отец Иорам.

- Хорошо... - сдалась женщина. - Тогда помогите мне в другом...

- Что еще? - встрепнулся отец Иорам.

- Вы, оказывается, приходите кумом председателю Первомайского райисполкома... Так вот, у нас небольшой квартирный вопрос. Наш сосед получил в Сололаки четырехкомнатную квартиру. За что, за какие заслуги, неизвестно... Мы хотим присоединить его комнату. Сын пишет из колонии, что решил жениться. Срок у него скоро кончается. Надо позаботиться об этом? Надо!.. Правда, на эту комнату есть другой претендент, но по справедливости она полагается нам. Если пробить дверь и пристроить боковую лестницу, то нашу кухню и лоджию той комнаты можно объединить с двухкомнатной квартирой соседа. Тому мы уже подыскали квартиру на проспекте Церетели. Далековато, правда, и площадь меньше на четыре метра и четырнадцать сантиметров, но ремонт делаем мы, и муж бесплатно поставит им телефон. А рядом с этой квартирой в одной комнате живет одинокая больная женщина. Дай бог ей здоровья, она скоро умрет. В прошлом году она усыновила моего мужа, мы и кормим бедную, и ухаживаем за ней. Если сейчас не прописать у нее нашего младшего сына, комната пропадет, понимаете? Пропадут все наши труды!.. Один ваш звонок, уважаемый Бачана! День и ночь мы будем молиться о вашем благополучии!..

- Право, мне очень неудобно отказывать вам, но... Я не знаю этого председателя... - Отец Иорам вытер пот со лба.

- Зато он вас знает! - воскликнула дама.

- Сомневаюсь... - проговорил отец Иорам и красноречивым взглядом попросил помощи у Бачаны. Сжалившись над бедным священником, Бачана активно вмешался в затянувшуюся беседу:

- Я знаю совершенно точно, что они не знакомы!

- Не могу поверить!

- Клянусь матерью! - Бачана приложил руку к сердцу.

- Может, вы мне поможете? - Дама отвернулась от отца Иорама и с надеждой взглянула на Бачану.

- У меня знакомства только в институте физкультуры...

- Что ж, в будущем году кончает школу мой младший сын. Он прекрасно плавает, в Кобулету в ста метрах от берега камни со дна достает! Скажите, пожалуйста, вашу фамилию, в будущем году я побеспокою вас. - Дама достала из сумки блокнот и карандаш.

- Если к тому времени я еще буду жив...

- И то правда... У меня такое проклятое счастье... Все же скажите фамилию на всякий случай...

И тут Бачана провалил всю инсценировку. Забыв о розыгрыше, он с нескрываемой гордостью ответил:

- Я Бачана Рамишвили!

У дамы от изумления отвалилась челюсть и карандаш застыл в руке.

Бачана покрылся холодной испариной.

- Что вы сказали?!

- Да, я Рамишвили! - повторил Бачана.

- А кто же он? - показала дама на отца Иорама.

- Настоятель Ортачальской церкви святой троицы Иорам Канделаки.

У дамы опустились руки и посерело лицо.

- И этот человек спрашивал меня, верю ли я в бога?!

- Видите ли, я, конечно, виновен отчасти, но... - стал оправдываться отец Иорам.

Женщина встала. В палате наступило неловкое молчание.

- В этом заключается ваш гуманизм? - бросила она на Бачану уничтожающий взгляд.

Бачана молча пожал плечами и подложил под язык валидол.

- Комедианты! - выпалила дама и покинула палату.

- Да-а... получилось нехорошо, - сказал отец Иорам.

- Даже очень... И виноват во всем только я. Вы уж простите меня великодушно...

- Прощаю, ибо я сам виновен не меньше, но, главное, мне жаль вас! Неужто нет на свете человека, кого бы интересовало ваше здоровье, и только? - В голосе Иорама было столько неподдельного сочувствия, что Бачане самому стало жалко себя. - Видно, многие вас беспокоят, многим вам приходится помогать?

- Вам-то легко, к вам люди идут на коленях и просят лишь одного спасения души... - Бачана махнул рукой.

- И давно вы в таком положении?

- С тех пор как стал редактором газеты... Если суждено мне выйти отсюда живым, плюну на все!.. Я потерял человеческий облик, батюшка, превратился в председателя такого благотворительного комитета... Надоел всем своими бесконечными просьбами...

- Благотворительность - дело богоугодное, - сказал священник.

- Согласен, и всю свою жизнь стараюсь делать людям добро, но... Как вы думаете, вот эта дама... Достойна ли она сострадания?

- Лицемерная притворщица! - ответил отец Иорам убежденно.

- И как вы смотрите на подобных пройдох, со свечами, на коленях выпрашивающих милость у бога?

- У нас, уважаемый Бачана, одно преимущество перед вами: наш проситель обращается за помощью непосредственно к всевышнему.

- Знаю, знаю, батюшка! Вы оперируете универсальной, всеобъемлющей, не обязывающей ни к какой ответственности формулой: "На то была божья воля!" или "Не было божьей воли!..". Удобная формула, ничего не скажешь!.. А мы обязаны руководствоваться сложными и совершенно конкретными формулами: "Это незаконно!" и "Это законно!". И должны бороться, понимаете? Бороться, а не молиться! - за искоренение беззакония и утверждение законности. Виновного вы передаете суду божьему, а мы - правосудию!.. Легкая у вас жизнь, отец Иорам!..

Священник не ответил, укрылся с головой одеялом и умолк.

- И все же человек должен сеять добро, - сказал он после долгого молчания.

- Но в жизни бывает не так-то легко предугадать, какой плод произрастет из этого семени... Если интересуетесь, расскажу вам одну историю из своей жизни, хотя напоминает она скорее сказку...

- Извольте! С превеликим удовольствием! - Отец Иорам выпростал голову из-под одеяла и приготовился слушать.

- Как-то приоткрыла секретарша дверь моего кабинета и сказала:

"Бачана Акакиевич, к вам на прием какая-то обезьяна!" - "Пригласите".

Вошла маленькая обезьяна, протянула влажную, холодную руку (характерная особенность всех льстецов и мошенников!), положила на стол несколько исписанных листов бумаги, отошла в угол и уставилась на меня полными ожидания глазами.

Я просмотрел бумаги. Оказалось - смесь острот, афоризмов, иносказаний, шуток и тому подобное - в общем, то, что принято публиковать на последних полосах воскресных номеров газет под общим заголовком "Фразы...". Выглядела смесь так себе, подходяще для обезьяны.

"Быть может, в соответствии с учением Дарвина, из этой обезьяны когда-нибудь и получится человек", - подумал я и опубликовал несколько ее острот. Одна из них, помнится, была такова: "У человека должна быть действительно высокая температура, чтобы искать в наших аптеках термометр".

- Недурно! - рассмеялся отец Иорам.

- Тогда и я подумал так... Потом обезьяна явилась снова. И никто ее не узнал - она была одета, как человек, и даже лучше. Принесла она разные шутки и афоризмы. Стал я читать их и сразу же по стилю определил, что автор их - обезьяна.

"Слушай, говорю, ты ведь та обезьяна, которая была здесь недавно?"

"Да, говорит, я и есть та обезьяна. Мне очень хочется стать человеком, и прошу вас помочь мне в этом".

"Но, говорю, ты должна знать, что человека создает труд. Пойди потрудись, потерпи немного!"

"Знаю, говорит, обо всем этом я читала. Но я из той породы обезьян, которым не хватает терпения. К тому же большинство людей меня уже теперь принимает за человека".

"Ладно, будь по-твоему, - согласился я, - напечатаю еще пару твоих шуток и афоризмов, но какая тебе от этого польза? Ведь ты по-прежнему останешься обезьяной?"

"А вы не выдавайте меня!" - попросила обезьяна и, поблагодарив, ушла.

По натуре я человек добрый. Пожалел обезьяну, тем более что она прекрасно подражала речи и поступкам людей, и напечатал кое-что из ее "произведений". Пусть, думаю, тешится себе, что дурного она может натворить? И вот вышла наша обезьяна в люди...

- Но неужели никто не заметил, что это была все же обезьяна, а не человек? - прервал Бачану отец Иорам.

- Представьте себе, батюшка, не заметили! Легче узнать человека, превратившегося в обезьяну, чем обезьяну, ставшую человеком... Вот недавно из нашего зоопарка сбежали три обезьяны. В милиции срочно созвали оперативное совещание, стали думать, как быстрее изловить сбежавших мартышек. Совещание несколько затянулось. Тогда встает один милиционер и говорит:

"Товарищ подполковник, давайте закругляться, иначе обезьяны смешаются с людьми, и потом черта с два мы их обнаружим!"

- И что дальше? - спросил с нетерпением отец Иорам.

- Двух беглянок удалось поймать, а третью обезьяну ищут до сих пор... Да, я продолжу свой рассказ... Вышла наша обезьяна в люди... Спустя несколько лет она вновь появилась в редакции. И на сей раз принесла... рассказы. Прочитал я их и ужаснулся.

"Что же это ты, говорю, несчастная обезьяна, насочиняла? Что за муру ты мне принесла?!"

"Почему, - обиделась она, - мне как критику мои рассказы очень даже нравятся!"

"Как, - удивился я, - ты уже стала критиком?"

"Да, - отвечает она с достоинством, - я критик, имею ученую степень, читаю лекции по радио, телевидению, по линии общества "Знание" и еще в одном высшем учебном заведении".

Пожалел я студентов, слушавших лекции обезьяны, да что я мог поделать? Ведь я не был ни заведующим

кафедрой, ни ректором, чтобы выгнать ее взащей. Да у меня не было и морального права на то - ведь я сам вывел обезьяну в люди!..

- Но вы могли хоть сказать людям, что он... что она... в общем, что этот лектор - обезьяна! - упрекнул Бачану отец Иорам.

- Сказал, батюшка, сказал, да было уже поздно... "Сам ты обезьяна!" вот что мне ответили люди.

- Поделом вам! - вырвалось у священника.

- Правильно! - согласился Бачана.

- Что же вы сделали? - Отец Иорам был взволнован не на шутку.

- То, что мог сделать, - вернул ей рассказы...

- А она что?

- Закатила скандал! "Это, говорит, потому, что я не член Союза писателей! Но я, говорит, скоро стану членом Союза, и тогда мы еще посмотрим!" Меня так и подмывало сказать ей, что обезьяне не место в Союзе писателей, но я смолчал...

- Почему вы смолчали, уважаемый Бачана! - повысил голос отец Иорам.

- Потому, уважаемый Иорам, что до этого я не раз и не два давал рекомендации и свой голос обезьянам почище той... - Бачана умолк.

- И больше вы не встречались? - спросил, успокоившись, отец Иорам.

- Как же! Она стала членом Союза писателей, даже подружилась со мной. Выпивая за мое здоровье, иначе, как своим отцом, меня не называла... А потом, когда мою кандидатуру выставили для избрания в депутаты, специально пошла, оказывается, к секретарю райкома и благодарила его.

- Не сводите меня с ума!

- Точно. Прошла, оказывается, к секретарю и говорит: "От имени грузинских писателей, читательской общественности, сотрудников редакции газеты нашего

дорогого Бачаны Рамишвили и его многочисленных друзей я хочу выразить вам, уважаемый Николай Петрович, сердечную благодарность за оказанное ему столь высокое доверие. Только такой принципиальный, смелый и благородный коммунист, каким являетесь вы, может судить о Бачане Рамишвили исключительно по его личным человеческим качествам, не обращая внимания на его прошлое..."

"Какое прошлое?" - спросил, оказывается, удивленный секретарь райкома.

"Да ничего особенного! Просто приятно видеть, что вы не обращаете внимания на незначительные факты, например, на то, что родители Рамишвили в свое время были репрессированы, что сам он в молодости тоже сидел некоторое время... по недоразумению, конечно... Но, сами понимаете, анкета есть анкета... Или, скажем, на то, что недавно в редактируемой Рамишвили газете вместо слова "большевики" было написано "меньшевики"... Да, в этом-то и заключается ваша человечность, ваша принципиальность!.. Закрывать глаза на подобные факты, оказать столь высокое доверие пока еще совершенно молодому и, в общем-то, недостаточно заслуженному человеку, пойти, так сказать, на риск - на это способен только такой многоопытный и принципиальный руководитель, каким мы знаем вас, уважаемый Николай Петрович, и у меня не хватает слов, чтобы по достоинству поблагодарить вас. Спасибо и еще раз спасибо вам!" - вот что сказала обезьяна секретарю райкома... - закончил Бачана свой рассказ.

- Где же теперь она? - спросил отец Иорам, с трудом ворочая пересохшим языком.

- Не знаю... Не исключено, что завтра придет навестить меня...

До того, как вынести на бюро райкома вопрос о приеме Бачаны кандидатом в члены партии, его пригласили в райком на собеседование.

Бачана вошел в парткабинет, поклонился сидевшим за длинным столом трем мужчинам и сел в конце стола.

- Товарищ Рамишвили, наша сегодняшняя беседа носит формальный характер. Цель ее одна: партия должна хорошо знать, кого она принимает в свои ряды. Поэтому, если вы не возражаете, мы зададим вам несколько вопросов. Может, и у вас будут вопросы к нам, - сказал один из мужчин, сидевший за столом справа, перед которым лежало личное дело Бачаны.

- Пожалуйста, пожалуйста, как полагается, - ответил Бачана и почувствовал, как у него учащенно забилося сердце. Эта беседа походила на экзамен, с той, однако, разницей, что экзаменаторы могли задать вопрос по любому предмету.

- Прежде всего познакомимся. Мы - старые большевики. Меня зовут Александр, фамилия моя Иорданишвили, - представился мужчина, начавший беседу. - А это мои друзья: Вано Бандзеладзе и Давид Манагадзе.

- Очень приятно, здравствуйте! - Бачана привстал.

- Садитесь, пожалуйста! - Голос у Иорданишвили был низкий, густой, лицо в оспинках, нос горбатый, глаза карие. - Меня вот что интересует: почему вы до сих пор не вступали в партию?

Бачана ждал этого вопроса, и у него был готов шаблонный ответ: мол, не считал себя достаточно подготовленным для столь высокой миссии, а теперь, когда основательно овладел... и так далее... Но ответил он иначе:

- До сих пор меня не принимали!

- Почему? - спросил Бандзеладзе, мужчина с красноватым лицом, плоским носом и небольшими

подвижными глазами. Бачана никак не смог определить их цвет.

- У меня все сказано в заявлении...

Иорданишвили раскрыл личное дело, пробежал глазами заявление Бачаны, но ничего не сказал.

- Родители у меня были репрессированы... - добавил Бачана.

- Сейчас они реабилитированы, - сказал Иорданишвили, взглянув на своих друзей.

- Как же вас приняли в комсомол? - поинтересовался Манагадзе, повернув к Бачане огромную волосатую, словно у кавказской овчарки, голову и взглянув на него очень добрыми, внимательными глазами.

- Я скрыл, что родители мои арестованы...

Его собеседники удивленно переглянулись.

- Да, но... Разве об этом в школе не знали? - спросил Манагадзе.

- Знали. И секретарь комитета комсомола знал.

- И он смолчал?

- Да.

- Почему?

- Он был моим хорошим другом... Это были тяжелые годы войны... Тогда так просто, для показа, в комсомол не вступали... Об этом знал мой друг...

- А кто еще?

- Знали все... Кроме райкома.

- И никто не проговорился?

- Да, никто не проговорился! - ответил за Бачану Иорданишвили и отложил в сторону его личное дело.

- А как вы думаете, приняли бы вас в комсомол, зная, что вы сын репрессированных родителей?

- Нет, не приняли бы!

Наступило молчание.

- Скажите, - начал Бандзеладзе, - было ли и осталось ли у вас чувство обиды за родителей?

Бачана знал, что он должен ответить отрицательно, - дескать, что вы, о какой обиде вы говорите! Но он предпочел сказать правду.

- Было! - И задрожавшей рукой достал из коробки папироску.

- Дайте, пожалуйста, и мне! - протянул руку не менее взволнованный Манагадзе. Бачана передал ему коробку с папиросами и спички.

- А потом как?.. Прошла эта обида или?.. - спросил Бандзеладзе, доставая папироску из коробки.

- Прошла... Но потом, спустя много лет, вновь появилась. - Бачана закурил.

- Когда же это?

- После реабилитации... После реабилитации родителей я вместо радости почувствовал горькую обиду... - Бачана загасил папироску и тут же закурил новую. - Потому что все эти годы мы незаслуженно терпели столько горя, унижения и лишений...

- Где теперь ваши родители? - спросил Иорданишвили.

- Их нет...

- И с каким чувством вы сейчас вступаете в партию? - спросил Бандзеладзе.

Бачана задумался. Бандзеладзе нервно жевал папироску. Молчание затянулось. Наконец Бачана заговорил:

- Я знаю, история полна парадоксов... Людям свойственно ошибаться вольно или невольно... Затем они исправляют свои ошибки - одни раньше, другие позже. Некоторые уходят из жизни, оставаясь искренне уверенными в правильности всего ими содеянного. Их ошибки придется исправлять будущим поколениям... Люди, причинившие мне боль, ответили сполна, их, собственно, уже и нет... Теперь к правлению приходит мое поколение, приходят мои ровесники. И я не имею права на мщение. Наоборот, я обязан стать рядом с

ними хотя бы для того, чтобы не допустить повторения подобных ошибок. Тем более что я верю в их дело, считаю его своим собственным делом... И еще одно главное: писатель не вправе быть субъективным! Если писатель потерял чувство объективности, грош цена всему его творчеству!

Бандзеладзе удовлетворенно кивнул головой, Иорданишвили задал новый вопрос:

- Известно ли вам письмо Владимира Ильича Ленина к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики?

Бачана долго думал, потом ответил:

- Уважаемый Александр, примут ли меня в партию, если окажется, что я не знаком с этим или другими письмами товарища Ленина?

Иорданишвили смешался и промолчал. Тогда Бачана продолжил:

- Вы меня спрашиваете только о том, что известно вам лично, или о том, что обязательно знать?

- О том, что желательно знать, товарищ Рамишвили... Это письмо было адресовано нам и нашим друзьям...

Бачана почувствовал себя очень неловко. Он встал и намеревался что-то сказать, но Иорданишвили опередил его:

- До свидания, товарищ Рамишвили! - и тоже встал.

Бачана вздрогнул. "Все кончено!" - мелькнула у него в груди страшная мысль, и он почувствовал резкую боль в груди. Он сел и схватился рукой за сердце.

- Что с вами? - встревожился Манагадзе.

Бачана, собравшись с силами, встал:

- Ничего, уважаемый Давид, пройдет... Прошло уже!
- улыбнулся Бачана.

- Завтра в час дня ваш вопрос будет обсуждаться на бюро. Я думаю, все будет хорошо... А то письмо вы все

же перечитайте, если найдете время... посоветовал Иорданишвили.

- Уважаемый Александр, письмо "Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики" Ленин написал 14 апреля 1921 года, а 8 мая того же года оно было опубликовано в пятьдесят пятом номере газеты "Правда Грузии"...

- Странный вы человек, Рамишвили! - усмехнулся Иорданишвили. - До свидания!

- До свидания, и большое вам спасибо! - Бачана за руку попрощался со всеми и вышел из парткабинета.

В час дня Бачану пригласили в кабинет первого секретаря райкома. Он вошел, отвесил общий поклон сидевшим за приставным столом членам бюро и посмотрел на длинный ряд стульев вдоль стены кабинета, не зная, на какой из них сесть и полагается ли вообще в таких случаях садиться.

- Присядьте, пожалуйста! - услышал он знакомый голос.

Бачана поднял голову и лишь сейчас увидел молодого секретаря райкома. Тот, прищурив правый глаз, с улыбкой глядел на Бачану, Бачана сел в середине ряда.

- Думаю, объяснения не нужны, - встал секретарь райкома, - Бачану Рамишвили мы все знаем. Сегодня он становится членом нашей большой семьи... Я ознакомлю вас с заявлением, анкетой и рекомендациями...

- Не нужно! - сказал кто-то.

Секретарь отложил личное дело Бачаны и обратился к присутствующим:

- Есть вопросы?

- У меня есть вопрос! - сказал один из членов бюро.

Бачана почувствовал неприятный холодок в груди.

Секретарь с чуть заметным удивлением взглянул на него.

- Пожалуйста!

Наступило недолгое молчание, показавшееся Бачане целым веком.

- Скажите, товарищ Рамишвили, почему вы вступаете в партию?

Все обернулись к Бачане. Он встал, вытер лицо платком и приготовился к ответу, но вдруг передумал. Что он должен сказать людям, решающим сейчас вопрос: быть Бачане Рамишвили членом партии коммунистов или нет? Бачана знал, какой в таких случаях бывает ответ, он полностью разделяет Программу и Устав партии, он готов пожертвовать собой ради дела партии, он хочет стать активным строителем коммунистического общества... Все эти положения он знал наизусть, но высказывать их сейчас показалось ему ненужным, смешным. Ибо для того чтобы сделать это, необязательно быть коммунистом. И кроме того, среди членов бюро он не видел никого, кто мог бы воспрепятствовать ему... И вдруг Бачана сказал:

- Хочу, чтобы в партии было как можно больше честных людей! - и сел.

В кабинете, словно дуновение ветерка, прошелся шепот удивления. Потом воцарилось молчание. Бачана не поднимал головы. Он услышал слова секретаря:

- Товарищи, я с детства знаю Бачану Рамишвили и могу сказать, что он коммунист до мозга костей. Коммунистом я и считаю его, поддерживаю его кандидатуру. Кто за то, чтобы Бачану Акакиевича Рамишвили принять в члены Коммунистической партии Советского Союза, прошу поднять руки.

...И тут случилось такое, чего, наверно, не бывало в истории ни одной партии: вместе с другими поднял руку сам Бачана Рамишвили.

14

В Тбилиси два дня не переставая валил сухой пушистый снег. Замерло движение транспорта. Улицы

наполнились веселым гомоном, смехом, испуганными возгласами поскользнувшихся, визгом попавших под снежную бомбардировку девчат, громким гоготом парней. Воздух очистился, стал удивительно легким и по-особенному вкусным. Казалось, белый Тбилиси, словно снежная королева, разгуливает по собственным улицам, красуясь перед жителями города преждевременной сединой.

Был десятый час вечера. Засунув руки в карманы, подняв воротник пальто, Бачана не спеша шагал по парку Ваке. Он шел, ни о чем не думая, сквозь волшебный снежный занавес, приятно покалывающий лицо. На углу улицы Мосашвили Бачана вплотную столкнулся с вынырнувшей вдруг из-за угла женщиной. От неожиданности оба вздрогнули. Несколько мгновений они стояли, прижавшись друг к другу, Бачана успел разглядеть огромные сверкающие глаза женщины. Потом он быстро уступил ей дорогу и виновато произнес:

- Простите, пожалуйста, калбатано!

И тут же, подумав, что женщина слишком молода для такого обращения, добавил:

- Извините, девушка!

- Ничего, бывает! - ответила она спокойно и пошла дальше.

Бачана смотрел на удалявшуюся женщину и думал: "Если есть на свете внутреннее чутье и справедливость, она должна обернуться!" И женщина обернулась. Бачана медленно двинулся к ней, а она - навстречу Бачане. Сойдясь, они остановились, и Бачана, почувствовав вдруг, что у него сперло дыхание, сказал:

- Здравствуйте!

- Здравствуйте! - ответила женщина, протягивая РУКУ.

Бачана быстро стащил перчатку и схватил руку женщины. Рука была мягкой и теплой. Бачана заглянул

в глаза незнакомке и понял, что она тоже взволнована.

- Куда вы идете? - задал Бачана первый пришедший на ум вопрос.

- Домой, - ответила женщина и заложила руки в карманы меховой шубки.

- Вы очень красивая! - выпалил Бачана, краснея.

- Знаю, - сказала женщина спокойно.

- Наверное, это очень приятное чувство - сознание собственной красоты!

- Как сказать! - пожала плечами женщина.

- Конечно, приятно! Мне, по крайней мере, всегда очень приятно смотреть на красивую женщину! - разошелся Бачана.

- Это заметно! - улыбнулась женщина.

- Может, я вас отвлекаю своими глупыми вопросами? - спохватился Бачана.

Женщина отрицательно покачала головой.

- Вы очень похожи на Бачану Рамишвили! - сказала она.

- Очень! - ответил обрадованный Бачана, и сердце его наполнилось чувством гордости.

- Вам и другие говорят об этом?

- Почти все мои знакомые!

- Поразительное сходство!

- Настолько поразительное, что даже по паспорту я - Бачана Рамишвили! - рассмеялся Бачана.

Женщина бросила на него подозрительный взгляд.

- Ну-ка снимите фуражку!

Бачана снял запорошенную снегом фуражку, вытряхнул ее о колено.

- Боже мой! - воскликнула женщина. - Вы действительно Бачана Рамишвили!

- Как вас звать, девушка? - осмелел Бачана.

- Мою дочь зовут Майя...

Бачана смутился.

- Ей, наверно, годик? - постарался он скрыть неловкость.

- Семнадцать! - уточнила женщина.

- Не может быть!

- Клянусь Майей!

- А вас как величать?

- Мария.

- Вы очень красивы, Мария!

- И вы...

Бачана зарделся.

- Клянусь Майей! - повторила женщина.

- Или у вас нет дочери, или ваша клятва неискренна!
- проговорил с досадой Бачана.

- Нет, я говорю правду! - ответила женщина серьезно. Она круто повернулась и пошла.

- Подождите! - крикнул Бачана. Женщина остановилась. - Я провожу вас!

- Я живу далеко.

- Где?

- У Воронцовского моста.

- Да, далековато. Позвольте проводить вас...

- Нет, я хочу идти одна! - Женщина вскинула голову, подставив красивое лицо снежинкам.

- Не боитесь?

Женщина отрицательно покачала головой и пошла.

Бачана долго заворуженно смотрел на удалявшуюся женщину. Она шагала свободно, гордой походкой. Ни старый короткий полушубок с истертым воротником, ни стоптанные сапожки не могли скрыть величественную красоту ее стройной фигуры. Бачана очнулся, когда женщина скрылась за углом.

- Вот кретин! Спросил хотя бы фамилию!

Он сорвался с места и выбежал на проспект Чавчавадзе, но женщины уже не было видно. Она исчезла, словно опустившаяся на горячую ладонь снежинка.

Бачана вернулся домой. Стряхнув снег, он пошарил рукой под валявшимся у дверей ковриком, достал ключ, вошел в комнату и впервые в жизни почувствовал вокруг себя жуткую, бескрайнюю пустоту...

15

В тот день Бачана принял двух посетителей - нормального и ненормального. Впрочем, это выяснилось впоследствии, поначалу же Бачане оба посетителя показались вполне обычными людьми.

Бачана сидел в своем кабинете за рабочим столом и правил фельетон, в котором рассказывалось о темных махинациях, распутстве и самодурстве директора комбината меховых изделий. Фельетон был написан в резком тоне и очень удачно. Он, безусловно, должен был стать гвоздем номера, своего рода сенсацией, и поэтому знали о нем лишь Бачана и автор. Завязка фельетона выглядела почти неправдоподобно.

В купе международного вагона ехали две дамы. Они быстро познакомились, и вскоре между ними завязалась беседа, обычная для людей, не хватающих звезд с неба. Когда были перемыты косточки всем общим знакомым и даже вовсе не знакомым лицам, когда был повешен красный фонарь над дверью весьма уважаемой в республике особы, одна из дам вдруг зашлась кашлем, стала задыхаться. Подоспевшему поезднему врачу кое-как удалось привести ее в чувство. На вопрос, отчего вдруг с ней такое случилось, обессиленная дама показал рукой на висевшую в купе шубу своей спутницы и простонала:

- Мех... кошачий...
- Какой мех? - не понял врач.
- Аллергия... У меня аллергия к кошачьему меху...
- Понятно... Придется вынести шубу из купе...
- Да вы что, с ума сошли? - взорвалась обладательница шубы. - Какая вам это кошка?! Это же соболья шуба! Я за нее заплатила четыре пятьсот!

- Сколько бы вы за нее ни платили, шубу нужно вынести хотя бы на несколько минут...

После долгих споров проводник унес шубу, и тотчас же пострадавшая вздохнула свободно, кашля как не бывало...

С этого все и началось. Задетый в поезде случайно за конец нити клубок катился, катился и докатился до комбината меховых изделий. А за клубком следовали люди, не имевшие ничего общего с железнодорожным транспортом и медициной, но отлично разбиравшиеся в сортах и стоимости мехов...

И теперь директор этого комбината стоял перед Бачаной и улыбался заплывшими глазами. Бачана еще не знал, кто этот человек, но от одного вида посетителя - грузного, похожего на грубо обтесанный пень, - так и веяло самодовольством, наглостью.

- Здравствуйте! - произнес он и без приглашения уселся в кресло перед столом Бачаны.

Бачана отложил в сторону фельетон и приготовился слушать, но посетитель молчал. Так прошла целая минута.

- Я слушаю вас! - сказал наконец Бачана.

- Нет, это я вас слушаю! - улыбнулся посетитель.

- Не понимаю...

- Я директор комбината меховых изделий! - сказал посетитель, вперив в Бачану водянистые желтые глаза.

"Видно, у него желчный пузырь не в порядке", - подумал Бачана и произнес:

- Как ваша фамилия?

- Сандро Маглаперидзе. Моя фамилия вам должна быть известна! - Голос у посетителя был низкий, с хрипотцой.

- Впервые слышу! - солгал Бачана. - Но это неважно. По какому делу вы пришли? Я вас не приглашал...

- Я пришел по поводу ажиотажа, поднявшегося вокруг моего комбината... И я хочу посоветовать вам: не

следует прислушиваться к болтовне несведущих и глупых людей... Если вас что-либо интересует, спросите лично у меня! сказал Маглаперидзе тоном наставника:

- Не понимаю, о чем вы говорите... Я ничего не знаю... - ответил Бачана холодно.

- Вы все знаете... К сожалению... И это благодаря моим же сотрудникам... Ну с ними-то я рассчитаюсь сам.

"Наглец! Как он со мной разговаривает!" - подумал Бачана, но сдержался и ответил спокойно:

- Повторяю, я не знаю, о чем идет речь... Может, объясните?

- Извольте! Но я объясняю не то, что вам известно, а то, что известно мне!

- Слушаю вас.

- В завтрашнем номере вашей газеты должен быть опубликован фельетон под заголовком "Витязь в кошачьей шкуре"... Вообще-то автору этого дурацкого фельетона не мешало прочитать "Витязя в тигровой шкуре" великого Руставели. Там, между прочим, есть весьма поучительные слова:

О друзьях иметь заботу никогда не вредно людям!

Хороши ли, коль на помощь мы спешить к
друзьям не будем?

И еще:

...Когда под старость сохнет роза, увядая,

Вместо этой старой розы расцветает молодая.

- Надеюсь, вам-то знакомы эти слова, - добавил Маглаперидзе с улыбкой.

- Уж не собираетесь ли вы снимать меня с работы? - ответил также с улыбкой Бачана.

- Что вы, что вы, уважаемый Бачана! Просто я хотел предостеречь вас: вы уверены, что товарищу из вышестоящего органа, который курирует мое производство, понравится завтрашний фельетон?

- А откуда вам известно содержание фельетона?

- Известно, уважаемый Бачана... В фельетоне говорится, что я хапуга и мошенник, что у меня есть любовница... Потом там описана какая-то смехотворная история с некой аллергичкой, с какой-то шубой... Одним словом, подумайте о себе, уважаемый Бачана!.. Стул под вами не так уж прочен, как это вам кажется... Поверьте моему опыту...

Бачана покраснел от негодования, но спросил как только мог спокойно:

- Так что же вы мне советуете, товарищ Маглаперидзе?

- Прежде всего успокоиться. Впрочем, не скрою, я сам взволнован... Да, мой визит к вам унизителен для меня! В таких случаях я, как правило, посылаю к редакторам своих бухгалтеров... Вы первый редактор, к которому я пришел с просьбой лично! Учтите это!

- Счастлив оказанной мне честью! - склонил Бачана голову.

- Не надо иронии, уважаемый Бачана... Я пришел сюда потому, что уважаю вас... И вообще, ирония - это моя специальность...

- В таком случае вы напрасно тратите время! - ответил Бачана.

- Фельетон надо снять! - заявил безапелляционно Маглаперидзе.

- Не выйдет!

- Вам позвонит человек, отказать которому...

- Хоть сам господь бог! Номер набран, и его приостановка обойдется государству в пятьдесят тысяч рублей... Так что прекратим этот разговор...

- Сколько? - рассмеялся Маглаперидзе.

- Пятьдесят тысяч рублей! - подчеркнул Бачана.

- Я покрою этот убыток.

- Государство не нуждается в вашей подачке!

- Государство, дорогой мой, состоит из людей, таких, как мы с вами. И если люди не будут

поддерживать друг друга, государство рухнет. Неужели вы не понимаете этого?

Бачану бесила самодовольная улыбка, не сходившая с лица этого наглеца.

- Если под взаимной поддержкой вы подразумеваете мошенничество и денежные махинации, то глубоко заблуждаетесь, уважаемый Сандро! Не все покупается на деньги!

Маглаперидзе встал.

- Вы неискушенный молодой петушок, уважаемый Бачана. Вы только начали кукарекать и поостерегитесь, как бы не сорвать голос до того, как у вас появятся шпоры!

- Я учту ваши советы.

- И еще одно. Моэм говорит: кроме известных пяти чувств, существует еще одно - шестое, без которого грош цена всем остальным...

- Что это за шестое чувство? - усмехнулся Бачана.

- Деньги, уважаемый Бачана, деньги! - произнес Маглаперидзе с той же своей улыбкой.

- И несмотря на все, фельетон завтра утром будет в газете, а затем на него прореагируют в соответствующих органах.

- И редакция будет ждать ответа?

- Безусловно!

- Мне жаль вас, уважаемый Бачана, очень жаль!..

Маглаперидзе направился к двери.

"Подлец!" - хотел крикнуть Бачана, но директор комбината оказался проворнее, чем думал Бачана. Он быстро захлопнул дверь.

Второй посетитель вошел в кабинет Бачаны спустя час, словно выжидал, пока тот успокоится. Посетитель был изысканно вежлив, выглядел вполне респектабельно, глаза его словно излучали ум и доброту.

- Здравствуйте, уважаемый редактор!

Бачана встал, пожал протянутую руку посетителя и пригласил его сесть. Тот поблагодарил, снял шляпу, положил ее вместе с портфелем на приставной стол и после этого уселся в предложенное кресло.

- Позвольте представиться: сотрудник Главного статистического управления Галактион Георгиевич Мтварадзе!

- Очень приятно... Чем обязан?

- Извините, что я вас беспокою, отнимаю драгоценное время... Однако, зная вашу чуткость, осмелюсь занять вас всего на полчаса.

- Пожалуйста, хоть на час!

- Чтобы не утруждать вас этой странной - подчеркиваю, странной для вас - историей, приступлю прямо к изложению фактов. Только убедительно вас прошу, не прерывайте меня и не задавайте вопросов без особой в том необходимости. Прошу также предупредить вашу секретаршу, чтобы она во время нашей беседы никого не впускала.

Бачана нажал кнопку электрического звонка, заглянула секретарша.

- Елена Сергеевна, меня нет. Буду через полчаса.

Секретарша кивнула головой и захлопнула за собой дверь.

- Я слушаю вас! - обратился Бачана к посетителю и взял карандаш.

- Нет, нет, прошу не записывать!

Бачана отложил карандаш.

- Значит, так: я гуманоид!

Бачана вздрогнул:

- Что? Как вы сказали?!

- Да, я гуманоид! - подтвердил Мтварадзе.

Бачана понял все. Но он обещал не прерывать посетителя и потому скрепя сердце сказал:

- Понятно. Продолжайте, пожалуйста!

- Мы, жители планеты Гомос, пришли на Землю из туманности Андромеды и посеяли здесь первые семена жизни. Давность этого события не поддается осмыслению человеческим разумом, поэтому не стану утруждать вас математическими выкладками... Так вот, мы принесли на Землю жизнь... Это был исключительный по важности эксперимент, осуществленный в космосе. Эксперимент удался, на Земле возникла жизнь, и она дала свои плоды.

- Один вопрос! - поднял руку Бачана.

- Только по существу! - предупредил его Мтварадзе.

- Скажите, Галактион Георгиевич, когда и каким образом вы лично прибыли на нашу планету?

- Я знал, что у вас возникнет такой вопрос... Дело в том, что наша цивилизация практически уничтожила, свела к нулю понятия времени и расстояния. Эти категории у нас идентичны желанию. Вы понимаете меня? Это значит, что мы способны, не прибегая к помощи космических кораблей, летающих тарелок и других технических средств передвижения, в одно мгновение очутиться там, где мы пожелаем... Что касается лично меня, то я не приезжал к вам ниоткуда. Экспедиция, привезшая на Землю семена жизни, генетически запрограммировала наше периодическое возникновение по мере развития жизни с целью ее регулирования. Такой метод позволяет организмам самим определять пути своего совершенствования...

- Но в таком случае откуда вам стало известно, что вы гуманоид?

- Об этом в соответствующее время нам сообщают при посредстве биотоков научные центры Гомоса.

- И когда вы получили такое сообщение?

- Совсем недавно, в прошлое воскресенье. Я заснул как человек, а проснулся как гуманоид.

- Все ясно! - сказал Бачана.

- Ничего вам не ясно! Более того, вы принимаете меня за сумасшедшего, но не подаете вида. Я благодарю вас за проявленный такт.

Бачана смутился. А гуманоид продолжал:

- Основная цель эксперимента заключалась в установлении возможности возникновения на чужих планетах цивилизации.

- И к какому вы пришли выводу?

- Есть такая возможность!

- Слава богу! - обрадовался Бачана.

- Но ваша цивилизация развивается зигзагами. Она схожа с кардиограммой человека. Вы часто страдаете, ибо совершаете великое множество лишних, ненужных ходов. Человечество постоянно волнуется, колеблется, и когда ваш генезис приобретет явно неправильное направление, наступают войны, эпидемии, голод, духовная нищета и катастрофы...

- Почему же вы не поправляете нас, не указываете верный путь? В чем заключается ваша гуманность?

- Существует всеобщий космический закон невмешательства. Каждый живой организм должен самостоятельно достигнуть высшей формы цивилизации.

- Это несправедливо, Галактион Георгиевич! Коль скоро вы организовали эксперимент, вы же и должны помогать, способствовать его правильному развитию.

- Так оно и есть по существу. Наша помощь заключается в препятствии. Понимаете? Мы препятствуем человечеству свернуть на неверный путь. Мы уничтожаем семена, развивающиеся неправильно, не в том направлении.

- В чем же выражается эта помощь? - спросил Бачана с неподдельным интересом. Сейчас он действительно спорил с подлинным гуманоидом от имени заблуждающегося человечества.

- Мы дважды спасли сбившихся с пути людей в дни, когда разврат и распущенность погубили Содом и Гоморру, и в дни, когда всемирный потоп угрожал гибелью всему роду человеческому. Эти бедствия вы объясняете божьим гневом, дело ваше, для нас все одно - называть обед ужином или ужин обедом, - Мтварадзе снисходительно улыбнулся.

- Неужели этим исчерпывается ваша помощь человечеству? А духовная помощь? А помощь моральная? Почему вы не хотите сделать нас выше, чище в нравственном отношении? - Бачане стало искренне жаль и себя, и своих собратьев.

- Почему же! На различных этапах развития человеческого общества независимо от эпохи пробуждаются гуманоидные гены, которые стремятся воздействовать на нравственные начала человечества, разумеется, в положительном плане... Такое вмешательство мы считаем допустимым и целесообразным.

- Могли бы вы, Галактион Георгиевич, назвать, кроме себя, еще кого-нибудь из гуманоидов? - спросил Бачана.

- С удовольствием! Всех, конечно, не припомню, но некоторых назову: Гомер, Сервантес, Бетховен, Руставели, Шекспир, Гёте, Леонардо да Винчи, Боккаччо, Архимед, Джордано Бруно, Жанна д'Арк, Толстой, Пушкин, царь Парноваз*, Давид Строитель, Авраам Линкольн, Фолкнер, Гегель, Кант, Владимир Ульянов, Блок, Эйнштейн, Чарли Чаплин, Галактион, Важа, Акакий, Илья... Всех не перечесать...

* П а р н о в а з - грузинский царь, современник Александра Македонского.

- Как, по-вашему, Галактион Георгиевич, развивается ли современное человечество нормально,

верным путем?

- Трудно сейчас человечеству! - вздохнул Мтварадзе.
- Если б в свое время оно вняло советам перечисленных мною гуманоидов, сейчас ваши дела обстояли бы куда лучше... Но с тех пор как люди обратили взор к космосу, у нас, гуманоидов, появилась надежда. Человек обнаружил в себе удивительную энергию - любопытство. Да, да! Именно благодаря этому скомпрометированному вами же свойству вам удалось преодолеть чудовищную силу земного притяжения и выйти в космос...

- И, по-вашему, нам больше не угрожает опасность потопа или содомо-гоморровской катастрофы?

- Только в том случае, если вы потеряете интерес к учению названных мною гуманоидов, сочтя его устаревшим... И поверьте, такой катарсис пойдет вам на пользу!.. Поэтому оберегайте цивилизацию, оберегайте творения лучших умов прошлого! Ведь они достигнуты ценою стольких трудов, слез и крови! - Мтварадзе взглянул на часы и встал.

- Я изложил основную суть вопроса... И я безгранично вам благодарен за проявленное ко мне внимание! - Он приложил руку к сердцу и низко склонил голову.

- Еще один вопрос, Галактион Георгиевич. Почему вы пришли именно ко мне? Почему поделились вашей тайной со мной?

Лицо Мтварадзе озарилось светлой, доброй улыбкой, и лишь теперь в глазах его Бачана уловил болезненный блеск.

- Неужели вам ничего не говорят мои имя и фамилия? Галактион Галактика! Мтварадзе - Луна!*
Завтра я возвращаюсь на свою родную планету Гомос... На Земле я выполнил свою миссию. А теперь я должен выполнить последнее поручение и сообщить вам, дорогой Бачана Акакиевич, что вы гуманоид!

* М т в а р е - луна.

У Бачаны сжалось сердце и запершило в горле.

- Прощайте, друг и брат мой! Теперь вы осведомлены о вашей миссии на Земле!

Галактион обнял Бачану, прижал его к груди, потом повернулся и быстрыми шагами вышел из кабинета.

...Бачана не слышал, как в комнату вошла секретарша, положила на стол кипу бумаг. Он стоял у окна, бессмысленно улыбался, и по щекам его катились слезы...

Бачана не спал всю ночь. Утром, придя в редакцию, он первым делом позвонил в Статистическое управление.

- Алло, слушаю! - раздался в трубке приятный молодой голос.

- Статуправление?

- Да.

- Скажите, девушка, у вас работает Галактион Мтварадзе?

- Мтварадзе?.. Этот ненормальный?.. Простите, а кто спрашивает?

- Я друг Галактиона.

- Вот уже неделя, как Галактион бесследно исчез...

Трубка застыла в руке у Бачаны.

- Алло, алло...

Бачана положил трубку...

16

Бачана Рамишвили родился 14 июля. Эта дата была отмечена во всех календарях мира, но, разумеется, не как день рождения Бачаны, а как день падения Бастилии, день рождения Французской республики.

Сейчас Бачана с улыбкой смотрел на лежавший перед ним календарь и думал...

...Французы, родившиеся 14 июля, конечно же, справляют свой день рождения торжественно. А кто

знает о дне рождения Бачаны? Никто. Ну, знают, наверно, об этом в отделе кадров, где хранится его личное дело, да в паспортном отделе милиции, где ему недавно выдали бессрочный паспорт. Но знать - еще не значит помнить... Последний раз день рождения Бачаны справили, когда ему было девять лет. Школьный друг Вахтанг Элбакидзе подарил ему замечательный красный самоходный пожарный автомобиль... У, когда это было!.. С тех пор день рождения Бачаны был упомянут всего трижды.

- Будь проклят день твоего рождения! - когда он впервые закурил.

- И зачем только ты родился! - когда он впервые напился.

- Кто тебя породил, изверга! - когда он потерял хлебную карточку.

Эти слова он слышал в разное время, от разных людей, к которым он ни тогда, ни после не испытывал обиды, ибо хорошо понимал, что были продиктованы они в первых двух случаях заботой о его здоровье, в третьем же - страхом перед неминуемым голодом. С чувством великой признательности думал он об этих людях, которые только и могли вспомнить о дне его рождения и которых уже не было в живых. Он платил им за проявленное к нему добро тем, что регулярно ходил на кладбище и украшал их могилы фиалками, розами, гвоздиками.

...И вот сегодня... Сколько людей, родившихся в сегодняшний день, получают в подарок цветы, и сколько украсится цветами могил людей, скончавшихся в сегодняшний день... Сколько, глаз новорожденных откроется сегодня, и сколько их закроется навсегда... Бачана представил себе огромную, словно древо жизни, вертящуюся карусель. Мелькали тысячи лиц знакомых и незнакомых, улыбающихся и печальных, удивленных и восторженных, хмурых и радостных, изможденных и

счастливых... С игрушечных кораблей, автомобилей, самолетов, лошадей сходили усталые, одурманенные люди, и их места на карусели занимали другие... Бачане показалось, что он сам только что сошел с карусели, что у него кружится голова. Он встал, подошел, шатаясь, к окну и распахнул его. В комнату ворвался легкий вечерний ветерок. Потом Бачана подошел к двери, выглянул в коридор. В редакции никого не было. Желая чем-то отметить свой день рождения и не придумав ничего лучшего, Бачана сегодня до конца рабочего дня отпустил удивленных и обрадованных сотрудников.

Он вернулся к столу, сел и достал из ящика первую попавшуюся корреспонденцию. "Почему летучие мыши спят, вися вниз головой?" называлась она.

Зазвонил телефон. "Кому это приспичило звонить в такое время?" удивился Бачана и поднял трубку:

- Слушаю!

Трубка молчала.

- Слушаю, слушаю!

В трубке слышался шорох, напоминающий дыхание. Не дождавшись ответа, Бачана положил трубку и вернулся к рукописи. Действительно, почему летучие мыши спят, вися вниз головой? Бачана не стал читать рукопись, ему почему-то захотелось самому найти ответ на этот, казалось бы, никчемный вопрос. Потому, наверно, что... В детстве на уроках физкультуры Бачана много раз повисал на турнике вниз головой, заслуживая похвалу преподавателя, но особого удовольствия от этого не получал. Однажды в Кобулету ему пришлось побыть в таком положении добрых пятнадцать минут; рыбакам, вытащившим полуживого мальчика из воды, с трудом удалось откачать его, и это висение вниз головой Бачана всегда вспоминал с чувством отвращения. Так чем же летучих мышей привлекает столь необычная поза? Непонятно... Бачана решил было обратиться за ответом к лежавшей

перед ним рукописи, но тут дверь кабинета распахнулась и вошла женщина изумительной красоты.

- Я пришла! - сказала женщина.

Бачана не верил своим глазам: перед ним стояла Мария. Бачана хотел предложить ей сесть, но язык не подчинялся ему, хотел встать, но колени у него подкашивались, хотел улыбнуться, но лицо его словно окаменело. На какое-то мгновение он оглох и онемел. Женщина стояла, не двигаясь, бледная, с высоко подымающейся грудью, с выступившими на шее красными пятнами.

- Я звонила вам! - сказала она тихо.

- Знаю! - очнулся Бачана. - Я слышал ваше дыхание.

- Вас не было дома, потому я позвонила сюда.

- Чем могу служить? - произнес Бачана механически.

- Пойдем! - сказала женщина.

- Куда? - спросил удивленный Бачана.

- Куда вы пожелаете!

Бачана обомлел.

- Садитесь, пожалуйста! - с трудом выговорил он.

Женщина продолжала стоять. Стройная, с пунцовыми губами и черными волосами, в зеленой кофте и белоснежной юбке, она была похожа на вошедшую через окно весну.

- Пойдем! - повторила женщина, нервно помахивая зеленой сумкой. Бачана встал и тут только заметил зеленые туфли на точеных ногах женщины.

Они молча вышли из кабинета.

На улице Бачана остановил такси.

- Куда? - спросил водитель.

- Куда хочешь! - ответил Бачана и взглянул на женщину. Она улыбнулась.

Они поднялись на Комсомольскую аллею и расположились на веранде небольшого павильона.

Официант положил перед Бачаной меню и ушел.

- Что заказать? - спросил Бачана.

- Жареную картошку.
- А еще?
- Больше ничего.
- Вино?
- Как хотите.
- Коньяк?
- Нет.
- Тогда "тибаани".
- Пожалуйста.

В ожидании официанта Бачана закурил и предложил Марии.

- Спасибо, я не курю.

Наступило молчание. Бачана курил, поглядывал на Марию и думал... Зачем она пришла к нему? По делу? Или ей захотелось продолжить знакомство с ним?.. Или... Да нет, это исключено, не могла она знать о дне его рождения!.. Так что же ее привело к Бачане?.. Спросить? Но Бачану что-то удерживало от такого вопроса. И это "что-то" не было связано с соображениями такта: Бачана боялся загасить крохотную искру надежды, которая тлела в глубине его сердца со дня встречи с этой странной женщиной...

Наконец вернулся официант, и Бачана вздохнул с облегчением.

- Что у вас найдется? - спросил он.
- Птичье молоко! - ответил официант.
- В таком случае принесите жареную картошку и "тибаани".

Официант приуныл.

- Шашлык из ягненка, шашлык из телятины, жареные цыплята, филей, чакапули, абхазура, мужужи, татаряхны*, надуги**, мчади, молодой сыр, орехи... Выбирайте!

* Ч а к а п у л и, а б х а з у р а, м у ж у ж и,

т а т а р я х н ы - грузинские национальные мясные блюда.

** Н а д у г и - род творога.

- А соловьиного языка нет? Жареного! - пошутил Бачана.

- Жареного нет, вареный - пожалуйста! - осклабился официант.

- Ну так несите все!

- Орехи и "тибаани", - сказала Мария.

Официант послушно кивнул головой и ушел.

- Мария, а знает ли ваш супруг о том, где вы сейчас находитесь? выпалил вдруг Бачана и сам удивился своему глупому вопросу.

- Я не спрашиваю вас о том же, потому что знаю - вы не женаты, ответила Мария с улыбкой.

- Значит, вы не замужем? - заключил почему-то Бачана.

- Сейчас я не замужем, - сказала Мария.

- Почему? - спросил Бачана и понял, что опять сболтнул глупость.

- То есть я хотел спросить, есть ли у вашей дочери отец, - попытался сгладить неловкость Бачана.

- Есть отец и есть муж! - ответила Мария.

Бачана достал новую сигарету. Вернулся официант с пустыми руками.

- Шашлык весь вышел, уважаемый... Цыплят не рекомендую инкубаторские... Филея, оказывается, сегодня не подвозили... "Тибаани" нет, шампанского тоже... Есть швейцарский сыр, ростовский, "саэро"* и редиска...

* "С а э р о" - название вина.

Бачана опешил.

- А как с птичьим молоком? - спросила Мария.

- Прокисло! - отшутился официант.

Мария расхохоталась так громко, что к ней обернулись посетители павильона.

- Где ваш директор? - спросил Бачана официанта.

- Его сейчас нет, уважаемый... Как только он появится, приведу к вам!

"Или этот официант дурак, или же они узнали меня и скрывают закупленные на рынке продукты", - подумал Бачана и обратился к Марии:

- Уйдем отсюда! Не хотелось бы отмечать нашу первую встречу редиской и "саэро"...

- Разве это так уж важно? - ответила Мария. - Пусть несет что есть. А мы представим себе, что находимся в ленинградской блокаде... Будем смотреть друг на друга... Этот вечер запомнится нам навсегда...

В сознании Бачаны вновь зашевелился червь сомнения... "Чего она добивается от меня? Кто ее прислал? Зачем она пришла ко мне? Неужели только из желания встретиться со мной?" Он поднял голову, взглянул на Марию. Мария смотрела куда-то в сторону за его спиной. Бачана проследил за ее взглядом и увидел официанта, который стоял перед каким-то плотным мужчиной, слушал его и покорно кивал головой, словно механическая игрушка.

- Против вас готовится заговор! - сказала Мария Бачане.

- Если они собираются отнять вас у меня - ничего не получится! рассмеялся Бачана, взяв со стола погнутый алюминиевый нож.

- Таким ножом вам не удастся защитить меня! - улыбнулась Мария.

- Тогда зубами! - ответил Бачана, бросив взгляд в сторону официанта, но ни того, ни его собеседника уже не было. - Мария, нет больше сил моих! Скажите, что вас привело ко мне? Что вам нужно?

- Разве я прошу у вас что-нибудь? - удивилась Мария.

- Вы задали мне очень сложную задачу... Объясните мне ее или убейте меня!

- Задача самая простая. Завтра я лечу в Кутаиси. И, как всегда, хочу перед отлетом попрощаться с близким для меня человеком. Вот и вся премудрость!

- Почему же так? - спросил растерявшийся Бачана.

- Да так... Мне почему-то каждый раз кажется, что с самолетом должно что-то случиться... И что я вижу дорогих мне людей последний раз... Мария опустила голову.

- И я принадлежу к этой категории людей? - удивился Бачана. Мария, не глядя на Бачану, кивнула головой. - Чем я заслужил такую... такое...

- Если б я знала!

- И много у вас таких людей?

В ожидании ответа у Бачаны забилося сердце.

- До сегодняшнего дня был один всего человек - моя дочь Майя. Теперь появился второй - вы.

"Или мне все это снится, или женщина эта - сатана!"

- мелькнуло в голове у Бачаны, а Мария вдруг подняла голову и произнесла взволнованно:

- Я знаю, вы принимаете меня за сумасшедшую или за авантюристку... Уверяю вас, все это случилось помимо моей воли!.. Вот уже год я борюсь с собой... Но ничего! Я женщина сильная! Вот сейчас я встану и уйду!

- Мария встала.

- Если вы уйдете, я, наверно, умру! - Бачана рукой коснулся холодных пальцев женщины, и она поверила в искренность его слов. Поняв это, Бачана поцеловал руку Марии.

- Спасибо! - сказала Мария и села.

Появился официант с огромным, полным изысканными кушаньями подносом в руках.

- Это что? Откуда? - удивился Бачана.

- Пришел директор, увидел вас и велел отпустить из энзе! - объяснил официант.

- Кто ваш директор?
- Сейчас он придет!
- А он что, знает меня?

- Знает? Да он чуть было не уволил меня! Я же не виноват, уважаемый, ведь у человека на лбу не написано, кто он и откуда! Вы уж извините! Официант раскланялся и убежал.

Бачана оживился. Он с шумом откупорил бутылку шампанского и наполнил до краев бокалы.

- Хочу поделиться с вами одной тайной, Мария...

- Нет, первый тост мой! - Мария подняла бокал.

Бачана обратился в слух.

Мария подождала, пока в бокале осела пена, потом взглянула сквозь бокал на поднявшийся над Нарикалой золотой серп луны. Бачана последовал ее примеру. Луна сперва дрогнула, заколыхалась, потом медленно заполнила собой бокал и растаяла в янтарной жидкости. Бачане показалось, что он держит в руке прохладную янтарную луну.

- Сегодня луне четырнадцать дней... - тихо произнесла Мария. - Всем доподлинно известно время восхода и захода луны, известен день новолуния и день полнолуния. Но никто на свете не знает, когда она появилась, когда родилась луна... Я пью за здоровье людей, про день рождения которых не помнит никто...

Мария чокнулась с Бачаной. Луна в бокале Бачаны вновь задрожала, потом растворилась, превратилась в прозрачную янтарную жидкость. Мария и Бачана осушили бокалы до дна, и когда Бачана вновь посмотрел на небо, луны он не увидел. Луна скрылась в облаках.

- Мы сейчас выпили луну! - воскликнул он, по-детски радуясь этому странному совпадению.

- Дай бог вам долголетие луны! С днем рождения вас! - Мария поставила бокал. - Вы говорили о какой-то тайне, я вам помешала, - напомнила она.

Бачане вдруг захотелось заплакать, прижавшись к груди этой странной женщины.

- Я хотел только сказать, что вы необыкновенно красивы, Мария. Можно поцеловать вас?

Женщина лишь улыбнулась в ответ. Тогда Бачана встал, перегнулся через стол и поцеловал огромные влажные глаза Марии. И тут же он увидел направлявшегося к их столу плотного мужчину, который недавно разговаривал с официантом.

- Здравствуйте! - сказал подошедший мужчина хриплым голосом.

- Здравствуйте! - ответил Бачана.

- Если позволите, уважаемый Бачана, я на одну лишь минуту нарушу ваш покой...

- Присаживайтесь, пожалуйста... Это моя приятельница Мария...

Мужчина галантно раскланялся, поцеловал руку Марии и сел.

- Не узнали меня, уважаемый Бачана? - Мужчина достал из кармана три коробки "Винстона", одну пододвинул Марии, вторую - Бачане, третью оставил себе.

Бачана пристально взглянул на мужчину, какое-то смутное воспоминание мелькнуло у него в голове, но он не сумел уловить его и неловко проговорил:

- Как же, узнал, но вот никак не вспомню, где мы встречались.

- Я Сандро Маглаперидзе, из комбината меховых изделий...

- А-а-а! - воскликнул Бачана. - Сколько воды с тех пор утекло!.. Где вы, как вы, уважаемый Сандро?

- Спасибо, перебиваюсь помаленьку...

- Если вы пожаловали сюда, чтобы упрекнуть меня за старое, прошу не делать этого сегодня... Сегодня день рождения Французской республики и мой тоже! -

сказал Бачана весело и протянул Маглаперидзе полный бокал.

- Что вы! Какой упрек! Наоборот, я пришел поблагодарить вас, уважаемый Бачана!.. Сколько же вам исполнилось?

- Сорок пять!

- Боже мой! Сколько вам еще предстоит в жизни наслаждений! И любви! Маглаперидзе взглянул на Марию. Мария смутилась и покраснела. - Поздравляю вас, уважаемый Бачана! Дай бог вам счастья! Вы человек, неспособный на злой поступок, если даже очень захотите!

- Вы так думаете?

- Конечно! После опубликования того фальетона я стал популярным человеком! Вся Грузия узнала меня!

Бачана рассмеялся:

- Такой популярности я не пожелал бы даже своему врагу.

- Не скажите... Популярность есть популярность... Вспомните Герострата... Ваш фельетон помог восторжествовать истине и сорвал маску со зла.

- Не сомневаюсь...

Неприятное предчувствие подсказало Бачане, что Маглаперидзе пришел к нему отнюдь не из чувства благодарности.

- Да, да... Заинтересовавшись фельетоном, следственные органы установили, что та женщина была аферисткой и мошенницей... А человек, которому вы переслали фельетон, чтоб он на него отреагировал, оказался истинным патриотом...

- Каким образом? - спросил Бачана и пожалел, что предложил Маглаперидзе сесть.

- По вашим подсчетам, изъятие фельетона из набранного номера газеты обошлось бы государству в пятьдесят тысяч рублей, так? А этот человек свел убыток к двадцати пяти тысячам...

Бачана растерялся. Маглаперидзе почувствовал это и спокойно разъяснил ему:

- Он поступил очень просто: он не стал реагировать на ваш фельетон.

- Вы хотите сказать, что дали взятку, то есть заплатили двадцать пять тысяч рублей?

- Что вы называете взяткой, уважаемый Бачана? Благодарность человеку за проявленное к вам внимание, за оказанную вам помощь? Разве и сегодня мы не руководствуемся моральным кодексом Руставели? Вспомните, что говорит Автандил визирю:

Друг не может жить без друга, чтобы сердце не болело,

Если надобность случится, поспешит на помощь смело.

- Я вижу, свою грязную философию вы разработали основательно, с привлечением первоисточников, - съязвил Бачана.

- О, классическая литература - великое дело... Руставели я перечитываю ежедневно, как Евангелие... Между прочим, я читаю и ваши произведения и нахожу в них много поучительного для себя... Какая у вас красивая подруга, уважаемый Бачана, - переменял вдруг Маглаперидзе тему, впервые вижу столь красивую женщину без украшений!

Бачана не ждал такого оборота и не нашелся, что ответить.

- У вашей супруги, надо полагать, украшений предостаточно?! спросила Мария Маглаперидзе и, чтобы скрыть волнение, отпила вина.

- Не жалуется... Но я имел в виду не жен... Есть женщины, придающие красоту нашей жизни, так сказать, вне семейного очага...

Мария вспыхнула, но промолчала.

Бачана решил вернуться к главной теме беседы:

- А в вашей жизни после фельетона ничего не изменилось?

- Как же, уважаемый Бачана! Во-первых, сгорело наше производство. Подвела старая электропроводка... Во-вторых, мой визирь вышел на пенсию и теперь работает по торговой линии... Он взял меня к себе. И мы создали новое объединение ресторанов... Возродили, так сказать, дело на старом пепелище, как спаленный Нероном Рим, ха-ха-ха!.. - Маглаперидзе противно захихикал.

- Да, теперь я убеждаюсь, вы очень способный и опасный мошенник, уважаемый Сандро... И я обязательно вернусь к вашему делу, если позволят обстоятельства, - сказал серьезно Бачана.

- Вот уж не ждал от вас такого ответа! Я думал, за это время вы остепенились, научились петь как полагается... А вы все еще кукарекаете по-своему... Разве вам не известно, как поступают с поющими не вовремя петушками?

- Угрожаете? - Бачана побледнел от возмущения.

- Вам не противно разговаривать с этим подонком? - спросила вдруг Мария Бачану. Маглаперидзе вскочил. Встала и Мария.

- Уходите отсюда! - проговорил чуть слышно Бачана, обращаясь к Маглаперидзе.

- Не поддавайтесь женским капризам, уважаемый Бачана... Проститутки заставили македонских воинов сжечь прекраснейший в мире город Персеполис... - сказал Маглаперидзе, вперив в Марию ненавидящий взгляд желтых глаз. И вдруг, пока Бачана успел что-либо сообразить, Мария размахнулась и закатила Маглаперидзе сильнейшую оплеуху. На звук удара обернулся весь павильон, но все произошло так быстро, что никто ничего не увидел... За столом Бачаны воцарилась гробовая тишина... Бачана вдруг почувствовал, как со стороны Маглаперидзе начал

приподниматься край стола. Бачана всей тяжестью налег на стол. Маглаперидзе изо всех сил старался опрокинуть стол, но это ему не удавалось. С минуту продолжался этот безмолвный поединок. Жилы на лбу у Бачаны и Маглаперидзе вздулись, глаза налились кровью...

- Не смей! - прошептал Бачана, и шепот этот был настолько зловещим, что Маглаперидзе вдруг остыл. Лицо его приняло прежнее выражение, глаза заулыбались. Он отошел от стола и обратился к Марии:

- Благодарю вас, сударыня! Век не забуду оказанной мне чести.

Бледная как мел Мария молчала.

- Уходите, Маглаперидзе! - сказал Бачана, удивляясь своему спокойствию.

Маглаперидзе резко повернулся и ушел.

Бачана и Мария с минуту стояли, ошеломленные происшедшим, потом уселись за стол. Молчание длилось долго. Первым его нарушил Бачана:

- Мария, покажи билет на самолет.

Мария раскрыла сумку, дрожащей рукой стала шарить в ней, наконец нашла билет, достала его и протянула Бачане.

Не взглянув на билет, Бачана разорвал его, бросил куски бумаги в пепельницу и поджег их.

- Не оставляй меня, Мария! - произнес он тихо, когда билет в пепельнице догорел до конца. Мария чуть заметно кивнула головой. Бачана наполнил бокалы и подозвал официанта.

- Счет, пожалуйста!

- За все уже уплачено!

- Кто уплатил?

- Наш директор!

Бачана рассмеялся.

- Вот тебе и день взятия Бастилии!.. За тебя, Мария!

Они чокнулись. Потом Мария встала, подошла к Бачане и поцеловала его в щеку. Затем вернулась на свое место, села, уткнулась лицом в руки и навзрыд заплакала.

Возвышающаяся на горе церковь Шавнабада* действительно напоминает облаченного в черную бурку пастуха, который, заслонившись от солнца рукой, осматривает отары пасущихся на берегах Мтквари, Алгети, Машаверы и Храми** овец. Раскинувшиеся у подножия горы Рустави, Болниси, Марнеули***, словно стерегущие овец огромные овчарки, извергают из своих пастей дым и жар.

* Ш а в н а б а д а - название горы; по-грузински "шави"

черный, "набади" - бурка.

** А л г е т и, М а ш а в е р а, Х р а м и - название рек.

*** Р у с т а в и, Б о л н и с и, М а р н е у л и - названия

городов близ Тбилиси.

Изумительно красива поздней осенью Шавнабада, окутанная легкой дымкой тумана, упирающаяся куполом в самое небо.

Воскресный день. По узкой аробной дороге плетется автомашина. Раскачиваясь, словно пьяная, она останавливается на каждом повороте, отступает назад, собирает силы и рывком преодолевает очередной отрезок подъема. На последнем перед церковью повороте машина вновь остановилась. Бачана включил первую скорость, выжал сцепление. Из-под задних колес машины брызнули галька и песок. Бачана сильнее нажал на акселератор. Бешено завертелись колеса. Запахло горелой резиной.

- Сойду, - сказала Мария.

- Сиди. Она потому и буксует, что мало нагружена, - объяснил Бачана.

Он подал машину назад, потом включил скорость и дал газ. Машина рванулась вперед.

Бачана поставил машину под деревом.

- Ну вот, приехали!

Мария вышла из машины, скинула туфли, босиком пробежала по траве несколько шагов, потом остановилась посередине двора, раскинула руки и, встав на цыпочки, закружилась, словно маленькая, крикнула:

- Ау, как мы близки к богу!

Потом она присела перед церковью, уткнулась головой в колени и застыла, как впавшая в экстаз богомолка.

Бачана достал из багажника провизию, разложил ее на сооруженном под деревом столе, затем подошел к Марии, опустился рядом с ней на землю и, обняв ее за плечи, сказал со смехом:

- Мария, скажи какую-нибудь молитву!

Мария стала на колени, подняла вверх сложенные ладони, закрыла глаза и начала шепотом:

Ты - надежд моих надежда,
Сердца свет, души покой,
Ты - звезды моей сиянье,
Луч ты солнца золотой,
Ты - бессмертия источник,
Белокрылый ангел мой,
Об одном молю я бога
Быть с тобой, всегда с тобой!
Мария умолкла.

Бачана знал наизусть эти стихи, но никогда, ни разу он не задумался над их содержанием, столь напоминающим молитву. И теперь его охватило странное чувство умиротворения, что-то теплое

разлилось по всему его телу. Он привлек к себе Марию и спросил:

- Это молитва или желание?

- А разве это не одно и то же?

Солнце-солнышко родное,

Не скрывайся за горою!

Видишь, зябнет здесь девица,

Ты согрей ее собою!

Поспеши обнять голубку,

Про любовь ей молви слово,

Ждать красавица не станет

Сыщет молодца другого!

И словно природа вняла словам Марии: из-за горы поднялось огромное солнце, обняло церковь раскаленными руками и в мгновение ока выпило, словно молоко, разлитый по склонам горы туман.

Мария, прижавшись к груди Бачаны, заговорила, и слова ее звучали как молитва:

- Не покидай меня, Бачана!.. Не покидай, надежда ты моя единственная!.. Почему ты не был со мной до сих пор? От скольких несчастий ты уберег бы меня!.. С того дня, как я впервые увидела тебя, я отказалась от всего!.. Ничего, кроме тебя, для меня не существует!.. Ты мое божество, и я молю тебя: не покидай меня никогда, не возвращай меня в прошлое! Не хочу! Устала я!.. Я приближаюсь к тебе... Вот-вот дотронусь до тебя рукой... Я с тобой... Не покидай меня!.. - Мария заплакала.

Бачана с замиранием сердца слушал страстную исповедь взволнованной женщины и старался успокоить ее:

- Что с тобой, Мария?.. С чего ты взяла, что я покину тебя?.. Ну, перестань!.. Не плачь, дорогая моя!.. Я всегда буду с тобой!..

И когда Мария успокоилась, Бачана осторожно уложил ее на траву, поднялся и направился к церкви.

Он был взбудоражен и взволнован не меньше Марии.

В церкви царил прохладный полумрак. Бачана огляделся.

Изъеденные сыростью стены... Вокруг ни одной иконы, ни одной фрески. Ободранный иконостас... В углу - колченогий деревянный столик, покрытый истертой зеленой материей, на нем покореженный подсвечник и икона богоматери, нарисованная рукой какого-то чудака... В подсвечнике три догоревшие почти до конца свечи... На столе связка тоненьких восковых свечей и рядом скомканная бумажная трешка...

- Эй! - крикнул Бачана.

- Э-е-е-ей! - ответило эхо.

Взметнулись ворковавшие где-то в нишах под куполом голуби и один за другим вылетели в узкие оконца... Бачана стал обходить церковь. Восточная стена кое-где на высоте человеческого роста была закопчена свечами. Местами красовались длинные списки экскурсантов, расположенные по алфавиту, с указанием адресов и датой посещения церкви. На стене в алтаре, под единственной полустертой фреской спасителя, Бачана прочел жалкий стишок, в котором неизвестный поэт-самоучка бросал вызов всевышнему:

Не верю я в великого

Затертого, безликого!

"Комсомолец-атеист" - стояла под стишком подпись.

А чуть ниже на стене был нацарапан ответ:

Коль не веруешь ты в бога и доволен ты собой,

Ты зачем сюда тащился, комсомолец молодой?

У меня забот хватает, путь мой длинен и тернист,

Так оставь меня в покое, убежденный атеист!

И подпись - "Иисус Христос".

Бачана громко рассмеялся: в этом заочном состязании атеист явно уступал небесному отцу.

Выйдя из церкви, Бачана не увидел Марии.

- Мария, где ты? - крикнул он.

Ответа не последовало. "Зачем я оставил ее одну?!"

- подумал Бачана и бросился вокруг церкви.

Мария сидела за накрытым столом под деревом и мирно беседовала с каким-то стариком. Бачана подошел к ним.

- Куда ты исчезла? Я испугался!.. Здравствуйте! - обернулся Бачана к старику.

- Дай бог тебе здоровья! - Старик снял тушинскую шапочку*.

* Т у ш и н с к а я ш а п о ч к а - небольшая круглая шапка из войлока.

- Может, позавтракаем? - спросил Бачана Марию.

- Обязательно! Я проголодалась! - согласилась Мария. - И дядя позавтракает с нами.

- А почему бы и нет! У меня тоже кое-что найдется! - Старик развязал сумку, извлек оттуда домашний хлеб, сыр "гуда", вареное мясо, маринованный чеснок, полбутылки водки. Бачана принес из машины бутылку вина.

- Сперва, дети мои, пропустим по чарочке водки! - Старик достал из сумки крохотный рог, дунул в него, наполнил водкой и протянул Бачане:

- Ну-ка попробуй тутовую и скажи пару слов!

- Выпьем на радость нам, на горе врагам!

Бачана выпил, с минуту помолчал, потом удовлетворенно воскликнул.

- Да, водка чудесная! - и потянулся за чесноком.

Обрадованный старик налил себе.

- Где радость, там и горе... Выпьем и за то, и за другое, были бы живы и здоровы! За жизнь! - Он осушил рог и провел рукой по небритому лицу, потом налил Марии. - А теперь скажи ты, дочка! Бог создал тебя такой красивой, и речь твоя должна быть красива!

Мария взяла рог.

- Сколько тебе лет, дядя?

- А-а, - махнул рукой старик, - перевалило за семьдесят!

- Дай бог тебе еще столько же лет жизни!

- Многовато, но тебе все же спасибо! Люблю жизнь, не скрою! Хочется пожить еще!

Бачана улыбнулся.

- Как звать тебя, дядя? - спросил он.

- Зовут меня Георгием, фамилия Тушмалишвили.

- Откуда ты?

- Во-он с того села.

- А здесь зачем?

- Скотину пасу. - Старик показал рукой на противоположный склон, где паслись две коровы и три овцы.

- Твоя скотина?

- Моя.

- Доход хороший?

- Какой там доход! Они и себя-то не могут прокормить!

- Для чего же ты их держишь?

- Да так, глоток молочка, шерсти клочок, ну и мяса кусок иногда перепадет... Было бы их вдвое больше... А то сейчас что? Всего-то скотины - на ужин волку...

- А государству сдаешь?

- Да, сдаю...

- Что же ты сдаешь?

- То и сдаю - глоток молока, клочок шерсти, кусок мяса...

- А если б было у тебя скота вдвое больше?

- Да что тут спрашивать, сынок! Было б больше, сдавал бы больше... Куда же я его дену? Государству или на базар...

- А в колхозе ты не работаешь, дядя Георгий?

- Куда мне, сынок, в мои-то годы!.. Дети, конечно, работают. Да они и скот пасти мне не велят. Позоришь, мол, нас. Сидел бы, говорят, дома да отдыхал. А мяса да молока для сдачи мы, мол, и в магазине можем купить! Слыхал? В магазине! А откуда тому мясу взяться-то в магазине? Об этом они не думают, сукины сыны!

- Дядя Георгий, а у этой церкви нет хозяина? - спросила вдруг Мария.

- Да есть одна... старушка деревенская. Ее тоже зовут Марией... Это она рисовала икону, что в церкви на столе... Болеет, бедная, в неделю хоть раз поднимется сюда, и на том спасибо...

- А кто свечи зажигал? - спросил Бачана.

- Я и зажигал, кто же еще.

- А деньги на столе откуда?

- Как откуда? Я их положил. За свечи...

- Ты веришь в бога, дядя Георгий? - спросила Мария.

Георгий задумался. Потом он окинул взглядом церковь сверху донизу, почесал в голове, снова взглянул на церковь.

- Да как тебе сказать... Если откровенно, не так уж и верю... Но здесь целый день один и ни души вокруг, невольно станешь думать о боге...

- И что ты о нем думаешь?

Георгий еще раз посмотрел на церковь.

- Что я думаю?.. Думаю, что, когда люди разрушают чужие святилища, взамен должны строить храмы, больше и красивее прежних... Вот эта церковь... Чья она, кто ее строил - неизвестно. На телетоба* люди идут сюда со всех концов - и армяне, и татары, и греки, и русские... О грузинах я уж не говорю... Приходят, молятся... А по мне, лучше уж молиться в чистом поле, чем в такой церкви... Там бог лучше тебя услышит... А в этой развалине не то что богу, человеку противно стоять... Я к чему это? К тому, что церковь эта брошена без присмотра и ухода, а что взамен ее построили?

* Т е л е т о б а - храмовый праздник.

- Не понял я тебя, дядя Георгий...

- Да что тут понимать-то? Раньше, сынок, человек, направлявшийся в церковь, должен был подняться по подъему и через дверь в ограде входил, пригнув голову, перед церковью снимал шапку и в церкви был обязан поставить свечу... Да что я вам толкую, сами небось ученые, знаете лучше меня... А вот, скажем, наш сельсовет теперь ютится в наемном полуразрушенном доме, и люди туда входят не то что шапки скидывая, а ругаясь и отплевываясь... По мне, выше и красивее сельсовета не должно быть дома во всем селе... Вы как думаете, раньше люди не могли разве строить себе дома выше церкви? Могли, да не смели! Не было у них такого права!.. А теперь у председателя нашего колхоза дом против сельсовета, что Казбек против вон того холмика! Гараж у шофера Митьки и тот втрое больше нашего клуба!.. Пойдет человек молиться в такой сельсовет? Не пойдет!.. А разве мы нищие? Нет! Село, слава богу, богатое, крепкое! И хлеба вдоволь, и вина, и овощей! Человек чем от свиньи отличается? Тем, что человек ест то, что на дереве, а свинья - что под деревом, на земле. Я к чему это? К тому, что всякое дело вовремя требует хозяйской руки! Опоздал, упал плод с дерева, он и достанется свинье!.. Говорю председателю сельсовета: "Ведь ты хозяин, ты Советская власть! Так шевельни рукой, сукин ты сын, поставь дом как дом, чтобы человеку было приятно ходить в сельсовет!" - "Как, говорит, я его поставлю без денег и без лимита?" - "Это что еще за чертовщина лимит?" - "А это, говорит, кирпич!" Слыхали? Кирпича у него нет! Откуда же нашелся кирпич для Митькиного гаража или для дворца председателя колхоза?.. Ладно, кирпич достать он не может, но побриться или уж отрастить бороду по-христиански он может? Одеться

прилично может? Чтоб люди к нему с уважением относились? Может, сукин сын, да наплевать ему на все! У моей коровы больше авторитета на селе, чем у председателя! Почему? Да потому, что она всегда вымыта чисто и молока дает восемь литров! Вот почему! Или я не так думаю? Вы скажите мне! - Старик закончил свою речь и разлил по стаканам вино.

- Правильно все думаешь, дядя Георгий, - ответил Бачана, - но скажи честно, говорил ли ты об этом хоть раз на собрании?

- Сказал однажды...

- Когда?

- Тебе сколько лет?

- За сорок.

- А мне тогда было тридцать, и чуть не угодил я знаешь куда...

- Теперь другие времена, дядя Георгий!

- Вот и пусть скажут другие... Я свое прожил.

- А говорил, хочется еще пожить.

- Ох и быстры вы на слово, молодежь! Только вот с делами не любите спешить!.. А ты часом не из райкома, сынок?

Бачана рассмеялся.

- Нет, дядя Георгий, я писатель, редактор газеты.

- Редактор? Возьми и напиши в своей газете обо всем этом!

- И напишу!

- Вряд ли...

- Почему? Так и напишу: вот, мол, как думает Георгий Тушмалишвили.

- Хочешь все свалить на меня? - насторожился старик.

- Да нет же! Напишу, что я частично разделяю твои мысли.

- Только частично?

- Да.

- Значит, ты не во всем согласен со мной?

- Нет.

- А наполовину?

- Наполовину, пожалуй!

- Ну и пиши наполовину!

- Обязательно!

- Поживем - увидим, - проговорил с сомнением Георгий и обратился к Марии: - Напишет?

- Напишет! - рассмеялась Мария.

- А вы друг другу кто? - спросил вдруг Георгий.

Мария, не ожидавшая такого вопроса, смутилась, пожала плечами и вопросительно взглянула на Бачану.

- Мы, дядя Георгий, очень любим друг друга и поднялись сюда, чтобы обвенчаться. Да вот священника здесь нет, кто нас обвенчает? - ответил со смехом Бачана.

- Зачем вам священник? Если вы любите друг друга, обвенчать вас могу и я, - сказал Георгий, вставая. - Ну-ка встаньте оба! Как твое имя?

- Бачана.

- Твое я знаю - Мария.

Георгий воздел руки к небу, в правой он держал стакан с вином.

- Дети мои, Мария и Бачана! Пусть утренняя роса будет вам благовонным миром, высокое солнце - венцом, эта древняя церковь и родная земля свидетелями вашей любви. Я, Георгий Тушмалишвили, благословляю вас, как всевышний благословил Ноя и детей его. Размножайтесь! И пусть ваше потомство восславит нашу страну! Пусть любовь будет вечной спутницей вашей жизни! Будьте верны друг другу, поддерживайте друг друга в трудах и хлопотах! Аминь... И не забудьте пригласить меня на свадьбу!

Георгий опорожнил стакан до дна, вытер рукавом губы, подошел к Марии и Бачане и по очереди громко расцеловал обоих.

- Пусть теперь похвалится любой священник, что он благословляет и венчает людей лучше Георгия Тушмалишвили! - добавил Георгий со смехом и ударил себя в грудь.

- Спасибо тебе, дядя Георгий! - поблагодарил старика Бачана. Мария стояла, опустив голову, и молчала.

- А дети у вас будут красивые! Рожайте их побольше! - Георгий взял сумку.

- Уходишь, дядя Георгий? - спросил с сожалением Бачана.

- Надо идти, иначе скотина заберется в колхозный сад, сторож съест меня! Прощайте, дети! Будете еще раз здесь, поищите меня, я буду где-нибудь поблизости...

- До свидания, дядя Георгий! Дай бог здоровья каждому, будь он мужчина или женщина, кто здесь, в этой пустыне, сочувствует и поддерживает тебя! - Бачана и Георгий крепко пожали друг другу руки, и старик ушел. Пройдя несколько шагов, он вдруг обернулся и обиженно крикнул:

- А ты, Мария, сердись, что ли, на меня? Или я плохо тебя обвенчал?

Мария сорвалась с места, подбежала к Георгию, обняла его и стала осыпать поцелуями заросшее щетиной лицо старика. Потом так же быстро повернулась и побежала к церкви.

Проводив взглядом удалявшегося Георгия, Бачана пошел вслед за Марией.

Мария стояла на коленях у столика. Перед иконой богородицы горели три свечи.

Бачана долго прислушивался к шепоту женщины. Он не слышал слов, но понял, что Мария молилась. Потом он тихо положил рядом с измятой трешкой десять рублей и на цыпочках вышел из церкви.

Когда Бачана вошел в купе, там уже сидели два пассажира и увлеченно беседовали о чем-то. Один из них был явно из провинции, другой, помоложе, городской. Бачана поздоровался с ними, закинул сумку на багажник, сел и углубился в газету. Он читал, но невольно прислушивался к беседе соседей.

Провинциал говорил громко:

- Нет, уважаемый Роланд, человек с ружьем и плачущая мать нас не устраивают! Нам нужно нечто такое, чтобы человек, если даже у него вместо сердца камень, взглянул бы на памятник и заплакал!

- В таком случае ищите Леонардо да Винчи или Микеланджело, уважаемый Хута! - ответил молодой.

- Никакой он не Микеланджело, этот человек, который в Марнеули поставил памятник "Вырастут еще герои". А каков памятник, а? Когда я увидел двух голых детишек с огромным мечом на руках, поверите, аж слеза меня прошибла! Сделайте для нас что-нибудь такое, и вы станете нашим Леонардо да Винчи!

- Не знаю... Мой эскиз вы смотрели, и, кажется, он понравился вам, не так ли? - сказал обиженно молодой.

- Да, я одобрил эскиз на худсовете потому, что вы до этого обещали переделать его. Иначе вам не заплатили бы... Данное слово надо держать!.. А ружье и слезы нам не нужны!..

- Колокола на высохших деревьях не нужны! Обнаженный юноша, оседлавший льва, не нужен! Раненый орел не нужен! Солдат, сапогом раздавливающий змею, не нужен! Что же вам, в конце концов, нужно? - Роланд развел руками. - Как же мне раскрыть тему Отечественной войны и погибших воинов?!

- Сколько тебе было лет во время войны? - спросил Хута.

- Нисколько! Меня вообще тогда не было! - ответил Роланд.

- Вот это ты и изобрази!
- Что? - не понял Роланд.
- А вот это самое, что ты вообще не знаешь, что такое война!

- Как же это?
- Как!.. Недавно внучек мой, маленький Хута, нашел где-то мою фронтовую каску и туда... понимаешь: одним словом, справил малую нужду, сукин сын! Я сперва отодрал его за уши, а потом стыдно мне стало... Поверишь, всю ночь не спал!..

- Ну, знаете, на свете не существует таких памятников... И вообще, был случай, чтобы к вам пришел скульптор и стал вас учить возделывать кукурузу?!

- Такого случая еще не было, но если найдется скульптор, понимающий толк в кукурузных делах, почему бы и не поучиться у него?.. А вы как думаете, уважаемый? - обратился вдруг Хута к Бачане.

Бачана отложил газету.

- Извините, не знаю, о чем речь, - солгал Бачана. Он понял, что ни одна из спорящих сторон не сдаст своих позиций, и поэтому решил не вмешиваться.

- Дело в том, что... - начал Роланд, - я получил от них заказ... От колхоза то есть... Колхоз села Сакициао... А уважаемый Хута Шелия председатель колхоза... Я должен был создать мемориал на тему Великой Отечественной войны... Теперь, когда работа уже начата и деньги истрачены, они потребовали новый вариант! А как? Каким образом? На ассигнованные ими деньги лучшего не сотворишь! Пусть дадут деньги - я им Эйфелеву башню сооружу! В конце концов, все ведь упирается в деньги! Ради денег Леонардо да Винчи работал с Чезаре Борджиа - с самым грязным в мире человеком, который даже собственную мать и сестру...

- Стоп! Ни слова больше! - Хута хватил рукой об столик.

- В чем дело? - спросил изумленный Роланд.
- Нельзя произносить подобные слова! - ответил уже спокойнее Шелия.
- Какие слова?
- Такие!.. Нельзя, говоря об Отечественной войне, не то что вслух, но даже про себя думать о грязи и пакости!
- Да что я такого сказал? - покраснел Роланд.
- Я не могу повторить тех слов и тебе не советую! - Хута достал сигарету и закурил.
- Извините, пожалуйста! - Роланд встал и вышел из купе.
- Уважаемый Хута, - обратился Бачана к председателю, - а в самом деле, как ему быть, если на мемориал ассигновано мало средств?
- Ваше имя и фамилия, уважаемый?
- Бачана Рамишвили.
- Так вот, уважаемый Бачана, что значит - мало средств? Мы не требовали от него сооружения чего-то гигантского... Мы хотели иметь пусть небольшой, но хороший мемориал. Мал золотник, да дорог!..
- А если у него не получается? Закажите другому! - посоветовал Бачана.
- Да? А что я скажу народу? Ведь деньги-то истрачены!.. Вот везу теперь его в село, пусть сам выкручивается как знает! Я заставлю его сделать то, что нам хочется! А нет, так затащу его на чайную плантацию, и будет он у меня работать как миленький, пока не рассчитается сполна за полученные деньги! Гм, видал я таких. Да я, если хотите знать, сумел справиться даже с сыном Тараси Дараселия, а ведь он был орешек дай бог!.. - Хута Шелия сам улыбнулся сказанному и угостил Бачану сигаретой. Тот взял сигарету, но курить не стал.
- А какой бы вам хотелось иметь мемориал? - спросил он.

- Такой, чтобы человек, проходя мимо памятника, не стал бы спрашивать, что это такое, а просто остановился бы перед ним и задумался. Вот такой мы хотим иметь мемориал!

- Да, задача действительно трудная! - усмехнулся Бачана.

- Не спорю. Знаете, что было легко? Построили мы недавно животноводческую ферму. Пригласил я художника, попросил его оформить помещение. И знаете, что он наделал? Украсил все стены коровами, свиньями, козами и поросятами! "Что это такое?" - спросил я его. "Впервые вижу председателя колхоза, не узнающего представителей домашних животных!" ответил он. "Сукин ты сын, говорю, мало разве животных в помещении, так ты еще и на стенах их намалевал?!" - "А что же рисовать?" - спрашивает он. "Ты сперва сотри, говорю, то, что нарисовал, а потом мы решим, как быть дальше!"

- И что же было дальше?

- А ничего. Велел я ему нарисовать детишек - мальчика и девочку, голеньких, со стаканами в руках. Зеленый луг. Цветы. Много пестрых цветов. На лугу корова. И детишки со стаканами в ручонках просят корову дать им молока. Вот и все.

- А что корова? - спросил со смехом Бачана.

- Принесите мне травки, и я дам вам молочка, - говорит корова! ответил тоже со смехом Хута. - А рисунок получился прекрасный. Знаете, иной раз я специально иду полюбоваться им. Ведь сумел же нарисовать, сукин сын! А то - Леонардо да Винчи!.. Ты рисуй, как тебе хочется, но нарисуй то, что хочется мне! Разве я не прав, уважаемый Бачана?

- Правы, наверно... Но, согласитесь, у художника могут быть свои соображения... Искусство - дело сложное...

- Об этом-то и речь, об искусстве... А то нарисовать корову - это, конечно, легче легкого! Этому меня еще во втором классе научил Антон Гугунава. Был у нас такой преподаватель рисования... И сам он рисовал коров ну просто как живых, так и хотелось подоить их!.. А этот... Роланд... Зарядил свое - человека с ружьем! Да если б я хотел человека с ружьем, поставил бы живого мужика и дал бы ему в руки настоящее ружье! Мало на селе бездельников, что ли! - Хута задымил сигаретой, закурил и Бачана.

Видно, Роланду надоело стоять в коридоре или прошла обида - он вошел в купе и молча уселся на свое место.

- Ты что это, сынок, обиделся? Я ведь ничего такого тебе не сказал! Хута мозолистой рукой погладил Роланда по голове и продолжал, обращаясь к Бачане: - Наша молодежь любит жить на всем готовом! Мой сын, окончив школу, женился на женщине с двумя детьми! Даже в этом деле он не пожелал потрудиться сам!.. У вас сколько детей, уважаемый Бачана?

- Я не женат.

- О-о-о, это непростительно, уважаемый Бачана!

- А у вас?

- Один, тот самый, о котором я говорил... Но я не виноват. Жена, бедная, скончалась рано. Вернувшись с фронта, я ее уже не застал... А этот, мой... Парень он неплохой, но в данном вопросе не разделяет моего мнения. "Эти двое, говорю, твои, да не собственные, займай, говорю, хоть одного своего ребенка! Скотина, говорю, и та лучше тебя! Вон, говорю, наша коза родила тройню!" - "А у козы, говорит, забот мало: жрет она одну траву, а в одежде и вовсе не нуждается, - рождает детей в сапожках и дубленках. А как, говорит, мне одевать-обувать своих детей, когда джинсы у спекулянтов стоят не меньше двухсот рублей!"

- Правильно сказал! - вмешался в беседу Роланд.

- А у тебя-то самого сколько детей, защитник? - обернулся к нему Хута.

- Мне, уважаемый Хута, тридцать лет, имею троих детей, и жена моя ждет четвертого! - ответил Роланд со злорадством и отвернулся к окну.

- Молодец! - Хута ударил в ладоши. - Вот это я понимаю! Отец-герой! Я немного обидел тебя, прошу прощения!

- Да что там... - махнул Роланд рукой.

- Извини меня, сынок, извини! - повторил Хута.

- Ну что вы... - смутился Роланд и, чтобы переменить тему, спросил Бачану: - Вы куда направляетесь, уважаемый Бачана?

- В Сухуми, в командировку.

- Повезло вам... В море будете купаться...

Бачана улыбнулся и кивнул головой.

- А как же с нашим делом, дорогой Роланд? - начал Хута.

- С каким делом? - притворно удивился тот.

- А с памятником.

- Решил я, решил, уважаемый Хута! Только решил по-своему, а не по-вашему! - произнес в сердцах Роланд и опять отвернулся к окну.

- То есть как это? - насторожился Хута.

- А вот так! Стоит солдат! В каске и с ружьем! К нему прильнула молодая женщина, мать! Босоногая! А женщину окружают четверо голеньких, испуганных ребятишек! Вот так! - Побагровевший Роланд положил на столик сжатые в кулак руки, словно готовился к драке.

- Ну а что я тебе говорил?! - Обрадованный Хута вскочил с места и поцеловал Роланда в лоб. - Говорил ведь я, уважаемый Бачана! Лень думать нашей молодежи! На всем готовом она хочет жить! А чуть шевельни мозгами, она ведь горы свернет! Убедились?!

Бачану срочно отозвали из командировки по делам редакции.

Инструктор Центрального Комитета позвонил в гостиницу:

- Передаю указание секретаря: завтра в десять утра вы должны быть у секретаря!

- По какому вопросу? - спросил Бачана, но в трубке уже раздавались частые гудки.

Беседа с секретарем ЦК была краткой. Собственно, это была даже не беседа - говорил секретарь, Бачана слушал. Да и говорить ему было не о чем. Худшего положения он не мог даже представить себе: середь бела дня, в здании редакции его сотрудник был застигнут при получении взятки!

В два часа дня Бачана созвал экстренное партийное собрание. Кроме членов редколлегии и сотрудников редакции, на собрании присутствовали инструктор ЦК и работник Министерства внутренних дел, проводивший операцию. Собрание открыл секретарь парткома:

- Прежде чем начать обсуждение вопроса, я хочу попросить товарища Шалву Хелая рассказать нам, как, при каких обстоятельствах произошло дело со взяткой.

Хелая кашлянул, поправил черный галстук и начал:

- Два месяца тому назад в наш отдел поступил сигнал о том, что сотрудник вашей редакции Шота Цуладзе вымогает деньги у гражданина Калояна, на которого в редакцию поступило разоблачительное письмо...

- Товарищ Хелая, сигнал вы получили два месяца тому назад, а мне об этом говорите только сейчас? - воскликнул пораженный Бачана.

Хелая, немного помявшись, ответил:

- Видите ли, уважаемый Бачана, мы проверяли достоверность поступившего сигнала и потому решили не сообщать вам о нем, чтобы не беспокоить

преждевременно, а может, и без основания коллектив редакции и самого подозреваемого.

- А теперь этот "подозреваемый" сидит в тюрьме и вся редакция опозорена. Это, по-вашему, лучше? - спросил Бачана.

- Мда... Так получилось... Но факт остается фактом: Цуладзе был схвачен с поличным...

- В чем вы больше заинтересованы, товарищ Хелая, в предотвращении получения взятки или в аресте виновного? - Бачана еле сдерживал себя.

- Товарищ редактор, я очень вас уважаю, но непонятно, почему вы защищаете вашего сотрудника-взяточника? - ответил Хелая.

- А кто же его защитит, кроме меня? - удивился Бачана.

- Защищать следует невиновных!

- Как бы ни был виновен Цуладзе, вы поступили неправильно!

- Товарищи, по-моему, вы пригласили меня для информации. Если же вы собираетесь исключать из партии меня вместо Цуладзе, скажите об этом прямо! - обиделся Хелая.

- Извините, я немного погорячился...

Хелая раскрыл папку и достал оттуда лист бумаги.

- Вот анонимное письмо, поступившее в редакцию на ваше имя, Бачана Акакиевич.

- Как оно попало к вам?

- Найдено у задержанного Цуладзе. После получения взятки он должен был уничтожить письмо в присутствии Калояна.

- Покажите, пожалуйста!

Бачана протянул руку.

- Извольте! - Хелая передал письмо.

- Прочтите, пожалуйста, вслух, - попросил один из членов редколлегии.

Взглянув на листок, Бачана сразу узнал анонимку и собственную резолюцию. Письмо было коротким, написано крупными печатными буквами. Взволнованный до предела Бачана почувствовал, что он не сможет Прочесть письмо. Он передал его секретарю парткома:

- Прочти!

"Дорогой редактор! - говорилось в письме. - На улице Урбнели творятся темные дела. Проживающий в Но 571 Гайоз Константинович Калоян (заведующий магазином) и проживающая там же его сожительница Ксения Гавриловна Вартагава (кассирша того же магазина) с целью убийства методически, путем введения в пищу в разное время, в разных дозах различных отравляющих веществ отравляют жену Калояна Лили Герасимовну Аманатидзе, которая в настоящее время по случаю отравления находится в больнице. Уважаемый редактор! До каких пор будут попирасть нашу землю развратные террористы? До каких пор будет покрыто мраком это темное дело? Прошу поторопиться и вашим острым пером разоблачить этих разложившихся убийц! С уважением Гуманист".

- Есть на письме резолюция редактора? - спросил тот же член редколлегии.

Секретарь парткома прочел:

"Тов. Ш. Цуладзе. Прошу переслать письмо в Министерство внутренних дел. Б. Рамишвили".

Наступило молчание. Бачана взял у секретаря письмо и вернул его Хелая.

- Цуладзе не переслал письма в министерство! - произнес подчеркнуто Хелая.

Бачана не ответил. Он понял все, понял, как развивались дальше события. А Хелая продолжал:

- Шота Цуладзе не переслал письма в министерство. Он сам посетил на дому Калояна и ознакомил его с содержанием анонимки. Калоян, конечно,

категорически все отрицал. Вартагава также отрицала отмеченные в анонимке факты. Но Цуладзе сказал им, что редакция обязана дать ход этому делу, и ушел. Калоян, желая избавиться от неприятных процедур, предложил Цуладзе пятьсот рублей с условием, что тот уничтожит письмо. Цуладзе потребовал две тысячи рублей. Сумма эта, очевидно, оказалась для Калояна недоступной, и он обратился к нам с заявлением, в котором писал, что литсотрудник газеты Цуладзе с целью вымогать деньги шантажирует его и его сотрудницу... Была выделена оперативная группа, Калояну вручили две тысячи рублей для передачи Цуладзе. Деньги, понятно, были соответственно... А за Цуладзе было установлено наблюдение.

Хелая достал из папки еще один лист и продолжал:

- 17 сентября в 3 часа дня в подъезде No 2 дома, в котором расположен универмаг "Богатырь", состоялась встреча Калояна и Цуладзе. По заявлению Калояна, Цуладзе отказался от денег под тем предлогом, что якобы редактор требует изучения дела и опубликования материала в газете.

- Простите, уважаемый Шалва, а вам было известно, что заявление Калояна не соответствует действительности? - спросил ответственный секретарь редакции.

- Нет, тогда у нас еще не было под рукой анонимки с резолюцией редактора.

- Выходит, что во время всей этой операции сам редактор находился под подозрением?

- Нет, ни на одну минуту. Ведь Цуладзе говорил, что именно редактор настаивает на расследовании дела.

- Зачем, по-вашему, понадобился Цуладзе такой ход?

- Для повышения ставки.

Ответственный секретарь умолк. Хелая продолжал:

- Спустя десять дней мы повторили эксперимент. Свидание было назначено на территории Черепашьего озера в одном из домов этнографического музея под открытым небом. И опять Цуладзе не взял деньги, ссылаясь на тот же мотив... Хотя и обещал Калояну, что постарается уговорить редактора переслать письмо в Министерство внутренних дел. А дальше Калоян сам должен был хлопотать... Двадцать седьмого октября, зная, что редактор находится в командировке и Цуладзе будет действовать смелее, мы провели еще один эксперимент. И на этот раз наши ожидания оправдались. В десять часов утра в здании редакции Цуладзе взял у Калояна деньги!

- И это доказано? - спросил инструктор ЦК.

- Доказано, Деньги у Цуладзе изъяты. Он признался. Но вчера он изменил первоначальное показание и заявил, что он взял деньги взаймы. Хелая закрыл папку.

Бачана сидел за столом, как пораженный громом, и молчал.

- Уважаемый Шалва, - заговорил он наконец, - вы сказали, что Цуладзе дважды отказывался от денег и взял их лишь во время третьей встречи с Калояном. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно было повторять этот эксперимент трижды? Разве нельзя допустить, что человек образумился, осознал свою ошибку и отказался от преступного намерения? Вы не подумали об этом?

- Вы не знакомы со спецификой нашей работы и стараетесь объяснить дело благородными соображениями. Но это не так, как вам кажется... Если б Цуладзе не стал с самого начала торговаться с Калояном, быть может, и мы поверили бы в его порядочность. Он же явно тянул дело с целью повышения ставки!

- Но ведь Калоян принес ему точно назначенную сумму? Зачем же он отказывался?

Хелая заерзал на стуле.

- Мне все же кажется, что Цуладзе повышал ставку. Потом, мы трижды испытали его.

- Не знаю, что вы называете испытанием. По-моему, это соблазн.

- Наша цель заключается в искоренении преступности! - заявил твердо Хелая.

- Я думал, что ваша цель заключается в разоблачении, а не в искушении! - ответил Бачана. Сообщите вы мне вовремя обо всем, я снял бы Цуладзе с работы и преступление было бы предотвращено.

- Уважаемый Бачана, у нас нет времени и возможности ласкать и обхаживать взяточников!

- А Калояна?

- Дело Калояна изучает другая группа... И вы знаете, что ждет его, если указанные в анонимке факты подтвердятся...

- Благодарим вас за информацию, уважаемый Шалва! - сказал Бачана, вставая. Хелая попрощался со всеми и быстро покинул кабинет.

- Что скажете, товарищи? - обратился секретарь парткома к присутствующим.

- Разрешите? - поднял руку заместитель редактора.

- Прошу!

Заместитель встал, перебрал лежавшие перед ним бумаги. Видно, он заранее готовился к выступлению, и тем не менее он был взволнован.

- Здесь присутствует представитель Центрального Комитета, и это обязывает меня как коммуниста быть до конца откровенным. Сегодня мы, конечно, исключим Цуладзе из рядов партии, но это должно было случиться значительно раньше, не будь у него в лице нашего редактора сильного покровителя и протектора... Цуладзе покрыл грязью святое имя советского журналиста! Вся наша редакция сегодня скомпрометирована в глазах общественности! Поэтому

я повторяю: вся ответственность за происшедшее ложится на товарища Рамишвили. Рамишвили сам привел своего друга Цуладзе в редакцию, хотя у него не было никаких заслуг, покровительствовал ему до последнего дня, да и сегодня, если вы заметили, старается оправдать его... Именно благодаря такой "воспитательной" работе редактора мы оказались в столь неприглядном положении... Что, в конце концов, представлял собой этот Цуладзе?! Плохой друг, - хотя я никогда не принадлежал к числу его друзей, - плохой сын, плохой брат, плохой отец, бездарный литератор и, что самое главное, взяточник!.. Вот кто такой Цуладзе! Я всегда был против его прихода в редакцию, и он не пришел бы к нам, будь я редактором... Я в свое время заявил и в Центральном Комитете, и в Министерстве внутренних дел, что Цуладзе взяточник. Поэтому я снимаю с себя всякую ответственность и требую возложить ее целиком и полностью на товарища Рамишвили.

Заместитель достал из кармана белоснежный платок, вытер вспотевший лоб и подбородок, затем осторожно приподнял отутюженные штанины и сел.

Пока говорил заместитель, перед мысленным взором Бачаны пробежали его студенческие годы. Вспомнил Бачана, как они дружили - он, его нынешний заместитель и Цуладзе, как выступали на студенческой сцене, как собирались в университетском клубе, как делили последний кусок в студенческой столовой, прозванной "Рестораном "Наука", как ходили на экскурсии на Удзо и Шиомгвиме*, как втроем влюбились в одну девушку... Вспомнил все это Бачана, и захотелось ему плакать, плакать так громко, чтобы слышали его плач все, кто помнил их молодость...

* Ш и о м г в и м е - древний монастырь в окрестностях Тбилиси.

- Кто еще хочет высказаться? - спросил секретарь парткома.

- У меня вопрос к товарищу Гиви! - сказал литсотрудник.

- Какой вопрос? - удивился заместитель.

- Вот ты Сказал, что знал Цуладзе как взяточника. Сколько лет ты знал об этом?

- Пять, шесть! - ответил заместитель не задумываясь.

- Почему же ты в прошлом году дал ему рекомендацию для вступления в партию?

Заместитель побледнел, облизал пересохшие вдруг губы и проговорил:

- Вопрос не по существу... Во-первых, я не могу помнить, кому и когда давал рекомендации, а во-вторых, рекомендации для вступления в партию или заграничной поездки даются чаще всего формально...

- Гиви Давидович, это вы говорите шутя или серьезно? - спросил изумленный инструктор ЦК.

- А что, вы помните всех, кого рекомендовали в партию? - задал ему в свою очередь вопрос заместитель.

- Разумеется! Как же иначе! - развел руками инструктор.

- У меня вопрос, - сказал секретарь парткома. - Допустим, ты не помнишь, когда давал рекомендацию Цуладзе. Но почему же ты месяц тому назад поехал вместе с ним в командировку, зная, что он взяточник и разбойник?

- Не мог же я отказаться от поручения редактора!

- При чем редактор! Он тогда был в отпуске! Ты сам выписал командировку и себе и Цуладзе!

- Да, я поехал с ним, чтобы не допустить возможных злоупотреблений с его стороны! - выкрутился заместитель.

Литсотрудник громко захохотал. Секретарь постучал карандашом.

- Позвольте еще вопрос? - взял слово член редколлегии. - Вы сказали, Гиви Давидович, о том, что в свое время сигнализировали в ЦК и Министерство внутренних дел о недостойном поведении Цуладзе. Можете вы объяснить нам, почему эти инстанции не реагировали на ваши сигналы?

- Это было при старом руководстве... Многих из них уже нет на прежних постах, а других вообще нет в живых...

- А почему вы не сообщили новому руководству?

- К чему этот вопрос? - спросил с вызовом заместитель.

- А вот к чему, дорогой мой: если руководству от вас было известно обо всем и оно все же не среагировало, это в какой-то мере может облегчить нашу общую вину. Вот и все! - ответил член редколлегии.

- Никакой ответственности я за собой не чувствую и ни в какой поблажке не нуждаюсь! - отрезал холодно заместитель.

Прения продолжались. Все в один голос выразили глубокое сожаление по поводу случившегося и так же единодушно потребовали исключения Цуладзе из рядов партии.

Настала очередь Бачаны. Он встал и заговорил очень спокойно, но надтреснутым голосом:

- Друзья мои, почти все здесь сказанное - правда. Шота Цуладзе - мой друг молодости... Мы вместе учились в университете, вместе гуляли по Ваке и Верэ... Он всегда был отличным товарищем, любящим отцом своих детей и хорошим сыном своих родителей... Я пригласил его в редакцию не по дружбе, а из-за его острого ума и недюжинного таланта журналиста... Но, видно, у меня не хватило ни опыта, ни способности, ни авторитета повлиять на него, проследить за его

поступками и поведением... Говоря откровенно, то, что произошло с Цуладзе, я расцениваю как психическую аномалию... Я не собираюсь уклоняться от ответственности. Я согласен с моим заместителем вся ответственность должна лечь на меня, и я готов к этому...

Бачана сел и попросил воды...

...Боль возникла в правом плече... Затем она поползла к груди и застряла где-то под левым соском. Потом будто чья-то мозолистая рука проникла в грудь и стала выжимать сердце, словно виноградную гроздь. Выжимала медленно, старательно: раз-два, два-три, три-четыре... Наконец, когда в выжатом сердце не осталось ни кровинки, та же рука равнодушно отшвырнула его...

18

В тот день к отцу Иораму пришел посетитель. Их беседа была короткой, туманной и страшной.

- Батюшка, - сказал посетитель после первых слов приветствия, - ваши друзья, спасшие в ту ночь вам жизнь, будут очень рады, если вы забудете их фамилии и имена!

Посетитель сидел спиной к Бачане, и гот не мог видеть выражения его лица. Но по выражению лица отца Иорама Бачана понял, что пришелец человек преступный.

- Забыть и крест? - спросил отец Иорам.

- А также адрес!

- Но адрес известен "Скорой помощи", - сказал побледневший священник.

- "Скорая помощь" вас подобрала на улице, а звонили туда из автомата.

- Значит, все было предусмотрено и рассчитано?

- Да.

- А крест? - повторил отец Иорам.

- Не знаю, о каком кресте идет речь.

- Знаете!

- Я знаю только то, о чем говорю вам!

- По-вашему, мир крыт соломой? - горько улыбнулся священник.

- Черепицей, батюшка, марсельской черепицей! - поправил его посетитель.

- За сколько вы купили крест у того подлеца? - Голос у отца Иорама задрожал.

- Говорю вам откровенно: ваши слова о каком-то кресте мне абсолютно непонятны. Если это один из симптомов болезни, я не в силах оказать вам помощь. Если же вам нужен крест или, наоборот, вы желаете продать его, скажите об этом прямо, и я помогу вам. Не стесняйтесь, мы денег никогда не считаем...

- Кто это - мы? - спросил отец Иорам.

- Мы! - коротко ответил посетитель.

- А кто вы сами?

- Я посредник...

- Я не желаю говорить с вами!

- И я также...

- В таком случае до свидания...

- Не вижу пользы в нашей повторной встрече, поэтому прощаюсь с вами... - Посетитель встал.

- Запугиваете меня? - спросил отец Иорам, по голосу которого чувствовалось, что он уже запуган.

- Нет, предупреждаем!

Бачана до сих пор молча прислушивался к этому странному, совершенно для него непонятному диалогу, но последние слова незнакомца вывели его из терпения.

- Молодой человек, подойдите, пожалуйста, сюда! - попросил он. Бачану вовсе не привлекал разговор с этим нахалом, но ему очень хотелось запомнить его лицо. Незнакомец медленно повернулся к Бачане и спросил с притворной вежливостью, в которой сквозила нескрываемая ирония:

- Вы обращаетесь ко мне?

Бачана содрогнулся. У незнакомца не было лица! Как будто все было на своих местах - глаза, уши, нос, губы, подбородок... И тем не менее человек этот был безликим, его черты не выражали ничего, ни одного чувства, ни одного движения души и мысли. Бачана понял, что запомнить такого человека невозможно, что такие люди сами разыщут всех, кто им нужен, кто их интересуется. Поняв это, Бачана зажмурился и постарался воссоздать в памяти образ этого необычного посетителя, но напрасно - облик незнакомца растворился как видение.

Когда Бачана вновь открыл глаза, человека в палате не было.

- Кто это? - спросил Бачана онемевшего священника.

- Впервые вижу у человека такое невыразительное лицо!

- Это не человек. Это сатана...

Инфаркт, уложивший отца Иорама в больницу, был вторым по счету. И да не подумает уважаемый читатель, что сей тяжелый недуг поражал настоятеля Ортачальской церкви во время чтения бессмертного "Декамерона" или описания пира во дворце Валтасара, сохраненного для потомков пророком Даниилом.

Отец Иорам стал жертвой совершенно неожиданного для него случая.

В 1970 году в Париже в возрасте 90 лет скончался находившийся в эмиграции грузинский князь Саурмаг Амiredжиби. В своем завещании князь просил перевезти его прах в Грузию для отпевания в Ортачальской церкви святой троицы, а украшенный изумрудами золотой крест, с которым он не расставался до самой смерти, принести в дар иконе богоматери той же церкви.

Правнучка Амiredжиби - Кетеван Андроникашвили-Миролюбская выполнила завещание страдавшего

ностальгией предка. Он был похоронен на Кукийском Кладбище, а крест, с присовокуплением завещания и соответствующей аннотации, передан отцу Иораму.

В аннотации, помимо описания креста и указания его стоимости, содержалось сообщение о том, что сей крест принадлежал сестре Вахтанга Горгасала - Гурандхут и что шестнадцатилетний Горгасал, разбив войска аланов и хазаров и вызволив сестру из неволи, собственноручно повесил этот крест ей на шею.

Трудно сказать, насколько эти сведения соответствовали действительности и каким образом крест стал семейной реликвией рода Амiredжиби, однако он представлял собой огромную ценность, тем более для Ортачальской церкви, влачившей жалкое существование, и отец Иорам воспринял дар как величайшую милость божью.

С той поры ежегодно в день святой Марии отец Иорам с благоговением извлекал из сейфа покоившийся на белоснежной атласной подушке крест и возлагал его перед иконой богородицы.

Прихожане дрожащими от волнения губами прикладывались к глядевшему из глубины пятого века на них изумительными зелеными очами диву, а отец Иорам и дьяк Авель Арджеванидзе с не меньшим волнением наблюдали за прихожанами, дабы чрезмерный религиозный экстаз не заставил кого-нибудь из них прихватить с собой святую реликвию, оцененную французскими экспертами по историческим древностям в 250 тысяч долларов.

Так продолжалось до 1973 года.

А за год до этого, на вторую после праздника Марии неделю, когда отец Иорам сидел в своей келье и со слезами умиления на глазах в сотый раз перечитывал историю Иосифа Прекрасного и его братьев, дверь в келью отворилась, и появившийся нежданно-негаданно

дьяк Арджеванидзе весело приветствовал своего настоятеля:

- Привет, Иорамчик! - и притом громко икнул.

Вслед за этим он хлопнул по плечу обалдевшего священника и стал разоблачаться перед ним. Сперва он снял с головы и швырнул на каменный пол свой колпак, затем сбросил стихарь и отправил его туда же, наконец сорвал с груди огромный серебряный крест, швырнул его в лицо отцу Иораму и разразился мефистофельским хохотом.

- Сгинь, сатана! - только и смог прошептать перепуганный отец Иорам и сплюнул.

- Сию минуту! - обещал Арджеванидзе и, пока священник крестился отяжелевшей внезапно рукой, стал предавать анафеме весь христианский мир:

- Будьте вы прокляты все, и ты, поп, и отец твой, и дети твои, и твой дух святой, и твоя прогнившая церковь! Плевал я на вас и на вонючую свою душу тоже! Нате, подавитесь ею! - Дьяк глубоко вдохнул, потом со свистом и хрипом выдохнул воздух из легких. Келья наполнилась тошнотворным запахом хинкали и водки. - Берите всю, погляжу, на что она вам сгодится!.. Я ухожу, дарю вам сие вороново одеяние! - Он плюнул на колпак и стихарь, поддел их ногой и подбросил в воздух. - А этот пудовый крест повесь себе на шею и прыгай в Куру, авось сосчитаешь, сколько камней на ее дне!

- Опомнись, глупец! Не гневи бога! Услышит всевышний богохульные слова - лишит он тебя языка, несчастный! - попытался отец Иорам утихомирить взбесившегося дьяка.

- Двадцать лет он не слышал меня и вдруг теперь услышит? Глухой твой бог, батюшка, глухой! Сидит где-то там, на облаках, и пыжится! Спустился бы лучше вниз да сходил бы в клинику Хечинашвили, авось и вылечили бы старика!.. И тебе, батюшка, мой добрый

совет: скинь свой балахон и подумай о плоти! Она важнее твоей души!.. А я ухожу от вас! Никому ничего я здесь не должен! Желаете мою душу? Пожалуйста, наслаждайтесь! - И Арджеванидзе вновь с шумом выдохнул воздух. - А плоть свою я беру с собой!.. Привет! Арриведерчи!..

Дьяк сделал ручкой священнику, послал ему воздушный поцелуй, потом по очереди показал всем иконам взбухший от перца и водки язык, засунул руки в карманы и покинул келью отца Иорама с веселой песенкой.

Отца Иорама нашли лежащим без чувств в своей келье. Но это еще не было инфарктом. Крепкое сердце священника устояло перед потрясением.

Инфаркт с ним произошел спустя год, в канун праздника святой Марии, когда он, открыв сейф и взяв в руки атласную подушку, вместо знаменитого креста увидел лежащую на подушке ядреную редиску. Отец Иорам успел только подумать, что во имя утверждения веры и почитания к себе святая Мария могла бы сотворить чудо и безобиднее, и тут же грохнулся как подкошенный. Это уже был настоящий инфаркт.

За первым инфарктом отца Иорама естественно последовал арест Арджеванидзе. Но дело до суда не дошло. Оно прекратилось при первой же очной ставке пострадавшего и подозреваемого. Спустя неделю после выхода отца Иорама из больницы следователь доставил Арджеванидзе к нему на дом. Выслав из комнаты сопровождавшего милиционера, следователь усадил бывшего дьяка у постели священника, сам занял место у стола и приступил к составлению протокола:

- Гражданин Канделаки, нет ли у вас вопросов к подозреваемому Арджеванидзе? - задал он первый вопрос.

У отца Иорама задрожал подбородок и глаза наполнились слезами.

- Скажи, признайся, нечистая твоя душа, отродье ты сатанинское, кому ты продал святой крест? - обратился он к Арджеванидзе.

- Уважаемый следователь, слова, произнесенные сейчас на нашем, церковном языке, на вашем языке звучат хуже отборной матерщины! Поэтому я прошу квалифицировать поведение этого... этого подрывателя коммунистической идеологии как мелкое хулиганство! - произнес Арджеванидзе тоном оскорбленного в лучших чувствах человека.

Требование Арджеванидзе следователь пропустил мимо ушей и в свою очередь спросил его:

- Скажите, Арджеванидзе, есть ли у вас свидетель того, что кража креста совершена не вами?

- Свидетель - бог! - воскликнул тот, воздев руки к небу.

- Не смей, не смей произносить святое слово! - подскочил в постели священник.

- Арджеванидзе, не валяйте дурака! - прикрикнул следователь на бывшего дьяка. - Мы не можем вызвать в свидетели бога, назовите кого-нибудь из живых людей!

- Пожалуйста: священник Иорам Канделаки!

- Я-а-а?! - отец Иорам чуть не свалился с кровати.

- Именно! - подтвердил Арджеванидзе.

Наглость бывшего дьяка лишила отца Иорама дара речи. А тот продолжал:

- Спросите, уважаемый следователь, этого клеветника, сколько прошло времени между моим уходом из церкви и пропажей креста?

Следователь обратился к священнику:

- Когда вы обнаружили пропажу?

- Примерно спустя год... Ведь я доставал крест из сейфа лишь ко дню богородицы... Но это ничего не значит! Он мог выкрасть крест и до этого!

- А теперь спросите, где он хранит ключи от сейфа?

Следователь повторил вопрос.

- Вот здесь! - Отец Иорам пощупал висевшую у него на шее цепочку.

Следователь записал: "Ключ от сейфа постоянно висел у пострадавшего на шее". И задал новый вопрос:

- А в каком состоянии вы обнаружили сейф? То есть он был закрыт или взломан?

- Закрыт...

- И вы сами его открыли?

- Сам...

- Одалживали ли вы ключи Арджеванидзе?

- Никогда! - ответил отец Иорам и понял, что на этом все кончилось.

- Подумайте как следует, батюшка, что вы говорите... Может, вам нездоровится? В таком случае отложим беседу. - Следователю стало жаль священника.

- Ни в коем случае! - вскочил Арджеванидзе.

- Скажите, батюшка, - продолжал следователь, - вы никогда не расставались с ключом?

Отец Иорам лишь покачал головой: он даже в бане не снимал с шеи цепочку с ключом.

- А не мог кто-нибудь выкрасть у вас ключ для снятия слепка?

Отец Иорам не считал исключенной такую возможность. Но он не был убежден в этом и поэтому предпочел не отвечать на вопрос. Он попытался в последний раз воззвать к совести Арджеванидзе:

- Признайся, иуда, если в тебе осталась хоть капля чести, кому и за сколько ты продал крест?

- От иуды слышу! - огрызнулся бывший дьяк.

- На какие деньги ты построил дом в Глдани? Я две черепицы не смог заменить на крыше церкви, а ты...

- Дом принадлежал моему тестю. А что касается церкви, то я удивляюсь, как она вообще уцелела в руках такого разбойника, как ты!

Священник посинел. Следователь прикрикнул на Арджеванидзе:

- Еще одна такая реплика, и я... - Он не мог придумать, что еще можно сделать с человеком, который уже арестован по подозрению в воровстве, и поэтому лишь предостерегающе помахал пальцем.

- Но ведь вы сами проверяли документы по этому дому? - спросил Арджеванидзе. Следователь кивнул. - Тогда зачем вы угрожаете мне? Вместо того чтобы стать на защиту интересов честного человека, вы заступаетесь за слугителя культа?!

Следователь растерялся.

- А машина? - вмешался отец Иорам.

- Гражданин Канделаки! - обратился к нему следователь. - Следствие детально изучило все вопросы, касавшиеся дела... Так что говорите по существу!

- А разве вопрос машины не касается дела? - приуныл священник.

- Следствие ведется по поводу пропажи креста, и машина тут ни при чем, тем более что она принадлежит шуруину гражданина Арджеванидзе.

- У меня нет вопросов! - вздохнул отец Иорам и стал откупоривать склянку с валидолом.

- А у вас есть вопросы? - спросил следователь у Арджеванидзе.

- Вопросы? - Арджеванидзе встал. - Я, как человек, добровольно порвавший с религией, и как член президиума атеистического общества, портрет которого вывешен на Красную доску в здании нашего общества, категорически и официально требую: во-первых, за злостное клеветничество немедленно привлечь этого мракобеса к строгой ответственности и примерно наказать. Во-вторых, меня, как невинную жертву произвола и клеветы, немедленно освободить. И в-третьих, возложить возмещение нанесенного мне в

связи с вынужденным простоем ущерба на преступника Канделаки! У меня все! - Арджеванидзе вытер выступившую на губах пену и сел.

- Что и на кого будет возложено, это решит правосудие, и вас я спрашиваю не об этом! Задавайте вопросы гражданину Канделаки, если у вас есть таковые!

- Пожалуйста! - Арджеванидзе снова встал. - Я спрашиваю этого антихриста и темного человека: куда он дел собственность грузинского народа, уникальную реликвию, крест царевны Гурандухт?

Следователь обратился на священника вопросительный взгляд. И вдруг в памяти отца Иорама всплыла картина далекой молодости...

...На десятом номере трамвая он ехал на стадион. У Дезертирского рынка кто-то полез ему в карман. Иорам схватил вора за руку, но не успел произнести и слова, как вор закатил ему звонкую пощечину и громко крикнул:

- Как тебе не стыдно, парень?! Посмотреть на тебя - культурный, благородный молодой человек, видать, из хорошей семьи! А ты лезешь мне в карман?! Позор!..

Весь вагон обрушился на Иорама с упреками и угрозами. И ему не оставалось ничего иного, как на ходу соскочить с трамвая.

Вспомнив об этом случае, отец Иорам почувствовал, как у него загорелись щеки и на глазах его выступили слезы.

- Что вы скажете, батюшка? - спросил следователь.

Отец Иорам слез с постели и босиком, в одном нижнем белье проковылял в другую комнату. Здесь он снял со стены огромный дедовский кинжал, перекрестился, извлек из ножен лезвие, обеими руками поднял его высоко над головой и, словно сумасшедший, ворвался в комнату, где сидели следователь и Арджеванидзе.

- Умри, сатана! - крикнул священник и изо всех сил опустил кинжал на голову Арджеванидзе. Бывший дьякон успел отвалиться в сторону, а кинжал со свистом рассек воздух и надвое разрубил спинку стула.

Отец Иорам бросил кинжал.

- Уходите! - произнес он замогильным голосом, упал на пол и громко зарыдал.

...Следователь понял, что дальнейшее продолжение допроса и оформление протокола было немыслимо. Он должен был или немедленно уйти, или в этой обставленной иконами комнате могла пролиться кровь. Понял это следователь и потому вместе с подозреваемым поспешно покинул квартиру настоятеля обкраденной Ортачалской церкви святой троицы...

Второй инфаркт, в результате которого отец Иорам и лежал сейчас рядом с Бачаной, произошел с ним недавно - два месяца тому назад, в доме одного известного многим работника, куда он был приглашен для отпевания скончавшегося тестя этого работника, - разумеется, ночью, нелегально.

Отец Иорам не успел даже дойти до гроба - удар хватил его, когда он, переступив порог дома, увидел на сильно декольтированной груди хозяйки... крест сестры царя Вахтанга Горгасала - Гурандухт!

...Придя в себя в карете "Скорой помощи", отец Иорам вместо вожделенного креста увидел изображенный на белом медицинском ящике огромный красный крест, а потом всю дорогу до больницы вместо родного, привычного запаха ладана ощущал тошнотворный запах нашатыря и камфары...

Отец Иорам, наученный горьким опытом первого инфаркта, на сей раз не обмолвился ни словом о причине болезни. Он отвернулся от правосудия решив доверить судьбу воле всевышнего. Он верил, что рано или поздно божья кара настигнет виновного.

Одно только мучило и терзало отца Иорама: почему именно его, а не другого избрал бог для испытаний? Почему именно ему, а не другому достались столь тяжкие муки и страдания? Отец Иорам не находил ответов на эти мучившие его вопросы...

Бачана с удивлением присматривался к отцу Иораму. После визита того странного посетителя священник переменился до неузнаваемости, почти перестал разговаривать. Была ли это апатия, меланхолия или страх - в этом не мог разобраться не то что Бачана, но и сам отец Иорам. Но своеобразное чудо, безусловно, произошло: священник напрочь забыл и адрес того дома, и фамилию хозяев. Забыл так, словно безликий посетитель выскреб ножом уголок его памяти, где хранились воспоминания о той страшной ночи.

Подлинную историю своей болезни, похожую на исповедь, отец Иорам поведал Бачане за неделю до выхода из больницы. Однако как ни старался Бачана, как ни просил, как ни уговаривал Иорама назвать фамилию обладательницы креста, он не сумел уломать священника - отец Иорам наотрез отказался от ответа...

В Тбилиси свирепствовала эпидемия гриппа. В больнице был объявлен двадцатидневный карантин. По распоряжению профессора к больным перестали пропускать даже близких родственников, не говоря уже о случайных посетителях. По коридорам, словно привидения, бродили сотрудники больницы с марлевыми масками на лице. Профессор лично три раза в день обходил палаты. Больница напоминала осажденную крепость, куда не могла залететь даже птичка. Поэтому удивлению Бачаны не было предела, когда однажды утром распахнулась дверь палаты и на пороге появился друг его детства Вахтанг Амбокалзе с раскрытым до ушей в улыбке ртом.

- Вахо! - привстал в постели Бачана.

- Президенту простачков, дорогому Бачо, привет!

Амбокадзе положил на общий стол солидный сверток, подошел к постели Бачаны, обнял его огромными ручищами, потом осторожно уложил на подушку и безапелляционно приказал:

- Лежи и не шевелись! Профессор сказал, что тебе нельзя двигаться! Здравствуйте! - обернулся он к Иораму.

- Здравия желаю! - ответил священник.

- Как ты сюда пробрался? - Бачана не верил своим глазам.

- Подумаешь! Люди пробираются в здания банков и уносят оттуда деньги! Велика важность попасть к тебе в палату! - усмехнулся Амбокадзе.

- Откуда ты взялся? - продолжал Бачана расспрашивать приятеля.

Амбокадзе кинул взгляд на отца Иорама.

- Да, знакомьтесь, - спохватился Бачана, - это мой старый друг Вахтанг Амбокадзе, а это мой друг по палате, настоятель Ортачальской церкви святой троицы отец Иорам Канделаки.

- Ого, значит, инфаркт случается и с попами? Ведь им покровительствует сам господь бог? - Амбокадзе широко улыбнулся и крепко пожал руку отца Иорама.

- Ну, садись, рассказывай! Каким ветром тебя сюда занесло? Как ты вспомнил про меня?

Амбокадзе поставил стул у изголовья Бачаны, уселся, с минуту смотрел на него, покачивая головой, потом ответил:

- В общем, так... Приехал. Повидался с ребятами. Говорят - "Бачо собрался унести ксиву...".

- Что? - не понял Бачана.

- Решил, мол, умереть. "Как это умереть?" - спрашиваю. "А так, отвечают, схватил обширный инфаркт, сложил руки на груди и умирает!" - "Не может быть! - говорю. - Это такая сволочь, врет он все, прикидывается! Не посмеет умереть, не попрощавшись

со мной!" Вот и направился к тебе. Малхаз проводил меня, но его не впустили, торчит на улице.

- А как же тебя пропустили?

- А я зашел прямо к профессору. "Уважаемый профессор, говорю, пустите меня к Рамишвили, пятнадцать лет его не видел!" - "А кто вы такой?" спрашивает профессор. "Никто, говорю, просто человек!" - "Ну если просто человек - идите к нему, разрешаю!" Молодец! В жизни не встречал такого доброго профессора!

- Врешь! Что ты еще ему наговорил?

- Что, что! Сказал, что я несчастный сирота...

- Жулик ты! - рассмеялся Бачана.

- Согласен... Ну говори, как ты себя чувствуешь? Как сердце?

- Да выкарабкался как будто...

- Значит, вместе выкарабкались... Слушай, мне профессор дал сроку только три минуты... Вот тут лекарства... - Амбокадзе взял со стола сверток.

- погоди, какие там еще лекарства! - прервал его Бачана. - Даю тебе еще три минуты из моего фонда. Рассказывай: где ты был, чем занимался, надолго ли приехал, что собираешься делать? Не нужна ли моя помощь?

- Ничего мне не нужно, кроме твоего здоровья и благополучия! Нет на свете человека, кто бы помог Вахтангу Амбокадзе...

- Ну ладно, посиди, дай посмотреть на тебя!..

- Смотри, дорогой, но если придет профессор, с ним будешь объясняться ты! - предупредил Амбокадзе Бачану.

- Ладно! - согласился он.

- Так вот... То дело ты помнишь... - Амбокадзе опять покосился на отца Иорама.

- Давай, давай, свой он! - улыбнулся Бачана.

- Да... Помнишь, значит, дело, когда на Лоткинской горе - за Тбилиси - я пробил тоннель...

Бачана кивнул.

- Где это? - спросил удивленно отец Иорам. Он вырос в Тбилиси, но никогда ничего про такой тоннель не слышал.

- Из вашей церкви не видно, батюшка! - объяснил Амбокадзе и продолжал: - За эту работу полагалась премия от шести до двенадцати тысяч. Так как нас было двое - я и Баджаджгана, выдали нам по шести на каждого и путевки в Архангельск в придачу... Четыре года пробыл я там. Сам понимаешь, не могу я жить без дела. Вырубил полтайги, большую помощь оказал деревообрабатывающей промышленности! Потом принял участие в марафонском беге. Бежало нас десятеро. От Архангельска до самой Караганды...

- Пешком? - удивился отец Иорам.

- То пешком, то на поезде...

- И все же вы молодцы! - похвалил священник.

- Возвращались назад в столыпинских вагонах. До финиша дошли только трое. За это получили еще по две тысячи премии. Шесть да два - восемь... Потом я перебрался в Москву. Там друзья пригласили меня как видного специалиста по тоннелям на одно крупное дело. Прорыл я замечательный тоннель, да в самом конце обрушился он... Трое погибли. В живых остался я один, и потому вся премия - семь тысяч - досталась мне. И путевка в Свердловск... Семь да старых восемь - пятнадцать. Правильно?

- Правильно! - согласился Бачана.

- Теперь я в Тбилиси. Три дня как приехал. Пока хожу без работы, но, говорят, дел для меня здесь невпроворот... А я вот думаю... Не выйти ли на пенсию? Плюнуть на все, отдохнуть... А? Устал я, браток, устал... Амбокадзе тяжело вздохнул.

- Ничего лучшего ты не мог придумать! - обрадовался Бачана. - Конечно же, иди на пенсию! Решайся! А я сделаю все, что ты захочешь! В могилу лягу, только решайся! Прошу тебя! Нет у тебя дома? Живи у меня! Вахо, дорогой, дай слово, что уйдешь на пенсию! - Голос у Бачаны задрожал.

- Да что вы, Бачана Акакиевич, куда ему на пенсию? Человек здоровее племенного бугая! - воскликнул отец Иорам.

- Слишком уж у меня тяжелая профессия, батюшка! - горько улыбнулся Амбокадзе. - Тридцать из своих сорока пяти лет я провел в закрытых помещениях или под землей...

- Конечно, - согласился священник, - нелегкое это дело строительство тоннелей, но благородное!

- Не согласитесь, а то я с удовольствием поменялся бы профессией с вами! - усмехнулся Амбокадзе.

- Вахо, ты говоришь об этом во второй раз! - напомнил Бачана.

- А теперь - все! Устал я! И умереть мне захотелось, как говорил Йэтим-Гурджи, в родном Тбилиси! Помнишь?

Здравствуй, мой Тбилиси, город мой родной!

Сын твой непутевый по-прежнему с тобой!

- Смотри, Вахтанг, слово есть слово!

- Да, Бачо, слово есть слово! - Амбокадзе встал. - Да, лекарства! Он развернул сверток и высыпал на кровать Бачаны кучу ампул, таблеток и порошков. - Вот это атероид, это интенсаин, это панангин, вот кордарон, перитрат, персантин, вот эральдин, пульснорма, а это лекарство для сумасшедших - валиум!

- Вахо, это ты сошел с ума! Откуда такие лекарства? - Бачана от удивления разинул рот.

- Слышите, батюшка? Вот так всю жизнь! Все только и делают, что задают мне этот дурацкий вопрос -

откуда да откуда! А черт его знает откуда! Бери, и все тут!

- Да, но эти лекарства стоят дорого... Очень дорого!

- произнес задумчиво Бачана и стал бережно перебирать порошки и ампулы, словно перед ним лежало драгоценное сокровище.

- Об этом пусть думает тот, кто платил за них, тебе-то какая забота? - отшутился Дмбокадзе. - А у вас тоже инфаркт? - спросил он священника.

- Инфаркт и все остальные болезни, какие только существуют на свете! - вздохнул отец Иорам.

- В таком случае, раз вы живете в одной палате и хлеб едите вместе, уважаемому батюшке принадлежит половина этого добра. Закон есть закон!.. Ну я пошел, время мое вышло! А на твой грипп мне наплевать! - Амбокадзе обнял Бачану и крепко прижал его к груди. - Прощайте, батюшка! - обратился он к отцу Иораму и быстро пошел к двери. У дверей он обернулся и пристально посмотрел на Бачану удивительно красивыми и печальными глазами.

- Смотри, Бачо, не вздумай умирать!

Амбокадзе громко рассмеялся и хлопнул дверью.

- Кто этот благородный христианин, уважаемый Бачана? Я не успел даже поблагодарить его! - спросил отец Иорам.

- Вор, батюшка! Профессиональный вор! - ответил Бачана и проглотил подступившие слезы.

19

Бачана остановил машину у обочины дороги.

Холмы и поля Самадло лежали под глубоким снежным покровом. Вокруг не было видно ни души. В далеком селе над домами поднимались белые легкие облака дыма. Они тянулись к чистому голубому небу, выводя замысловатые узоры. Видневшиеся кое-где в поле оголенные деревья напоминали высохших от горя,

лишенных возможности встречи влюбленных с протянутыми друг к другу руками.

Бачана вышел из машины, стал осматривать крыши. Мария, скинув шубу, тоже вышла и, не говоря ни слова, побежала по заснеженному полю.

- Ты куда?! - крикнул Бачана.

Мария не ответила. Она бежала, утопая по колено в снегу. В высоких красных сапожках, с широкой цветастой шалью на плечах, она сама напоминала огромный цветок. Бачана с чувством радости и гордости взирал на этот живой, пробирающийся по снегу цветок, ибо знал, что принадлежит этот цветок ему, только ему, и никому больше.

Мария вдруг нагнулась, обеими руками зачерпнула снег и сыпала им голову.

- Бачана, иди сюда! - позвала она.

Бачана снял полушубок, забросил его в машину и пошел по следу Марии. Ему вдруг захотелось побегать, побарахтаться в снегу. Подойдя к Марии, он подхватил ее, поднял на руки, закружил, потом они вместе повалились, зарылись в снег. Разгоряченные, с забитыми снегом ушами и глазами, они долго кувыркались, пыхтя и смеясь, в снегу. Наконец, выбившись из сил, опрокинулись навзничь и затихли. Мария лежала, широко раскинув руки. Иссиня-черные ее волосы рассыпались по снегу, распахнутая грудь высоко вздымалась. Сейчас она напоминала загнанную охотниками, упавшую на снег лань.

Бачана восхищенно вглядывался в прекрасное лицо Марии, потом, не выдержав, сжал ладонями ее маленькие, похожие на раковины, озябшие уши и припал к ее горячим губам. Теперь они дышали одним дыханием, жили одной жизнью. Долго лежали они, не двигаясь, прислушиваясь к громкому биению своих обезумевших сердец.

- Встань! - сказала вдруг Мария, оттолкнув Бачану.

Бачана поднялся.

- Отвернись!

Бачана повиновался. И когда он вновь повернулся к Марии, он не поверил своим глазам: обнаженная Мария стояла перед ним, словно видение непорочного ангела божественной красоты.

Бачана зажмурился, потом снова открыл глаза. Мария лежала в снегу и, казалось, спала. Он быстро опустился перед ней на колени, подвел руки под ее лопатки, поцеловал в грудь и прошептал:

- Что ты делаешь, глупышка, простудишься!

- Два года я ждала этого дня, дорогой... И вот дождалась... Теперь со мной мое солнце... О какой простуде ты говоришь?.. - И Мария обняла Бачану...

Потом на землю спустилось солнце. Оно прошло по заснеженному полю Самадло, укрыло теплым белым покрывалом двух Адамовых потомков, прилегло у их изголовья и убаюкивало их, пока сладчайший сон не сомкнул им вежды, а потом возвратилось на праздничный зеркальный небосвод.

...Бачана вскочил, испуганно оглядел сверкавшее под лучами солнца покрытое снегом поле. Они были одни - Мария, Бачана и солнце.

Бачана бросился к машине, взял шубу, бегом вернулся к Марии, закутал ее в шубу и, подхватив на руки, понес к машине.

Спустя минуту они по безлюдной дороге спускались вниз к Тбилиси. Бачана вспомнил стихи, произнесенные Марией во дворе церкви Шавнабада:

Солнце-солнышко родное,
Не скрывайся за горою!
Видишь, зябнет здесь девица,
Ты согрей ее собою!
Поспешి обнять голубку,
Про любовь ей молви слово,
Ждать красавица не станет

Сыщет молодца другого!

Мария сидела на заднем сиденье и плакала. Но это не был плач униженной, оскорбленной женщины. Это было нечто совершенно иное - прощание навеки с чем-то незнакомым, непонятным и непостижимым для Бачаны. Он интуитивно догадывался об этом и потому не старался утешить плачущую Марию.

Мальчик и девочка, с сумками за плечами, возвращавшиеся из Коджорского интерната, застыли на месте, пораженные необычным зрелищем.

- Гляди-ка, Натия! - воскликнул мальчик, показав рукой. На поле Самадло голубым прозрачным пламенем горел снег.

За дверной ручкой Бачана нашел письмо. Редакторское чутье подсказало ему, что письмо анонимное. Он положил письмо в карман, открыл дверь, вошел в комнату, уселся за письменный стол и лишь после этого вскрыл конверт.

Письмо действительно оказалось анонимным, к тому же иллюстрированным порнографическими фотоснимками.

Сотни анонимных писем прошли через руки Бачаны. Но это, которое он сейчас читал, превосходило своей наглостью и пошлостью все, что ему когда-нибудь приходилось встречать в подобных письмах.

"Уважаемый Бачана Акакиевич!

Поздравляю с появлением над вашей дверью красного фонаря. Известная развратница, наставница всех тбилисских проституток, нашла в вашем лице еще одну дойную рогатую корову (увы, бугаем вас не назовешь!). Стоит ли удивляться, что эта женщина - букет венерических заболеваний - столь щедро питает вас своей "любовью"?! Любовь для нее - это тот комбинированный корм, который на животноводческих фермах скармливают коровам с целью получения от них побольше молока. Иссякнет это "молоко", уважаемый

Бачана Акакиевич, и тогда будет уже поздно снять красный фонарь, который украшает ваш дом и при свете которого вы сейчас читаете это анонимное, но тем не менее продиктованное искренней жалостью к вам письмо. Берегите свой авторитет!.."

Бачана отложил письмо, вытер со лба холодную испарину. Пока он читал письмо, в ушах у него звучал знакомый, очень знакомый голос. Казалось, письмо было написано женской рукой, но тем не менее Бачана чувствовал, как сильная мужская рука вколачивала в его сознание, словно гвозди, каждое слово этого дикого послания. Вколачивала так глубоко и крепко, что Бачана никогда не смог бы избавиться от них. Но голос!.. Где, когда он его слышал? Господи, дай вспомнить!.. Так и не вспомнив, Бачана стал разглядывать фотографии... Более отвратительные и циничные снимки трудно было представить себе! Вместе с тем... Усомниться в оригинальности снимков значило бы признать гениальность фальсификации. У Бачаны потемнело в глазах, застучало в висках. И когда ему показалось, что наступил конец света, вдруг в кромешной тьме забрезжил луч надежды. На одной из фотографий он увидел... обнаженную Марию. И именно этот снимок явился спасением для Бачаны и несомненным разоблачением фальсификатора: Бачана не узнал тела Марии. Женщина с лицом Марии на фотоснимке не была Марией!

Бачана бросил фотографии на стол... Он вспомнил Марию, стоявшую на коленях перед иконой богородицы, потом перед его мысленным взором проплыло покрытое девственным снегом поле Самадло, и вдруг Бачана возненавидел весь свет... Опустошенный и разбитый, он потянулся к телефонной трубке, чтобы позвонить кому-нибудь из друзей, отвести душу. Но он не смог вспомнить ни одного номера, не смог даже вспомнить,

есть ли вообще у него хоть один друг... И Бачана положил трубку.

Спустя неделю после получения анонимного письма Бачана и Мария сидели в крохотном кабинете Соганлугского ресторана. На столе стояли две бутылки вина, сковородка с жареной картошкой и ваза с очищенными орехами - любимые блюда Марии.

Бачана молчал. Мария, вызвавшаяся быть тамадой, говорила без умолку о поэзии, истории, искусстве, о животных, дельфинах, звездах, летающих тарелках, о любви, бессмертии, переселении душ. Бачана пил. Если он соглашался с Марией - кивал головой, если нет - не спорил. Он молча смотрел в огромные, сверкающие любовным огнем глаза Марии и пил. Для Марии не осталась незамеченной задумчивость Бачаны, но она ни о чем не спрашивала его и лишь иногда прерывала свою речь вопросом:

- Ты слушаешь меня, дорогой?

Бачана утвердительно кивал, и Мария продолжала. А между тем Бачана думал о своем - не о прошлом или будущем Марии, не о ее искренности и верности, красоте и уме. Его занимала, мучила одна-единственная ужасающая мысль - показать или не показывать Марии анонимное письмо, которое сейчас лежало у него во внутреннем кармане и жгло его, словно раскаленное железо.

Мария наполнила стакан вином и вдруг спросила:

- Почему ты не спрашиваешь о моем прошлом?

Бачана вздрогнул.

- Что ты сказала? - переспросил он, чтобы выиграть время для ответа.

- Я спрашиваю: неужели тебя не интересует мое прошлое? Три года мы любим друг друга, и ты ни разу не спросил, как я жила до тебя...

- Не интересуюсь, потому и не спрашиваю, - ответил Бачана, отводя взгляд.

- Неправда... Это очень, очень тебя интересует, но ты не спрашиваешь! Почему? Ждешь, пока я сама все расскажу. Разве не так?

Бачана опустил голову.

- Ты боишься, дорогой. И ты прав... Я сама боюсь... - Мария отпила глоток вина, смочила пересохшие губы, - я боюсь больше тебя... Боюсь не потерять тебя, а вспомнить прошлое.

- Мария, не будем портить вечер... - попросил Бачана.

- А он уже испорчен... С самого утра... Скажи, дорогой, что произошло? Ведь я все вижу и чувствую...

- Ничего, клянусь тобой!

- Легко же ты клянешься! - улыбнулась Мария. Она подняла стакан, взглянула на свет через вино, потом тихо произнесла: - Выпьем за того, кто умрет первым из нас!

- Мария, прошу тебя, не превращай вечер в панихиду... Ведь ты была в отличном настроении, что же с тобой случилось?

- Выпей!

Бачана выпил. Мария снова налила.

- А теперь слушай меня... Я умирала в жизни пять раз и воскресала столько же раз. В первый раз я умерла в страхе и воскресла в одиночестве... Во второй раз я умерла в одиночестве и воскресла в притворстве... В третий раз я умерла в притворстве и воскресла в беспечности... В четвертый раз я умерла в беспечности и воскресла в ненависти... В пятый раз я умерла в ненависти и воскресла в любви... Теперь я живу огромной, всеобъемлющей любовью, и знай, что умру в любви. И это будет моей последней смертью... После этой смерти я никогда уже не воскресну... Я исчезну, растворюсь в вечной любви... И потому мне безразлично, когда я умру... Я не боюсь смерти... Я пью за свою шестую и последнюю смерть!

Мария осушила свой стакан и заглянула в глаза Бачане.

Бачана смотрел на эту удивительную женщину и не знал, что ей ответить. Наступило неловкое продолжительное молчание. Бачане показалось, что комната разделилась на две части: Мария осталась в одной, он сам - в другой. Сторона Марии была полна воздуха, тепла, жизни и любви, он же очутился в страшной, пугающей пустоте, в безвоздушном пространстве. И чтобы не задохнуться, он быстро встал, обошел стол, сел рядом с Марией, обнял ее и приник головой к ее груди, словно к вечнозеленому дереву жизни... Мария поцеловала волосы на голове Бачаны и очень спокойно спросила:

- Скажи мне, что тебя мучает?

Бачана извлек из внутреннего кармана конверт с анонимкой и порнографическими фотографиями и дрожащей рукой положил его перед Марией. Она долго смотрела на конверт, потом вскрыла его. Мария сперва внимательно рассмотрела снимки, затем прочла письмо.

Бачана, не сводивший глаз с лица женщины, не заметил на нем ни малейшего движения. Но когда Мария, покончив с письмом, подняла на него свои огромные глаза, Бачана понял, какую он допустил роковую ошибку. В глазах Марии вместо возмущения, отвращения или ненависти он увидел лишь глубокую жалость к двум ничтожным людям - к автору анонимки и к нему самому.

Мария встала.

- Женщину совращает одиночество, дорогой. И мужчину тоже. Так что старайся никогда не оставаться в одиночестве...

Час, другой, третий сидел Бачана в ресторане, но Мария не вернулась. Гордость этой необыкновенной женщины превзошла ожидания Бачаны.

- А ваша... э-э-э... спутница давно уже ушла... - осмелился наконец смущенный официант.

- Да, да, я знаю! - ответил огорошенный Бачана.

- Прошу прощения, но... Ресторан закрывается... И если вы...

- Да, конечно, извините... Сколько с меня?

Бачана уплатил, не взглянув на поданный счет. Официант вышел.

Бачана изорвал в мелкие куски письмо и фотографии, бросил их в пепельницу и чиркнул зажигалкой. Сперва вспыхнули обрывки фотоснимков. С минуту Бачана наблюдал, как вспучивались, таяли и исчезали, превращаясь в пепел, человеческие фигуры. Пепельница напоминала ему миниатюрный ад. И когда пламя охватило анонимное письмо, Бачана вновь услышал знакомый голос. Он замер. Письмо говорило голосом Сандро Маглаперидзе.

20

Отца Иорама выписали из больницы в понедельник, но он категорически отказался уйти до вторника.

Та ночь запомнилась Бачане на всю жизнь...

...Около полуночи отец Иорам встал с постели и на цыпочках подкрался к койке Бачаны. Бачана прикинулся спящим.

- Бачана Акакиевич! - позвал священник шепотом.

Бачана не шелохнулся. Убедившись, что Бачана спит, священник опустил на колени.

- Боже великий! - произнес отец Иорам и перекрестился. - Спаситель наш! Святая дева Мария! Вот лежит перед вами раб божий Бачана Рамишвили и сам не ведает, что он есть сын ваш, душа ваша и милосердие ваше... Не гневайтесь на него за то, что дела ваши творит он от имени других. Не гневайтесь, ибо не ведает он, что бог, в которого он верует, возник в ваших недрах и по воле вашей... Боже всемогущий, будь покровителем и хранителем ему и дай ему

побольше сроку, прежде чем предстать перед тобой, ибо чем дольше он будет жить на этом свете, тем больше посеет в созданном тобою мире добра и милосердия. И разве не все едино для тебя, именем кого будут утверждаться на земле мир, справедливость, честность, добро? А если волею судьбы должно быть отвергнуто имя твое, но увековечено дело твое, да будет так... Зачем ты, святая троица, посеяла семя жизни и вдохнула бессмертную душу в человека? Ведь не ради честолюбия своего, не ради имени и славы своей! Разве ты отрицаешь обновление души и разума племени Адамова?..

Велик и могуч бог, которому он служит, ибо нельзя верить в дело, которому себя посвятил, без божьей на то воли... И вот лежит он, Бачана Рамишвили, пред тобою, и я, пыль от ног твоих, песчинка твоего бесконечного великодушия, коленопреклоненно молю тебя - смилуйся над ним, над восставшим рабом твоим!.. Если же обречен он тобою, то прими взамен плоть и душу мою, ибо не сумел я поправить в нем бога иного и обратить его на путь веры твоей!..

Отец Иорам встал, трижды перекрестил Бачану, потом снял с шеи маленький крест, осторожно подложил его под подушку Бачаны и лег...

Бачана долго не мог заснуть. А, когда он проснулся, отца Иорама в палате не было. Он ушел чуть свет...

Спустя неделю Бачана покидал больницу. Трогательным было его прощание с медперсоналом. Палатный врач и фельдшерица Женя тоже всплакнули, словно им было жаль видеть выздоровевшего и уходящего из больницы человека.

Накануне в палату к Бачане зашла Женя. Она положила в баночку три белые гвоздики и присела на стул. Бачана, подумав, что Женя пришла прощаться, с улыбкой ждал. Но Женя молчала.

- Начни же, Женя!

Женя замялась.

- Ну, тогда начну я!

Бачана встал, подошел к фельдшерице и поцеловал ей руку.

- Дорогая Женя, по справедливости цветы тебе должен был преподнести я, но, надеюсь, добрая сестра милосердия простит своему неотесанному и неблагодарному пациенту эту бестактность.

- Бачана Акакиевич, - прервала Бачану Женя, - пока вы болели, сюда каждый день ходила женщина... Очень красивая женщина... И справлялась о вашем здоровье... Да...

У Бачаны сперло дыхание.

- Какая женщина, Женя? - спросил он, хотя ему все стало ясно.

- Она заклинала меня не говорить вам...

- А как ее звать?

- Не знаю... Приходила каждый день и плакала, плакала... Вы не догадываетесь, кто она?

- Догадываюсь, Женя...

- Она очень вас любит... Оставила письмо, просила передать вам в день выхода из больницы... Вот оно...

Бачана взял письмо и, стараясь скрыть охватившее его волнение, стал перебирать в банке гвоздики.

- Она очень вас любит, Бачана Акакиевич!

- Спасибо тебе, Женя!

- Она очень хорошая, очень красивая, Бачана Акакиевич!

На подведенных черной тушью глазах Жени выступили слезы.

- Это ты очень хорошая и очень красивая, дорогая Женя! - Бачана еще раз поцеловал руку фельдшерице.

Женя поспешно вскочила и вышла из палаты.

Бачана прилег на койку и задрожавшей рукой вскрыл конверт.

"Дорогой мой!

Теперь, когда бог внял моим мольбам и даровал мне твою жизнь, я хочу - не прося сочувствия и прощения - выплакать перед тобой мою боль, которую, казалось мне, не вместит хранилище бед и несчастий всего человечества и для которой оказался достаточным вот этот листок бумаги...

Лет двадцать тому назад не было ребенка умнее я красивее меня... И воспитанного хуже меня... Свой миллион мои родители истратили на то, чтобы сделать меня несчастной... Никогда я не признавала ничьей опеки и не нуждалась в провожатых - ни в школу, ни на улице. И когда однажды я села в машину напросившихся "провожатых", тогда... пропала моя жизнь и превратилось в ничто имя мое... Я не могу описать то, что произошло потом... Я рассказываю об этом впервые, рассказываю перед богом и тобой... Я была распята на кресте в Цивгомборском лесу, и молодость моя до сих пор висит там, на том обгорелом кресте...

...Потом я жила, смеялась и танцуя... И дожила до сегодняшнего дня. И вдруг я остановилась. Я вспомнила бога и перекрестилась. И вот я стою теперь на коленях перед тобой и прошу тебя: прими мою жертву, прими душу мою, прошедшую сквозь адские муки, которая все эти годы стремилась к тебе... Я благословляю этот ад, ибо путь через него шел, оказывается, к тебе..."

Если б в ту минуту врачи сняли у Бачаны кардиограмму, ему долго еще пришлось бы лежать в больнице.

Бачана принял две таблетки седуксена и попросил собственное сердце успокоиться. Потом его вновь окутал розовый туман, и он заснул. И это был первый за все время его болезни сон без сновидений.

Утром, попрощавшись со всеми, Бачана спустился к профессору. Профессор сидел за огромным письменным столом и внимательно что-то рассматривал через лупу.

Бачана сперва не мог понять, чем занят профессор, а поняв, похолодел: перед профессором на столе лежало несколько разноцветных и разнообразных моделей... искусственного сердца. Бачане стало так плохо, что он поспешно опустился на стоявший у двери стул. Профессор поднял голову, удивленно взглянув на Бачану. Узнав его, он отложил пластмассовое сердце, встал и направился к нему.

- Очень, очень рад видеть вас, Бачана Акакиевич, да еще пожаловавшего, как говорится, на своих двоих!

Они пожали друг другу руки.

- Что с вами? - насторожился профессор. - У вас рука ледяная!

Бачана не мог оторвать взгляда от лежавших на столе моделей. Профессор понял все, поспешно подошел к столу, выдвинул ящик и одним движением руки смахнул туда модели.

- Валерьянку, если можно... - с трудом произнес Бачана.

Профессор достал из шкафчика пузырек с каплями валерьяны, налил в стакан несколько капель, добавил воды и подал стакан Бачане.

- Выпейте и ради бога не обращайтесь ни на что внимания!

Профессор пощупал Бачане пульс.

- Ничего страшного, сейчас все пройдет!

Бачана постепенно успокоился.

- Что это такое, профессор? - спросил он наконец.

- Да ничего особенного... Как вы себя чувствуете?

- Спасибо, прошло...

- Отлично... Пересядьте, пожалуйста, вот сюда, в кресло... Поговорим о вещах приятных.

Профессор усадил Бачану в глубокое мягкое кресло. Помолчав немного, Бачана снова спросил:

- А что, профессор, это реально? Искусственное сердце?

- Считайте, что реально... Вот уже четыре года теленок живет с искусственным сердцем... И это должно радовать вас, а не огорчать... Дело в том, что трансплантация живого сердца не дала ожидаемых результатов. Ваше заболевание - это скорее заболевание кровеносных сосудов, чем самого сердца, так что спустя определенное время инфаркту миокарда и коронарной недостаточности может подвергнуться любое трансплантированное здоровое сердце... Искусственное сердце - пока что наиболее надежный путь. Это признал сам Кристиан Бернард... Ну, об этом в другое время! - Профессор махнул рукой. - Признаться, я думал, что вы уже выписались, не попрощавшись со мной, и был обижен... - сказал он со смехом и похлопал Бачану по колену.

- Потому я и зашел к вам. Прежде всего примите, профессор, мою глубокую благодарность за внимание и заботу. Затем позвольте принести вам извинения за бессонные ночи, проведенные у моей койки. И наконец, хочется благословить вашу профессию и ваши золотые руки!.. - Бачане очень хотелось обнять и расцеловать этого славного человека, на грубоватом, строгом лице которого добротой и умом светились усталые глаза.

- Благодарить меня не за что, а за похвалу благодарю вас!

- Я не знаю, чем и как вам отплатить... То, что вы сделали для меня, вознаграждению не поддается... Поэтому позвольте мне просто любить вас как брата, как дорогого для меня человека...

- Спасибо! - сказал тронутый и смущенный словами Бачаны профессор. Спасибо! - повторил он и машинально выдвинул ящик письменного стола, однако, вспомнив реакцию Бачаны, тут же захлопнул его.

Бачана громко рассмеялся.

- Вот видите, вы уже привыкли! - воскликнул профессор и тоже рассмеялся.

- Что же мне остается делать? - развел руками Бачана.

- Вам оно не потребуется, если неукоснительно будете выполнять все мои указания! - сказал профессор и положил на стол свои огромные ручки.

- Слушаю вас! - ответил покорно Бачана.

- Сигареты - долой! Вино и водку - долой! Жирную пищу - долой! Ночные бдения - долой! Женщин - долой!

- И это - жизнь? - спросил приунывший Бачана.

- Инфаркт миокарда минус перечисленные запреты есть жизнь! отчеканил профессор простейшую формулу дальнейшего существования Бачаны.

- И до каких пор? - задал вопрос Бачана голосом утопающего, хватающегося за соломинку.

- Первые два года - обязательно, следующие два - желательно, еще два - добровольно... Я не запугиваю вас, Бачана Акакиевич, но поймите: вы перенесли обширный инфаркт миокарда, с которым шутить нельзя... При должном уходе за сердцем оно полностью восстановит свою деятельность и послужит вам еще столько же, сколько послужило до сих пор. Но сердце нужно беречь, лелеять... Сердце любит, чтобы его лелеяли...

- Понятно, профессор... А теперь разрешите попрощаться с вами... Бачана встал.

- Прощайте, Бачана Акакиевич! Забудьте навсегда нашу больницу, и дай бог, чтобы никогда больше вам не пришлось обращаться ко мне! Как к врачу, разумеется! - добавил профессор.

- Я покидаю вас с чувством глубочайшего удовлетворения... Эти два месяца, Нодар Григорьевич, для меня равнозначны всей моей жизни!

- Не понял вас...

- Человек должен хоть раз в жизни перенести тяжелую болезнь. Это позволит ему трезво, спокойно проанализировать и переоценить весь пройденный путь... В этом смысле больница оказала мне неоценимую помощь.

- По-моему, ваш жизненный путь не нуждается в повторном анализе и переоценке.

- Вы так думаете? - улыбнулся Бачана.

- Со стороны, по крайней мере, это кажется так!

- Два месяца в вашей больнице были для меня временем поразительных открытий!

- Что же вы такое Открыли?

- Закон вечности!

- Что?! - воскликнул изумленный профессор.

- Закон вечности! - повторил Бачана.

- Мм... м... В таком случае этот закон должен иметь какую-то формулу, не так ли?

- Конечно!

- Быть может, поделитесь со мной этой формулой? Уверяю вас, Бачана Акакиевич, я не намерен присваивать ее или записываться в соавторы! пошутил профессор.

- Суть этого закона, Нодар Григорьевич, заключается в том, что... душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее... И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить души друг друга: вы мою, я - другого, другой - третьего, и так далее до бесконечности... Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни...

Профессор удивленно-прислушивался к словам Бачаны.

- Сложный, однако, закон вы открыли, Бачана Акакиевич! - сказал он после продолжительного молчания.

- Сложный! - согласился Бачана.
- И вы надеетесь осуществить его в жизни?
- Иначе вообще не стоило бы жить, и я, кстати, был бы сейчас мертв.

Бачана протянул руку профессору, тот приблизился к нему, и тогда Бачана, не сдержавшись, обнял и прижал к груди профессора.

- Да... - проговорил взволнованно профессор. - Вам искусственное сердце не подойдет... С искусственным сердцем вы жить не будете... Чудной вы!

И когда Бачана почувствовал на своих плечах ласковое похлопывание богатырских рук профессора, он понял - закон вечности действовал...

Бачана отпустил присланную за ним машину.

Он пересек трамвайную линию на улице Клары Цеткин, вышел на улицу 25 Февраля и по ней спустился на проспект Плеханова.

За два месяца пребывания в больнице Бачана отвык от городского шума, и теперь у него слегка кружилась голова и дрожали колени. Он шел очень тихо и осторожно. А Тбилиси жил своей обычной жизнью - шумел, кричал, волновался, стонал, смеялся, гудел.

По проспекту Плеханова в двух направлениях, словно две реки, текли два людских потока. И граждане неслись в этих потоках, как пушенные на сплав бревна. Они сталкивались, останавливали друг друга, о чем-то говорили, спорили, жестикулируя руками, вновь расходились и растворялись в бурлящем потоке.

Бачана пересек проспект на переходе и сам очутился в этом людском потоке. Он старался обходить людей, не прерывая своего движения. С проспекта он свернул на улицу Марджанишвили, и здесь его подхватил новый приток огромной человеческой реки. Бачана чувствовал, как биение его сердца, отвыкшего от ритма улицы, постепенно приспосабливается к чему, как постепенно он сам вживается в общий пульс города.

И наконец сердце его нашло этот утерянный ритм и поплыло в потоке наравне со всеми - поплыло осторожно но уверенно и смело.

Он остановился у афишной тумбы театра имени Марджанишвили. Завтра театр открывал сезон премьерой пьесы его друга "Святые в аду". Что-то оттаяло в груди Бачаны, и по всему его телу разлилось приятное тепло. "Святые в аду!" - повторил он про себя и улыбнулся.

У моста Бачана почувствовал усталость - не болезненную, настораживающую, а приятную легкую усталость. Он остановил такси и уселся на заднем сиденье справа.

- Куда? - спросил водитель, включая счетчик.
- К Марии, - ответил Бачана.
- К кому?! - повернулся удивленный водитель.
- К Марии!..